



Тори

Халимендис

# САМАЯ ТЁМНАЯ НОЧЬ

Странные и страшные события происходят в Бранвии. Одновременно погибают герцог и его личный маг. После повторного замужества молодой вдовы исчезает юный наследник. А в крохотной северной деревушке появляется маленькая девочка с таинственным знаком на руке...

У повзрослевшей Лессы просыпается магический дар, и за девушкой начинается самая настоящая охота. Ее разыскивают и герцогиня, и претендент на трон, и таинственный Повелитель затерянного в песках древнего города. И все хотят использовать в своих целях. Все, кроме того, кто ее действительно любит.

---

---

**Тори Халимендис**

**САМАЯ ТЕМНАЯ НОЧЬ**

Деревушка вольготно раскинулась на морском берегу. Сам берег был каменистым, для купания непригодным — ноги переломать недолго, а то и гад какой подводный ужалит, но деревенских жителей море кормило исправно. Рыбаки уходили еще до рассвета и возвращались с закатом, а лодки их были полны улова. Щедрость моря позволяла не умереть с голоду в неурожайные годы — а таковые не были редкостью в суровом северном климате. На каменистой почве вообще мало что росло, и огороды были невелики, а урожаи скудны, но жители деревеньки под незамысловатым названием Бухта-за-Скалами не роптали на судьбу. Да и чего роптать, ежели рыба годилась не только на стол, а и на продажу: соленая, копченая, вяленая. Иной раз заезжие купцы не брезговали и свежей: видать, рассчитывали продать ее в одном из соседних городов. Тогда живую рыбу помещали в бочки с водой, прочно установленные на телегах. Эти же торговцы продавали рыбакам нехитрый скарб, хотя желающие иной раз и сами выбирались на торжище — пусть путь и долог, зато цены ниже и выбор больше.

В шторм рыбацкие лодки в море не выходили, зато потом, когда непогода стихала, вся деревня высыпала на берег. Иногда им везло и они находили выброшенные морем на берег подарки: различное добро с затонувших кораблей. Когда попадалось что поплоче, когда что получше, несколько раз и вовсе выбросило сундуки. Не с сокровищами, разумеется, а с одеждой и кухонной утварью, но деревенские были благодарны Морскому Богу и за такие дары.

А однажды они нашли на берегу меня. Я-то этого совсем не помню, поскольку была еще крохой, но историю о том, как очутилась в Бухте-за-Скалами, слышать мне довелось неоднократно и в разных пересказах. Детали их различались между собой, но одно было неизменным: рано утром рыбаки обнаружили на берегу разбитую лодку, из которой доносился детский плач. Первыми к находке приблизились любопытные подростки: братья Гевор и Люк. И увидели на дне мертвую женщину, а рядом с ней — захлебывающуюся криком малышку.

Находка породила множество споров. С покойницей все было понятно: похоронить на местном погосте, прочесть над могилой подобающие молитвы и помянуть неизвестную всей деревней, дабы душа ее в загробном мире возрадовалась. А вот что делать с ребенком? С одной стороны, кроха — лишний рот, а деревенские жители хоть и не голодали, но и не роскошествовали. С другой — малышку следовало приютить, принять в семью, иначе Морской Бог мог разгневаться на Бухту-за-Скалами за то, что обидели присланную им в деревню девочку, и лишит рыбаков улова. Опять же семья, взявшая найденыша к себе, могла бы рассчитывать на милость моря, а спустя годы подросший ребенок сможет помогать по хозяйству. Перебранки грозили перерасти в крупную ссору, когда вперед выступила Сузи, вдова средних лет, и предложила:

— Давайте я возьму малышку к себе. Женщина я одинокая, детей нам с покойным Бартом боги не послали, а иного мужа мне уже не сыскать. И хотела бы, да одиноких мужиков, сами знаете: кривой Стен, что каждую субботу напивается допьяна да песни горланит, а после день отсыпается да два опохмеляется, и Вортуш, только тому и вовсе не до баб после того, как пять лет назад зимой едва не утонул и пролежал чуть ли не месяц в горячке. Прочие же против меня юнцы совсем. А так у меня хоть ребеночек будет, все не

одна.

К Сузи в деревне относились с уважением. Барт-покойник некогда привез жену из города. Поначалу деревенские дичились ее: слишком уж она от них отличалась. Потом привыкли. Нрав у Сузи был веселый, а рука легкая. У нее единственной не гиб урожай в ненастный год. Все, что бы она ни посадила, росло быстро, а родило обильно. В доме у Барта и Сузи всегда было чисто и уютно, а гостей встречали румяными пирогами да сладкими наливками, готовить которые женщина была великая мастерица. А еще знала она немало интересных историй и разных песен, веселых и грустных, и долгими зимними вечерами развлекала всю деревню.

Потому жители деревни и решили отдать ребенка вдове. Рассудили, что бездетная женщина даст сироте заботу и ласку, а уж прокормить всей деревней помогут — и тогда милость Морского Бога осенит всех рыбаков, ведь каждая семья сможет сделать для малышки что-нибудь: кто — смастерить колыбель, кто — принести пеленки, кто — отдать одежду, из которой давно выросли собственные дети.

Девочку Сузи забрала с собой, покойницу тоже принесли в ее дом — ведь своего жилья у бедолаги в деревне, само собой, не имелось, а вдова, удочерив ребенка, стала для несчастной как бы родственницей. В последний же путь на погост надлежало отправляться из родного дома. Женщину обмыли, расчесали спутанные волосы и заплели в косы, перевязав их синими лентами. Платье из темно-зеленого бархата высушили и почистили, а местами и подлатали. Но вот украшения: изящные серьги-подвески, неширокий браслет, усыпанный камнями и сложного плетения цепочку с кулоном — с покойницы сняли. Вещи эти были отданы Сузи и спрятаны вдовой на дно сундука.

И платье мертвой женщины, и ее драгоценности, и рубашонка малышки из тонкого полотна заставляли предполагать, что жертвы стихии не были простолюдинками. А когда Сузи впервые купала названную дочь, то обнаружила еще одну странность. На крохотной ручке чуть пониже локтя девочки темнела небольшая отметина в виде крылатой ящерицы. Но об открытии своем вдова никому не сказала.

Матушка Сузи назвала меня Алессой — именем своей давней подруги, которая навсегда осталась для бывшей горожанки в прошлой жизни. От меня никто и не думал скрывать, что я найденыш, и я с малых лет знала, что матушка Сузи мне неродная, но знание это не мешало мне любить и почитать ее. На старом погосте я и с закрытыми глазами могла найти могильный камень, на котором были начертаны только слова молитвы, а место для имени оставалось пустым. Иной раз я долго сидела у камня и разговаривала с лежащей под ним незнакомкой. Более всего интересовало меня, была ли та моей матерью.

— Вот уж не знаю, Лесса, — сказала матушка Сузи, когда я задала ей этот вопрос. — Нашли-то вас в одной лодке, да только ничего это не значит. Покойница могла тебе и матерью, и сестрой, и дальней родней приходиться, а то и вовсе никем не быть.

— А я похожа на нее? — упрямо спрашивала я в надежде уловить хоть какой-то намек.

— Да разве ж теперь определишь, — вздыхала матушка. — У тебя вон волосы светлые, в рыжину отдают, да глаза золотисто-карие. А у нее, уж прости, но цвета глаз я не разглядела. Волосы... вроде бы русые были, да только потемнели они и слиплись от морской воды. Хотя наши бабы и привели покойницу в должный вид, только все равно не понять, какой она при жизни была. Ну вот что роста небольшого да худощавая — это я сказать тебе могу, но для таких примет ты сама покамест маловата будешь. Одно сказать могу: такой отметины, как у тебя, у нее не было.

— Значит, я не ее дочь? — мне стало отчего-то грустно.

— Быть может, что и ее. Отметина ведь и знаком отцовского рода оказаться может.

О странном пятнышке на руке матушка Сузи настрого приказала мне никому не говорить. И пусть я не понимала причины запрета, но послушаться приказа не смела.

Изредка, после долгих уговоров матушка доставала из сундука оставшиеся после незнакомки драгоценности и позволяла мне ими полюбоваться. Играть украшениями мне и голову не могло прийти: для игры у меня были незамысловатые куклы, сработанные местным умельцем, одноногим Томасом. Ноги он лишился, по его словам, в жестокой схватке с акулой, оставшейся после встречи с отважным рыбаком одноглазой.

— Я без ноги, она без глаза, — балагурил он по праздникам, опрокинув стаканчик-другой. — Справедливость, она есть на этом свете.

Прочие рыбаки, правда, шептались за его спиной, что не было никакой справедливости в море, как не было и самой схватки, обраставшей в пересказе Томаса все новыми подробностями с каждым последующим стаканом. Якобы удалось бедолаге спастись от верной смерти по чистой случайности, и он, лишившись только ноги, дешево отделался. Как бы то ни было, но первый месяц после произошедшего с ним несчастья Томас пил крепко, а затем взялся за ум и принялся мастерить разные безделицы. Нехитрыми игрушками играла вся деревенская ребятня, а у мастера всегда была еда на столе, дрова в поленнице и одежда в сундуке. Да и монеты водились на то, чтобы по праздникам выпивать в единственной на всю деревню корчме.

Так что играла я грубо сделанными игрушками, а вот украшения готова была рассматривать часами, изредка поворачивая их так и эдак, осторожно прикасаясь самыми кончиками пальцев. И дело было не только в изысканной красоте изделий, но и в том, что только они тонкой ниточкой связывали меня с моим прошлым, с моим настоящим именем и

моей настоящей семьей. Мне мечталось, что однажды я разгадаю тайну своего рождения, найду своего отца (в то, что незнакомка, лежащая на погосте — моя мать, я в глубине души была твердо уверена), который, конечно же, окажется человеком богатым и уважаемым. Отец, разумеется, обрадуется вновь обретенной дочери, которую он давно и безуспешно искал, и заберет нас с матушкой Сузи в свой дом, огромный, просторный и светлый. Потом они с Сузи полюбят друг друга — а как же иначе? ведь Сузи такая замечательная! — и поженятся. И даже, быть может, родят мне братика или сестричку. Такие мечтания посещали меня всякий раз, как я любовалась переливали драгоценных камней на скатерти из беленого полотна в небольшой горнице.

Серьги были длинные, витые, с крупным камнем зеленого цвета в форме слезинки на конце. Браслет был усыпан такими же зелеными камнями, но меньшего размера, а еще прозрачными, отражающими солнечные лучи и рассыпающими их разноцветными бликами — эти камешки были совсем крохотными. Матушка Сузи пояснила мне, что зеленые камешки называются изумрудами, а прозрачные — бриллиантами.

— Какие они красивые! — восхищалась я, рассматривая драгоценные вещицы. — Гораздо красивее, нежели твой браслет с кораллами. Почему ты их не носишь? Таких нет ни у кого в Бухте-за-Скалами.

— Потому и не ношу, что ни у кого нет ничего подобного, — грустно улыбалась Сузи. — И ты носить не будешь. В нашей деревне такие вещи могут вызвать лишь черную зависть, ведь никогда никто из рыбаков не наловит достаточно рыбы, чтобы купить хоть один такой камень. Да что рыба — продать всю нашу деревню, с домами и козами, со всем добром — все равно не хватит на эту пару серег.

— Они такие дорогие? — изумлялась я, а матушка кивала.

— Очень дорогие.

— И если бы мы их продали...

Но тут матушка обыкновенно обрывала меня.

— И в мыслях такого не держи, Лесса! В деревне ни у кого не достанет монет купить эти вещи, а в городе никто не поверит, что таким богатством может обладать простая деревенская жительница. Обвинят в том, что украла, отнимут драгоценности да еще и высекут плетью, как воровку. И думать забудь о том, что украшения можно продать!

Я, как правило, соглашалась. На самом деле мне вовсе не хотелось расставаться с драгоценностями покойной незнакомки.

Серьги и браслет я рассматривала первыми, оставляя напоследок кулон. Изящная вещица на витой цепочке завораживала меня. Изображал он морскую звезду, густо усеянную небольшими прозрачными камешками — бриллиантами. Стоило на него упасть лучу света, и мне начинало казаться, что лучики-щупальца шевелятся, подрагивают. О том, что такое дивное чудо можно примерить, надеть на шею, я и помыслить не могла. Вещица казалась живой, и я иной раз воображала, что моя настоящая мать сумела каким-то немислимым образом заключить в нее частицу своей души, дабы присматривать за мной и после смерти.

Хоть драгоценности и лежали себе свободно на дне сундука, но без спроса я их не трогала. Того, что их могут украсть, матушка Сузи не опасалась — воров в Бухте-за-Скалами отродясь не бывало. Ребятишки могли еще залезть в чужой двор да оборвать яблоню или грушу, а то и куст смородины, чернильно-темной, кисловато-сладкой, за что бывали нещадно драны за уши, ежели хозяева заставали их на месте преступления. Да еще по сей день рассказывали в деревне историю о том, как Люк, тот самый, что некогда обнаружил

меня в разбитой лодке, будучи совсем мальцом, стащил со стола у жены старосты сладкий пирог. Почтенная женщина отошла к печи за новой порцией сдобной выпечки, а когда вернулась к столу, то пирога уж и след простыл. Выглянув в окно, она заметила только мелькнувшую за забором черную вихрастую макушку. Да вот только на свою беду Люк, удирая с добычей по улице, имел несчастье столкнуться с самим старостой, возвращавшимся домой с общего схода. Мужик мигом сообразил, где именно мальчонка поживился пирогом, и отшлепал сорванца так, что тот еще день сидеть не мог. И пусть Люк давно уже вырос в высокого плечистого парня, всю заглядывавшегося на девиц, а историю эту ему нет-нет да и поминали при случае. Обычно он пожимал плечами и улыбался — дело давнее, мол, все в детстве шалили, но вряд ли напоминания о крепкой длани старосты радовали его.

Помимо небольшого огородика, к работе на котором и я привлекалась с детского возраста, да двух коз, была у матушки Сузи еще одна забота: обучение деревенских ребятишек грамоте. Из рыбаков мало кто мог написать свое имя без ошибок, разве что староста слыл человеком образованным. А Сузи, как овдовела, покручинилась немного да и предложила организовать в Бухте-за-Скалами некое подобие той городской школы, в которой некогда училась сама. Дом для общих сходов в деревне имелся, крепкий, просторный, светлый, совсем нестарый — вот в нем и можно было собирать ребятню для учебы. Многие жители деревни поддержали Сузи потому, что любили ее, а в учебе вреда для своих отпрысков не видели — впрочем, как и особой пользы. Некоторые рыбаки (таких было поменьше) даже обрадовались, полагая, что какое-никакое образование детям необходимо.

— Человека образованного надурить труднее, — говорили они.

В самом же меньшинстве оставались те, кто полагал затею вдовы «дурью да блажью».

— Ни к чему моим оболтусам учеба, — резко высказался Хаврон, обремененный семью отпрысками. — Пусть лучше матери помогают. Кому им письма писать? Рыбам морским аль русалкам?

Слова его были встречены одобрительным смехом. Впрочем, как то было принято в Бухте-за-Скалами, решающее слово оставалось за старостой.

— Я полагаю так, — произнес он, откашлявшись и разгладив усы, — что умение читать никому еще не навредило. Да и счет знать надобно, иначе не то, что заезжий купец — корчмарь обдурит. С осени в наших краях дождить начинает, работы в огородах не остается. Так пусть лучше ребятня науку постигает, нежели дурью мается да пакости от безделья придумывает.

На том и порешили.

Сузи обучала ребятишек нехитрым наукам: счету да письму, немного рассказывала о географии и истории. И если против первых трех предметов некоторые ученики недовольно роптали, мол, лучше бы в прятки поиграли или в лес сходили, то история неожиданно увлекла всех. В рассказах Сузи оживали древние короли и князья, давно погибшие славные воины и прекрасные девы. Будто своими глазами видели слушатели кровавые битвы и страшные землетрясения, уничтожавшие целые города, жуткие моровые хвори, косившие графства, не щадя никого, и величественные турниры, роскошные пиры и веселые гуляния.

Меня матушка тоже научила читать и писать, когда я была еще совсем мала. В одном из крепких кованых сундуков хранились в нашем доме привезенные из города книги, купленные в те далекие времена, когда Сузи еще не встретила Барта. Мне она выдавала их по одной и по прочтению требовала не просто пересказать, но рассказать, какие мысли возникали у меня во время чтения, кто из героев мне особенно понравился и почему. Читать



я любила — интересно было представлять иную жизнь, вовсе не похожую на наше размеренное существование в Бухте-за-Скалами. Героини книг будто бы жили в ином мире: они не пасли и не доили коз, не пропалывали грядки, не собирали летом с приятелями в лесу малину и ежевику, а осенью — грибы. И я иной раз вздыхала, думая о том, что, возможно, именно для такой вот книжной жизни и была рождена. Мечты о том, как я найду своего отца, нет-нет да возвращались ко мне, но с годами я все меньше верила в их осуществление. И никогда не рассказывала о них друзьям, опасаясь, что те поднимут меня на смех.

Детей моего возраста в деревне было немало. Мы то ссорились, то даже дрались (за что потом нам крепко доставалось от взрослых, ежели вдруг кто замечал синяки да царапины или, того хуже, разодранную рубаху), но потом все равно мирились. Лучшими своими друзьями я полагала Тину, дочь корчмаря, и Дена, сына одноногого Томаса. С Тиной мы были ровесницами, а Ден был постарше нас на два года, что отнюдь не мешало ему водиться с нами. К сожалению, Ден также дружил с рыжим Савкой, сыном Хаврона — а вот с ним мы друг друга недолюбливали. Савка имел обыкновение делать мне гадости исподтишка: то подножку подставит, то в спину толкнет, то сделает вид, что не заметил, если мне вдруг требовалась помощь.

— С гнильцой он, весь в папашу, — с самым серьезным видом заявила как-то Тина, когда я пожаловалась ей. — Так отец мой говорит. Хаврон-то вечно пытается кого-нибудь в корчме разжалобить, чтоб его выпивкой угостили, а отец так и сказал, что нечего, мол, ныть на судьбину, живется ему ничуть не хуже, нежели прочим. И что семеро у него по лавкам — так в том тоже нет чужой вины, а от пьянства лишний кусок хлеба в доме не появится.

— А что Хаврон? — спросила я, обмирая от любопытства и восторга.

Отец Тины представлялся мне в этот момент почти рыцарем из недавно прочитанной книги — отважным и справедливым. Надо же, не побоялся сказать такое прямо в лицо!

Тина пожала плечами.

— Да что он мог-то? Ведь ежели возмутится да нагрубит отцу, то куда ходить пьянствовать будет? Вот он и сделал вид, будто и не слышал ничего.

Но вот Ден и слова плохого о друге слышать не желал, оттого мы с Тиной и вынуждены были мириться с тем, что Савка стал почти неизменным участником всех наших игр и проказ. Причем ежели случалось нам набедокурить так, что про то дознавались взрослые, то подлый Савка мигом выдавал всех нас, заверяя, что он-то сам ни в чем не участвовал, так, стоял в сторонке. Удивительное дело, но, глядя в его честные наивные голубые глаза, взрослые верили ему, так что он единственный из всех избегал наказания. Ден же объяснял этот удивительный факт не мерзким Савкиным характером, а его невероятным везением.

— Да Савка твой нас и выдал, — горячилась Тина, когда мы втроем отрабатывали наказание — мыли полы в школе. — Кто, как не он, знал, что мы хотим обрядиться в русалок да разыграть Стена?

— Нас случайно поймали, — упрямо повторял Ден.

Стыдно признаться, но задумка, из-за которой нам троим сильно влетело, принадлежала мне. Кривой Стен, любивший выпить еще в те далекие времена, когда море выбросило на берег разбитую лодку, в последние пару лет отдавался излюбленному занятию с особой страстью и напивался уже не раз в неделю, а почти ежедневно. Зачастую ночами будили всю деревню его пьяные песнопения, которые подвываниями и хриплым лаем подхватывали дворовые собаки. Несколько раз был Стен даже крепко бит мужиками, после чего клятвенно, со слезами на глазах, обещал исправиться. Но едва только начинали сходить

оставшиеся после вразумления пьянчуги синяки, как Стен принимался за старое. Однажды, когда он бродил по улицам и горланил особенно долго, почти до рассвета, я, хмурая и невыспавшаяся, предложила план.

— А давайте устроим так, что Стену сам Морской Бог запретит пить.

— Ты что, правда можешь обращаться к Морскому Богу так, что он тебя непременно услышит? — глаза Тины загорелись любопытством. — Он тебя спас, выходит, ты его любимица — это все знают. Отец говорит, что у Морского Бога на тебя есть свои планы, но то не людского ума дело. А соседки судачили, что твоя мать купила тебе жизнь в обмен на свою и теперь ее душа навечно томится в морских чертогах. Значит, это правда?

— Да мне-то почему знать, — недовольно поморщилась я. — Со мной Морской Бог говорил не более, нежели с тобой.

— Сама ведь сказала про Стена, — разочарованно протянула подруга.

— Так это ведь не сам Морской Бог будет, — объяснила я. — Где уж Стену спьяну разобрать, взаправду он слышал глас Бога или его разыграли. Смотри, вот вечером он напьется и примется, как обычно, бродить по околице, а затем выйдет на берег. А мы с тобой обрядимся в русалок и усядемся на камнях. Спорим, он нас с пьяных глаз и не узнает? Окликнем его, а потом, когда он подойдет поближе, Ден из-за валуна запретит ему пить и мешать спать честным рыбакам, не то, мол, покарает. Ну как?

— Боязно как-то, — передернула плечами Тина. — А ну как Морской Бог на нас же и разгневается?

— Да ну, — неуверенно протянула я. — Не думаю. Мы ведь не просто забавы ради, а для общей пользы. Дело-то ведь доброе, разве нет?

— Признайся, Тина, ты просто трусишь, — насмешливо предположил Ден. — Небось тебе боязно ночью выбраться из дома, выйти на берег да прикинуться русалкой — а вдруг настоящие утащат?

— И вовсе нет, — фыркнула подруга. — Подумаешь, русалки! Да они к берегу и не подплывают никогда. Про то всякому известно.

— А ведь и точно, — задумчиво сказал Ден. — Русалки держатся от людского жилья подальше, Стен вам не поверит.

Но меня не так легко было сбить с намеченного пути.

— Да разве после выпитого Стен задумается о том, подплывали ли русалки к берегу раньше? Он увидит нас, услышит угрозы Дена и испугается, вот увидите. Вот только Дену потренироваться надо, чтобы его голос звучал достаточно грозно.

Остаток дня мы посвятили приготовлениям. Для начала следовало выбрать русалочьи наряды. Савка, которому роли в розыгрыше предусмотрено не было, тем не менее постоянно лез к нам с советами.

— Русалки голыми должны быть, — авторитетно заявлял он. — Сами небось слышали, как о них говорят: девы прекрасные обнаженные.

— Вот еще! — возмущалась Тина. — Чего удумал, пакостник! Нет, вот Вортуш рассказывал, что видел русалку, и та была в белой рубахе.

— Пену морскую видел твой Вортуш, а не русалку! — азартно стоял на своем Савка. — А с перепугу ему там девка почудилась.

Ден большей частью отмалчивался. Было заметно, что идея об обнаженных русалках его заинтересовала, но предложить подобный срам нам с Тиной он не отваживался.

Остановились мы все-таки на белых рубахах. Присмотрели на камнях место, где можно

было бы усесться так, чтобы нельзя было заметить, что у нас с подругой и не рыбы хвосты вовсе, как то у русалок заведено, а самые обычные ноги — но чтобы мы не свалились при этом в воду. Возможно, что визжащие и ругающиеся русалки произвели бы на пьянчугу впечатление не меньшее, нежели глас самого Морского Бога, но никакого желания проверять сие на практике ни я, ни Тина не испытывали.

— Можно еще и венки сплести, — предложила Тина.

— Какие венки? — возразила я. — Из чего бы русалкам их плести? Распустим волосы — и довольно.

Ден нашел себе убежище в расселине скалы и долгое время тренировался, выкрикивая с подвыванием:

— Внемли мне, о сын мой!

Наконец мы решили, что получается у него достаточно правдоподобно, и разошлись по домам, уговорившись встретиться после полуночи. Савку с собою решено было не брать.

— Ты своим хихиканьем нам всю затею испортишь, — вразумляла его Тина. — Сам ведь знаешь, что не сможешь сдержаться.

Разобиженный парнишка удалился, даже не попрощавшись с нами.

Ночью я дождалась, пока матушка Сузи крепко заснет, и тихонько выскользнула из дома. Подруга уже поджидала меня.

— Мне пришлось вылезать через окно, — пояснила она. — Зато я видела, что Стен уже порядком набрался. Надо бы поспешить.

И мы поторопились к берегу, на ходу расплетая косы. На околице к нам присоединился Ден.

— Насилу выбрался, — посетовал он. — Старшая сестрица, будь она неладна, все никак не могла наmilоваться с женихом на скамейке перед домом.

Но мы успели занять облюбованные днем места и подготовиться еще до того, как на дороге показалась темная фигура.

Несмотря на середину лета, ночь была холодной. Весь день небо было затянуто тучами, но к вечеру немного распогодилось и луна изредка выглядывала среди сизых клоков облаков. На тонкие рубахи то и дело попадали соленые морские брызги и тогда мы вздрагивали от холода, а вскоре уже и вовсе затряслись, отчаянно завидуя Дену — тот был одет тепло.

— Хочешь, кожух сниму? — спросил друг, услышав, как ругается себе под нос Тина. — Согреешься.

— Совсем рехнулся? — возмутилась та. — Даже Стену столько не выпить, чтобы ему русалка в кожухе померещилась.

— Тише вы, — зашипела я. — Идет!

Мы так обрадовались тому, что мерзнуть осталось недолго, что совсем не обратили внимания на твердую уверенную поступь приближающегося мужчины, вовсе не похожую на шаткую неуверенную походку пьянчуги.

— Стен! — позвала Тина и засмеялась, но смех у нее получился безрадостным, поскольку она все же здорово успела замерзнуть. — Стен, иди к нам!

— Иди к нам, Стен! — присоединилась к ней я.

Мы изогнулись на камнях, принимая наиболее соблазнительные, на наш неискушенный взгляд, позы. Все внимание наше было занято тем, чтобы не шлепнуться прямо в море, потому мы и не заметили, как подошедший к берегу ловко подбирается к нам.

— Ой! — внезапно завизжала Тина.

Я обернулась и от удивления все-таки не смогла удержать равновесие, поскольку стоял на берегу вовсе не Стен, а староста. Трезвый, разумеется.

— Внемли мне, — начал было Ден, не видевший из своего укрытия, кого именно собрался вразумлять. — Внемли, сын мой, к тебе я взываю!

Промокшая и продрогшая, я выбралась на берег как раз вовремя, дабы увидеть плачевное зрелище — староста вытягивал Дена из расселины за ухо.

— А ну марш в деревню! — велел нам рассерженный мужик. — Тоже мне, шутники выискались! Я вас мигом отучу дурью маяться.

Меня он, правду сказать, все же пожалел и отдал свой кожух, что, впрочем, вовсе не помешало ему наказать нас по всей строгости.

Досталось нам знатно. Мне еще повезло, поскольку матушка Сузи, разбуженная старостой и выслушавшая с самым серьезным лицом о моем прегрешении, закрыв за ночным гостем дверь, просто потрепала меня по волосам и сказала:

— Ступай в кровать, до рассвета уж недолго осталось.

Я, ожидавшая серьезной выволочки, замерла на месте, недоверчиво уставившись на матушку.

— Ожидала, ругать тебя буду? — понимающе усмехнулась она. — Не стану, Лесса. Ты сама себя наказала: замерзла, продрогла, хорошо еще, ежели не простудилась. И выспаться утром я тебе, уж не обессудь, не позволю: будь любезна встать вместе с солнцем и заняться делом. А что до выходки вашей... Так и сама я была юной и глупой, много чего натворила. И как постарше стала, вовсе ума не прибавилось.

— Матушка, ты сейчас о замужестве своем? — робко спросила я.

Сузи никогда не рассказывала мне о том, как познакомилась с покойным ныне Бартом, но вовсе не требовалось обладать недюжинным умом, дабы понять, что родители ее брак дочери с рыбаком одобрить никак не могли. И вот теперь я даже затаила дыхание: а ну как матушка расскажет что-нибудь интересное? Но надеждам моим не суждено было сбыться.

— Не любопытничай, Лесса, — сурово сказала она. — Все, что тебе надобно знать, расскажу в свой черед. А пока ты еще слишком мала.

Мне было немного обидно услышать такие слова. В то лето мне исполнилось целых тринадцать лет и по меркам Бухты-за-Скалами я была уже почти невестой.

Впрочем, моим друзьям, несмотря на наш уже столь солидный возраст, досталось куда сильнее, нежели мне: их попросту выпороли розгами. И если корчмарь пожалел дочь и отвесил ей несколько несильных ударов, то бедолага Ден еще два дня сидеть не мог: Томас постарался на славу. А староста еще и велел нам в наказание отдраить школу. И вот теперь Тина вполголоса переругивалась с Деном, доказывая другу, что выдал нас рыжий Савка — больше некому.

— Ты сам-то хоть веришь, что староста среди ночи ни с того, ни с сего решил вдруг прогуляться по берегу? Дружок твой нас выдал, из обиды, что с собой его не взяли.

— Нет у тебя никаких доказательств, — твердо отвечал Ден. — А наветам верить нельзя, любого оклеветать можно.

Тина только сплюнула в сердцах. А Савка так и не отстал от нашей компании, как ни пытались мы с подругой воротить от него нос.

Каждую осень в деревню приезжали сборщики податей. На сей они заявили, пока мы были в лесу — собирали грибы. Недавно прошли обильные дожди, но все еще стояло тепло, и грибов в лесу выросло множество. Отрядили на их сбор почти всю ребятню, ведь грибы

можно было высушить над печью и есть потом всю зиму. Похватав корзины, мы отправились в лес, когда только светало, а вернулись к обеду, уставшие и голодные. Ходить по лесу, внимательно глядя под ноги, то и дело приседая в поисках грибной поляны, было интересно. Листья уже устлали землю золотым ковром, успевшим частью побуреть. Мы набрали полные корзины и, донельзя довольные собой, возвращались в деревню.

Вся деревня как раз собралась перед домом для общих сходов — тем самым, который в утренние часы превращался в школу. По высокому крыльцу расхаживал невысокий тучный мужчина в богатой одежде и с завитыми в локоны каштановыми волосами — сборщик. Лица рыбаков были хмурыми — видать, слова новоприбывшего им пришлись не по душе. Однако же стояли молча, роптать не смели. Только староста вышел вперед и злым голосом спросил:

— А нам зимовать как прикажете? Почитай, боле десяти лет год от года все больше и больше требуете. И так из последнего тянемся. Нельзя подати повышать, не с чего нам платить их станет.

Толстячок на крыльце замахнулся хлыстом. Вид у него был вовсе даже не забавный, скорее уж грозный — во всяком случае, жена старосты, испуганно охнув, тут же схватила мужа за руку.

— Молчать, смерд! — презрительно процедил сборщик сквозь зубы. — Или ты осмелишься оспаривать приказ его светлости?

— Гастон, — боязливо пробормотала жена старосты, крепко вцепившись ему в руку, — Гастон, не надо.

Тяжелый взгляд сборщика тем временем остановился на нас с Тиной.

— Что в корзинах? — спросил он негромко, но слова его в повисшей тишине прозвучали подобно громовым раскатам.

Побледневшая Тина сглотнула и уставилась на мужчину расширившимися от испуга глазами.

— Почто онемели, девки? Отвечайте немедля.

— Грибы, — тихо выговорила я, с трудом шевеля непослушными губами.

— Подойди сюда, — велел мне сборщик.

Тина рядом со мной тихонько всхлипнула, а я медленно подошла к крыльцу. Дикий страх и желание бросить корзину и убежать сменились странным безразличием.

— Ну вот, — насмешливо протянул толстяк, вытаскивая из корзины огромный боровик. — А плакались, что с голодудохнете. Да с вас еще брать и брать. Что с грибами делать намерены?

— Сушить, — равнодушно ответила я, глядя в сторону.

— Сушить — это хорошо, — похоже, сборщик податей был чрезвычайно собой доволен. — Пожалуй, надо с вашей деревни еще и грибы сушеные брать. По связке с каждого дома. Или по две. Нет, лучше по три. Запиши!

Худощавый писарь, на которого я прежде не обратила внимания — все оно было приковано к напыщенному коротышке — быстро застрочил пером.

— Да помилуйте! — не выдержал кто-то в толпе. — А коли осень выдастся сухая аль холодная, где мы эти три связки наберем?

Толстяк покраснел от гнева.

— Что? Мне, представителю его светлости, перечить удумали? Ну я вам сейчас покажу! Вы у меня надолго этот день запомните!

Хлыст со свистом рассек воздух — и внезапно вспыхнул огнем и развеялся пеплом. Я

успела еще заметить недоумение и растерянность на лице сборщика, прежде чем радужные пятна заплясали у меня перед глазами и все вокруг — толстяк, писарь, моя корзина на крыльце, толпа перед общинным домом — завертелось безумным хороводом. А потом наступила темнота.

...Виски и лоб приятно холодила мокрая холстина, а где-то неподалеку звучали встревоженные голоса. Слов я не разобрала, а вот говорящих узнала: матушка Сузи и Гевор. Я попыталась было открыть глаза и приподняться, но яркий свет вызвал вспышку головной боли и я со стоном откинулась обратно.

— Лесса! Очнулась! — тут же захлопотала вокруг меня матушка. — На вот водички попей.

Она поддержала мне голову и поднесла к губам кружку с прохладной водой. Я сделала глоток и ощутила, как понемногу отступает головокружение.

— Что со мной случилось?

— В обморок упала. Да и не ты одна. Оно и не удивительно — не каждый день эдакие страсти увидеть можно. Шутка ли — сам Морской Бог вступился за детей своих.

— Алесса пришла в себя? — раздался от двери голос Гевора. — Тогда я пойду, Сузи, раз больше вам помощь не нужна.

— Ступай, Гевор, — ответила матушка. — И благодарю тебя за то, что перенес девочку домой — самой бы мне не справиться.

— Не стоит, Сузи, оно мне не в труд было, — добродушно откликнулся парень. — И пощупайте Лессе затылок — как бы шишки не было.

За Гевором хлопнула дверь, и матушка устремила на меня пытливым взором.

— Рассказывай! — потребовала она.

— Что рассказывать? — не поняла я.

— А все. Что чувствовала, о чем думала. Я-то знаю, что вовсе не Морской Бог испепелил кнут в руках этого гада. Хорошо еще, что народ вокруг толпился, да многие бабы и девки от увиденного сомлели, вот никто на тебя и не подумал.

Я даже решила, что ослышалась.

— На меня? Матушка Сузи, уж не полагаешь ли ты, что это я учинила подобное?

— Я не полагаю, — Сузи жестко усмехнулась. — Я знаю точно.

— Знаешь? — я никак не могла поверить ее словам. — Но откуда? Почему я?

— Из-за вот этого.

И Сузи прикоснулась к моей руке пониже локтевого сгиба, как раз там, где темнела странная отметина.

— Ты знаешь, что она означает, да, матушка? Все это время знала, но ничего мне не говорила и на вопросы мои не отвечала.

— Увы, знала, — глухо ответила женщина. — И надеялась, что никогда мне не придется рассказывать об этом тебе. Хорошо еще, что деревенские и представления не имеют, кому ставят такую метку. Но все-таки лучше им не знать о твоей отметине. Мало ли, кому они могут сболтнуть. Ох, боюсь, не получится у меня тебя уберечь. Сила твоя проснулась.

— Какая сила, матушка? О чем ты?

— Магическая сила, Лесса. Вот эта метка — знак принадлежности к роду магов. Более того, ставили ее только детям, у которых определяли способности. Едва я увидела ее — в тот самый первый день, когда купала посланную мне морем дочь — как поняла, кого удочерила. Была, правду сказать, во мне безумная надежда сберечь тебя от судьбы, да только, как

видишь, не оправдалась.

Я обмерла. О магах мне доводилось читать в книгах, хранящихся в сундуке. Как правило, это были мужчины, наделенные недюжинными способностями — и каждый правитель желал иметь у себя на службе такого. Жизнь магов была захватывающе интересной, но преисполненной опасностей и оттого, увы, чаще всего недолгой.

— Это неправда, — жалко проскулила я. — Скажи, ты ведь меня разыгрываешь?

Но Сузи только покачала головой.

— Хорошо, что деревенские не подумали на тебя. А сборщик податей, когда увидел, как я к тебе кинулась, тут же спросил, кто я такая и кем тебе прихожусь. Я-то, разумеется, ответила, что сама я вдова простого рыбака, а ты — моя дочь, вот только легко проверить, что Барт умер задолго до твоего рождения. К счастью, староста — мужик далеко не глупый, тут же принялся славить Морского Бога. Авось приезжие ему и поверили. Во всяком случае, подати нам уменьшили, — тут Сузи ухмыльнулась, — до тридцати связок грибов с деревни.

— Значит, староста знает? — прошептала я.

— Не думаю. Но даже если что и заподозрит — будет держать при себе. Языком он молоть не приучен.

— А нам-то что делать?

Матушка пожала плечами.

— Жить, как и раньше. Авось удастся пока усыпить твою силу. Надолго ли — не знаю. Вот ежели опять что случится — тут быть беде. Потому рассказывай, как все вышло. Из твоих слов я поняла, что ты сама не ожидала подобного, так?

Я кивнула.

— Я до сих пор поверить не могу, что это из-за меня. Сначала я испугалась, очень сильно. А потом мне стало все равно, я вообще как будто со стороны смотрела. Словно и не я к крыльцу шла, грибы показывала. И только когда приезжий кнутом взмахнул — тут-то меня зло и взяло. Словно ото сна очнулась я и подумала, что не позволю этому червя бесхребетному никого ударить.

— Так и подумала — про червя-то?

— Да, этими самыми словами. Даже не знаю, откуда они в голове моей появились, сама-то я никогда не ругалась подобным образом. А это важно?

— Откуда мне знать, — вздохнула матушка. — Сама я к магам никакого отношения не имею. Ну а потом?

— А потом мне дурно стало и я упала. Вот и все.

— Видать, силы много потеряла, — заметила Сузи. — Ничего, полежишь денек-другой, придешь в себя. Я тебе сейчас поесть принесу, а потом уснуть попробуй.

И женщина хлопотала у плиты. А у меня на глазах от обиды даже выступили слезы. Само собой, я читала, что любое магическое действие отнимает у мага силы. Были даже упоминания о тех, кто совершил непосильное деяние и либо выгорел, превратившись тем самым в обычного человека, либо и вовсе скончался. А уж головокружения, обмороки и время на восстановление и вовсе были среди магов делами обыденными. Вот только для того, чтобы почувствовать сильную слабость, требовалось совершить нечто впечатляющее. Вот Ратмор Луцианский, например, два дня пролежал без чувств, засыпав камнями пропасть. А Моррис Лавернийский упал в обморок, пробив выход на поверхность подземному источнику, дабы спасти от жажды отряд королевских гвардейцев. Для меня же пределом возможностей оказалась испепеленная плетка.

— Не плачь, Лесса, — превратно истолковала причину появления моих слез матушка Сузи. — На сей раз пронесло, никто тебя не заподозрил. Вот поправишься, тогда подумаем, как дальше быть.

— А что тут думать? — всхлипнула я. — Маг из меня никчемный. Вон от одной только сгоревшей плетки в обморок свалилась. Силенок-то у меня маловато, ни на что серьезное не хватит.

Матушка обняла меня и погладила по голове.

— Ох, Лесса, добро бы, коли так. Слабый маг никому не нужен, стало быть, никто тобой и не заинтересуется, и ты сможешь прожить обычную жизнь. Вот только о силе твоей судить пока еще рано, слишком ты мала. О детях-магах почему ведь не слыхал никто? Да потому, что в столь юном возрасте ни на что они толком не способны. Вот подрастешь немного, тогда понятнее станет, много в тебе силы аль мало. Ну а пока поешь вот, я тебе похлебку подогрела.

И Сузи помогла мне сесть, сунула в руки ложку и ломоть хлеба, а миску с горячей вкусной похлебкой держала сама все то время, пока я ела.

Матушка оказалась права: никому в деревне и в голову не пришло заподозрить во мне магические способности. Должно быть, из-за того, что магов было не столь уж много и жили они где-то далеко от Бухты-за-Скалами, словно в ином мире. Мире отважных рыцарей и прекрасных принцесс, а никак не выходов в море за уловом, сборе урожая и подготовки к стремительно наступающей зиме. Даже те деревенские, кто ездил в город на ярмарку, живого мага отродясь не видали. Потому-то о магической природе произошедшего даже и не подумали. Вот обсуждали происшествие со сборщиками податей долго, смакуя каждую деталь — как побледнел толстяк, как писарь выронил перо, как перепуганные люди его светлости тут же сгрудились вокруг крыльца, готовясь дать отпор неведомой угрозе, как попадали, сомлевши, особо впечатлительные девки да бабы — и всякий раз славили Морского Бога за явленную им милость. Кое-кто припоминал и меня: взяли, мол, сироту, уважили море, вот оно и заступилось за детей своих.

Правду сказать, подати в последние годы и впрямь его светлость накладывал непомерные. Иной раз сокрушались мужики, что при старом-то герцоге жилось полегче, да только велись эти разговоры с оглядкой да шепотом. Пусть и все свои были кругом, деревенские, да только кто знает, кому из соседей-приятелей доверять в таком вопросе можно? А ну как выдадут да объявят бунтовщиком? Тогда явятся гвардейцы, арестуют да сошлют на рудники без особых разбирательств. А что рудники — место гиблое, народ там мрет без счета, так про то всякому известно. Потому-то нового герцога — а вернее, супруга нынешней герцогини — поругивать-то поругивали, да словами не особо бранными и то таясь. А уж в законности его власти и вовсе сомнений никто не смел высказывать. Хотя, чего уж скрывать, сомнения были.

И основания для оных тоже были. Весьма, надо сказать, существенные. Дело в том, что у старого герцога имелся наследник. Вот только ничего о ребенке давно уж не слыхать было. Нынешняя-то герцогиня приходилась покойному правителю второй супругой и общих детей у них не было. Первую герцогиню унесла родовая горячка, но горевал вдовец недолго. К слову, был-то старый герцог вовсе и не стар, пусть и не совсем молод — зрелый мужчина, еще полный сил. Умер он в тот год, когда я появилась в Бухте-за-Скалами, потому о нем я могла рассказать только то, что запомнила из уроков истории матушки Сузи. А именно, что войн он не вел, дороги и мосты новые строил, лекарни для бедных открывал. Мирным было



его правление, и герцогство жило при нем в достатке. А вот смерть его оказалась для всех неожиданной. Поскольку герцог был еще в расцвете сил, более прочих развлечений любил он охоту. И вот на охоте ранил он дикого вепря. Сильно ранил, да только не смертельно. И обидчика своего покалечил зверь знатно. Сутки пролежал герцог в горячке, а затем все-таки умер. Даже личный маг не смог его спасти.

Юная вдова, которой еще и двадцати лет не сравнялось, погоревала-погоревала да и вышла замуж во второй раз за молодого виконта. Все же править герцогством требовалось твердой рукой — куда молодой женщине было справиться с этим нелегким делом. Вот так виконт Роланд и стал герцогом Бранвийским — благодаря удачному супружеству. Только наследника герцогиня и второму мужу не смогла подарить — видимо, либо была бесплодна сама по себе, либо проклял ее кто. По многим храмам и священным местам ездила она, многим богам приносила жертвы, показывалась магам и целителям, да только все без толку. Никак не получалось у нее забеременеть.

Впрочем, даже если бы и случились у герцогской четы дети, наследовали бы они только то, что принадлежало их отцу до женитьбы и матери до замужества. Ибо стал Роланд поначалу вовсе не полновластным правителем, а лишь опекуном малолетнего Ланса Бранвийского, сына погибшего герцога от первой его супруги. И титул герцогский не принял, именуясь лишь лордом-регентом, что, впрочем, не мешало ему повышать едва ли не ежегодно подати да торговые сборы, забросить все былые начинания своего предшественника и постоянно кутить в родовом герцогском замке. И спустя несколько лет простые люди с все возрастающим нетерпением ожидали совершеннолетия юного Ланса в надежде, что уж он-то окажется похожим на своего отца и при его правлении герцогство вновь расцветет. В храмах всех богов возносились молебны за здоровье наследника. Разумеется, Роланду, имевшему повсюду своих соглядатаев да наушников, подобные разговоры среди жителей городов и деревень понравится не могли.

И вскоре по герцогству разнеслась скорбная весть о болезни, снедавшей юного Ланса. Недуг не был смертелен, но подточил силы юноши так, что редко он мог появиться среди своих подданных. Врачи рекомендовали Лансу покой и почти полную неподвижность. Разговоры и ожидания все затихали, надежды слабели, а в последние пару лет о молодом наследнике и вовсе ничего слышно не стало. Роланд открыто называл себя герцогом Бранвийским, а перечить ему в том никто не смел. И лишь изредка, шепотком, упоминалось в народе имя Ланса. Не перевелись еще те, кто ждал сына старого герцога как избавителя и верил, что однажды молодой человек обязательно вернется и займет свое законное место. Многие, правда, верили и в то, что Роланд с супругой попросту уморили юношу, дабы не мог он претендовать на то, что было положено ему по праву рождения. Как бы то ни было, но уступать герцогство пасынку Роланд не собирался.

О новоявленном герцоге слухи вообще ходили нехорошие. Некоторые из них достигали даже Бухты-за-Скалами. Затаив дыхание, наша компания подслушивала под окнами, как взрослые вполголоса обсуждают богомерзкие развлечения в замке. До наших ушей долетали лишь обрывки сведений, а все остальное дорисовывала уже богатая детская фантазия, приписывая Роланду Бранвийскому такие прегрешения, о которых он, скорее всего, даже помыслить не мог.

Но замок был далеко, потому и задумывались мы о том, что могло бы в нем происходить, не столь уж и часто: обыкновенно только по осени, когда кто-нибудь из деревенских ездил в соседний городок на ярмарку и привозил свежие сплетни и слухи. Да

еще каждый визит сборщиков податей взбудораживал деревеньку. В прочее же время Бухта-за-Скалами жила своей жизнью, обособленной от остальных земель герцогства. Улов да урожай волновали людей куда больше, нежели события, происходящие в других частях Бранвии. Основной задачей рыбаков было прокормиться самим да прокормить свои семье, и все прочее отходило для них на второй план.

У нашей же компании были иные заботы. Никто, разумеется, не освобождал нас от работы по дому и в небольших огородах, но мы постепенно входили из детства в юность — и именно эти перемены представлялись нам самыми важными. Долговязая нескладная Тина неожиданно начала приобретать женственные формы и с некоторым удивлением обнаружила, что на нее уже засматриваются парни постарше, останавливая взгляд на небольших пока еще высоких холмиках груди и на крутых изгибах бедер. Темно-каштановые густые волосы, которые трудно было расчесать — гребень застревал, а уж на мытье их и вовсе уходил целый день, из «беды-наказания» превратились в предмет особой гордости, а в больших зеленых глазах поселились лукавые искорки. Иногда подруга бросала взгляды искоса на Дена, но приятель словно не замечал их. Зато Савка то и дело норовил то ненароком приобнять Тину, помогая ей перебраться через плетень во время проказ, то взять ее за руку, рассказывая что-либо. Подруга демонстративно морщилась, но пыл парня ее гримасы не охлаждали.

Сам Савка, все такой же рыжий и веснушчатый, как в детстве, заметно вытянулся и раздался в плечах. Пожалуй, его можно было бы назвать привлекательным, не будь мы осведомлены о его противном характере. И пусть он делал все меньше гадостей, но мы-то с Тиной прекрасно помнили, на что он был способен. Иной раз мне казалось, что Савкино внимание льстит подруге, а порой — что она боится отталкивать его, не зная, какую пакость ожидать от него в таком случае. Ежели я прямо спрашивала ее об отношении к ухажеру, она обыкновенно округляла глаза и фыркала:

— Нужен он мне!

Вот в это я верила охотно. Тине не был нужен ни Савка, ни кто-либо из ребят постарше из числа тех, что отирали плетень у ее дома. Только при виде Дена глаза ее блестели, а щеки порой вспыхивали нежным румянцем. Ден держался с нами обеими одинаково ровно, ни одну не выделяя, а вот на поведение Тины, похоже, обратила внимание не только я. Как-то я перехватила взгляд Савки, брошенный другу в спину — и поразилась той неприкрытой злобе, что пылала в нем.

Правду сказать, на Дена я сама временами засматривалась. Если Савка был просто обладателем довольно приятной внешности, то Дена можно было назвать красивым. Высокий, стройный, широкоплечий, с открытой белозубой улыбкой и ярко-синими глазами, он всегда пребывал в добром расположении духа, шутил, смеялся и готов был прийти на помощь любому. Не только мы с подругой бросали на него взгляды украдкой — похоже, о нашем приятеле грезили почти все незамужние девицы Бухты-за-Скалами. То и дело какая-нибудь красotka просила его прийти помочь управиться с чем-нибудь в доме, причем словно нарочно подгадывала время, когда отец был в море, а мать у соседки. Окончания таких визитов мы с Тиной ожидали с замиранием сердца: а ну какая ушлая девица сумеет все же окрутить нашего друга. Но нет, ни разу не дал он понять, что выбрал себе кого-то по сердцу.

Я же каждый раз, глядя в небольшое зеркальце, оставшееся от городской жизни матушки Сузи, уныло вздыхала. Лицо мне досталось от неведомых родителей миловидное, овальное, с высокими скулами и пухлыми губами, но пока оно все еще сильно было похожим

на личико ребенка. Как ни старалась я посмотреть томно и призывно, а все мои попытки могли вызвать разве что смех. И грудь у Тины была больше, нежели у меня, и ягодицы пышнее, да и ростом подруга обогнала меня почти на две ладони. Если уж Ден к такой-то красоте равнодушен, то у меня и вовсе шансов нет. Единственным достоинством своим я полагала волосы — тяжелые густые косы рыжеватого-медового оттенка, подобного которому ни у кого во всей деревне не было, вот только у Тины коса была, на мой взгляд, еще лучше.

Словом, против подруги я смотрелась почти ребенком. Да и сила моя, раз проявившись и напугав матушку Сузи, пока еще спала крепким сном. Тайком я пыталась пробудить ее, часами сидя в лесу и плясь на сухие ветки в надежде, что они вспыхнут, но ничего не происходило. Видимо, матушка была права, и для сотворения волшебства мне требовалось сильное потрясение, причем я не сомневалась, что, прознай она о моем занятии, это самое потрясение (а проще говоря — знатная порка) было бы мне обеспечено.

Но столь бесцельное занятие мне вскоре приелось. И если осенью я частенько убегала в лес в одиночестве, то к зиме уже разочаровалась. А по весне лишь изредка вспоминала о своем даре и редко предпринимала попытки поджечь взглядом хворост. Само собой, ничего у меня не получалось, и я уверовала в то, что ежели какой магический дар у меня и имеется, то совсем слабенький, стало быть, всякие мысли о блестящем магическом будущем смело можно было выбрасывать из головы. Мне немного жаль было расставаться со смешными, по сути, полудетскими мечтами о том, как я спасаю, например, рыбацкую лодку в шторм, и Ден, находящийся в ней, смотрит на меня восхищенным взглядом. Или того лучше — в холодный год, когда урожай особо скуден, помогаю всей деревне не помереть с голоду. Эта фантазия была моей излюбленной. Перед сном я долго перебирала варианты помощи односельчанам: согнать всех зайцев леса на опушку и тем самым обеспечить деревню мясом; заставить коз давать молока раза в три более обыкновенного (я представления не имела о том, могут ли маги добиться подобного от животных, что вовсе не мешало мне предаваться грезам); снять с нашего огородика такой урожай, что его хватило бы на прокорм всей деревне. Ни один из этих способов не удовлетворял мои запросы в полной мере, зато завершающая часть фантазии была придумана сразу же и оставалась неизменной: все жители деревни поражены, все благодарят меня, но я вижу только сияющие глаза Дена и слышу только его восхищенные слова о том, что он, дескать, всегда знал, что я не такая, как все, особенная, но вот только теперь понял, насколько я лучше прочих девушек и как сильно ему дорога. Увы, но с этими сладостными мечтаниями мне пришлось распрощаться, поскольку силы моей, как я убедилась, не могло хватить даже на простенький фокус, не то что на впечатляющее деяние.

Даже очередной приезд сборщика податей не пробудил во мне нового всплеска силы, на что я втайне надеялась. Быть может, потому, что на сей раз сборщик был иной — не прежний толстенный коротышка, но дородный высокий мужчина в годах. И пусть вел он себя столь же заносчиво и надменно, как и его предшественник, но подати для Бухты-за-Скалами в тот год не повышались. Уж не знаю, что было тому причиной, не то новоприбывший был наслышан о гневе Морского Бога, не то его светлость подзабыл про нашу деревушку (и то верно — что герцогу с тех связок сушеных грибов, которые достались ему в прошлом году — небось и не заметил), но ни о каких нововведениях и речи не зашло. Правда, и прошлогоднюю повинность не сняли.

А вот мое пятнадцатилетие ознаменовалось неожиданным и странным событием: ко мне послали сватов. Причем замуж меня отчего-то решил позвать неунывающий весельчак

Брант, с которым я и парой фраз за весь предыдущий год вряд ли перекинулась. Брант был старше меня на четыре года, ходил в море с отцом и братьями, а недавно ему достался в наследство дедов дом, вполне еще крепкий и справный. Видать, последнее обстоятельство и подтолкнуло парня к мысли о женитьбе — в доме-то без хозяйки тяжеловато будет. Но вот отчего он из всех незамужних девок выбрал меня, я даже догадаться не могла.

Сватать меня пришли родители Бранта да две его тетки, сухопарые и сварливые. При виде их мне захотелось укрыться на чердаке или в сарае и не выходить, пока гости не покинут наш дом. Они же чувствовали себя в чужом жилье вольготно, ходили по светелке, рассматривали тяжелые кованые сундуки матушки Сузи, расшитые яркими цветами полотенца, пестрые занавеси на окнах, беленую скатерть, ощупывали все приглянувшиеся им вещи безо всякого стеснения и обсуждали наше добро между собой, не потрудившись даже понизить голос. Матушка, непривычно хмурая, велела мне подать на стол, а после отправила на улицу, где за плетнем уже торчали две головы, темно-русая и каштановая. Ден и Тина, сгорая от любопытства, схватили меня за руки и потащили на берег, стоило мне выглянуть из калитки. Савки на сей раз с ними не было.

Мы устроились на прогретых солнцем камнях, и друзья тут же набросились на меня с расспросами.

— Правда, что ли, сватать пришли? — с затаенной завистью спросила Тина.

Я кивнула.

— А вот ко мне еще никто сватов не засылал. Ну рассказывай, как оно?

— Да что рассказывать-то? — удивилась я. — Я им пироги приготовила, подала, наливки сладкие поставила, а потом матушка Сузи меня и выставила за дверь. Сама знаешь, не нашего ума дело, здесь уже старшие договариваться должны.

— А сам он с тобой разговаривал? — вмешался Ден, сжимая и разжимая кулаки. — Брант? С чего ему в голову пришло на тебе жениться?

— Да не знаю я! — выпалила я в отчаянии. — И замуж за него не хочу! А что делать, если матушка велит — не знаю!

— Не велит, — разом успокоился приятель. — Сузи тебя любит и против твоего желания не пойдет, вот увидишь.

— Добро бы так, — вздохнула я. — И самой интересно, ну зачем я Бранту понадобилась?

— Влюбился, — предположила романтическая Тина. — Давно, а все эти годы ждал, пока ты повзрослеешь.

Ден презрительно усмехнулся.

— Чепуха!

— И вовсе не чепуха, — обиделась подруга. — А чувства, настоящие, как в романах.

— Ерунда твои романы, — еще более презрительно бросил Ден.

Здесь обиделась уже я, поскольку романы о настоящих чувствах были вовсе даже не Тинины, а матушки Сузи, и ерундой уж никак не являлись. Напротив, читали мы их, не отрываясь и дрожа от восторга.

— Тебе не понять, — я старательно копировала тон приятеля. — Сам-то ты никого не любил. А в романах чистая правда, вот!

Ден со стоном обхватил голову руками.

— Да уж, прав был отец, когда велел не спорить с бабами, которые по скудости ума своего все равно на понимание не способны. Ну сама-то подумай, Лесса, какая у Бранта к

тебе может быть любовь?

Но впервые за весь день я вовсе не желала думать о предполагаемом женихе. Слова о «скудоумных бабах» настолько зацепили меня, что я, абсолютно позабыв о том, что являюсь девицей взрослой, да и вообще почти невестой, налетела на приятеля с кулаками. Тина без особых раздумий присоединилась ко мне, тоже разобиженная нелестной характеристикой. Ден, не желавший ввязываться с нами в драку, вяло отбивался и пытался что-то нам пояснить, но потом все же не выдержал и расшвырнул нас в разные стороны. Тяжело дыша, мы вскочили на ноги.

— Чего ж ты с нами водишься, раз мы такие дуры? — зло бросила Тина.

— Да я не потому... тьфу... то есть не дуры вы, но некоторых вещей все равно не понимаете! — заорал возмущенный приятель. — Вот и сейчас на меня накинулись ни за то ни про что!

— Ах, так-таки и ни за что, — ядовито протянула я. — Несчастный обиженный Ден не сказал нам вовсе ничего плохого, подумаешь — скудоумными назвал!

— Да не хотел я! — все распалялся приятель. — Я просто пытался тебе объяснить, что не любит тебя Брант, понимаешь, не любит! А ты надумала себе чувства какие-то, из романов вычитанные!

— Я не надумала, — возразила я. — Это Тина сказала!

У подруги на глаза навернулись слезы.

— Это что же, получается, я у вас во всем виновата? Да я как думала, так и сказала.

— Неправильно ты думала, — уже немного остывший Ден опять уселся на камень, потирая горящее ухо. — Бухта-за-Скалами — это тебе не замок из романа, а Брант — не отважный рыцарь. Оно-то, быть может, в замках да дворцах дела с любовью иначе обстоят, нежели у нас, пусть я в том и сомневаюсь. Но вот в нашей деревне — это уж я знаю твердо! — ничего просто так не происходит.

Немного поразмыслив, мы с Тиной решили не продолжать ссору, а спокойно выслушать доводы приятеля. Тоже удобно устроились на камнях, поправляя растрепавшиеся в сваре косы и измятые сорочки, и повернули к Дену заинтересованные лица.

— Смотри, Лесса, — начал друг, — с Брантом ты толком и не разговаривала никогда, так?

— Так, — кивнула я.

Ден загнул палец на правой руке и продолжил:

— Зато матушка твоя человек уважаемый, с такой не зазорно и породниться, так?

— Так, — повторила я.

Ден загнул второй палец.

— Девка ты смышленная да работающая, про то вся деревня знает.

И загнул третий палец, не дожидаясь моего подтверждения своим словам.

— К тому же внешне ты тоже вполне так неплоха.

Четвертый палец — а я покрываюсь густым румянцем, несмотря на сомнительность похвалы. Тина бросила непонятный взгляд в мою сторону: не то расстроилась, что Ден обратил внимание на то, как я выгляжу, не то обрадовалась, что не назвал красавицей.

— И последнее. О скаредности матушки Бранта да сестричек ее легенды впору складывать — видать, оттого-то желающих жениться на Брантовых тетушках и не сыскалось, а матери невесть как повезло замуж выскочить. А тебе в наследство достались вещицы красоты неопишуемой да ценности огромной. Пусть и давно то было, но всяк в деревне об

этом знает и нет-нет да припомнит. Ну и у самой Сузи тоже кое-что от прежней жизни точно припасено. Ну, что скажешь?

И Ден показал мне сжатый кулак.

— Да что тут сказать? — уныло отозвалась я. — Прав ты, как есть прав. Какая уж тут любовь, коли можно не только бесплатную работницу, а и приданое получить. Вот только тошно мне от этого, ой, как тошно.

— Не переживай, — бросилась утешать меня Тина. — Ден прав: твоя матушка — женщина добрая да разумная, она сватам таким откажет.

— Надеюсь, — пробурчала я.

И в самом деле, что еще мне оставалось?

Домой я возвращалась с некоторой опаской — а ну как противные гости еще не разошлись? Лишний раз встречаться с ними желания я не испытывала. В то же время меня снедало любопытство: что именно ответила матушка Сузи? Я очень хотела бы разделять уверенность друзей в том, что сваты получили отказ, но где-то глубоко внутри поселился противный липкий страх, нашептывавший, что матушка могла бы счесть Бранта достойным женихом.

— Все равно по городским меркам ты еще мала для свадьбы, — подбадривала меня Тина. — Сузи как-то говорила, что в больших городах раньше семнадцати замуж сейчас не выдают. Саму-то ее покойный муж и вовсе в девятнадцать взял — как для Бухты-за-Скалами, так и вовсе перестарком.

— Ну и что? — упрямылась я. — Мало ли, какие там в городах правила. Живем-то мы здесь. Матушка сама мне говорила, что надобно среди прочих деревенских не выделяться да происхождением не кичиться, тогда и уважительное отношение заслужишь. Да и можно ведь сговориться сейчас, а свадьбу сыграть хоть через два года.

На эти слова возражений у Тины не нашлось, и лишь Ден продолжать убеждать нас, что матушка меня неволить не станет.

И он оказался прав. Войдя в дом, я застала Сузи сидящей за столом, положив голову на скрещенные руки. На скрип двери она подняла взгляд и лицо ее показалось мне отчего-то грустным и безмерно уставшим. Должно быть, я побледнела, потому как матушка усмехнулась и сказала:

— Испугалась, что замуж идти заставлю? Зря. Отговорила я, но, боюсь, ненадолго это.

— А что ты им сказала, матушка Сузи? — робко поинтересовалась я.

— Соврать мне пришлось, что женских дней у тебя еще не было. На сей раз поверили — повезло, что ты пока худенькая да несформировавшаяся. В пятнадцать, хоть и редко, да бывает с девочками такое. А вот уже через год такая отговорка не сработает.

— Матушка, а другие свататься не придут? — спросила я, вспомнив причины, сподвигшие семейку Бранта на сватовство.

Сузи покачала головой.

— У этих сестричек языки без костей, мигом растреплют всей деревне причину отказа.

Представив, о чем теперь будут шептаться люди за моей спиной, я густо покраснела.

— Присядь, Лесса, — сказала матушка, не обращая внимания на мое смущение. — Поговорить надо.

— О чем? Разве тетушки Бранта тебе не поверили?

— Поверили, — вздохнула Сузи. — Вот только отсрочку мы получили недолгую. Через год опять к тебе сваты потянутся. Сама-то поняла, отчего Брант на тебе жениться вдруг

пожелал?

Я кивнула.

— Из-за драгоценностей, тех, что от покойницы остались.

— Уж сколько лет прошло, а не дают они покоя некоторым сквальгам, — удивленно произнесла матушка. — Сегодня вон даже показать просили. А главное, никак в толк не возьму, ну зачем они деревенским бабам? На общественный сход надевать будут, под домотканые рубахи? Ну да не понять мне чужую дурь. И таких желающих ведь не только Брант с мамашей сыщется. А ежели мы всем отказывать начнем, сама подумай, какой слух пойдет?

Долго раздумывать мне не пришлось.

— Что зазнаюсь я. Что не считаю простых рыбаков подходящей для себя парой.

— И не будет тебе в деревне спокойной жизни, — опять вздохнула матушка. — Вот и хочу я знать, сама-то ты чего желаешь? Ежели замуж за кого пойти да детишек нарожать, то я противиться не стану. И разговор наш дальнейший смысла не имеет. Только ты тогда, будь добра, определись за год, кто тебе по сердцу.

— А разве у меня есть выбор? — удивилась я.

Я всегда была уверена, что именно это мне и предстоит: стать женой и матерью, ждать возвращения мужа из моря, присматривать за домом да возиться в огороде. Иной жизни я не видела.

— Выбор у тебя есть, — произнесла матушка. — Я полагала, что ты уедешь в город, но не думала, что время расставаться наступит так скоро.

— В город? — я была изумлена. — И что я буду там делать? Я ведь никого там не знаю.

— Узнаешь, — матушка усмехнулась. — Полагаю, остались еще люди, что помнят меня. Они-то тебе и помогут. Ну да время подумать у тебя еще есть. Давай-ка осенью съездим на ярмарку, поглядишь на городскую жизнь, авось тебе и понравится.

На том и порешили.

Новость о том, что мы с матушкой Сузи собираемся на ярмарку с прочими желающими, никакого удивления в Бухте-за-Скалами не вызвала. Пусть никогда раньше не покидали мы деревеньку, но известие о сватовстве разлетелось быстро, и жители деревни полагали, что причина для поездки у нас может быть только одна.

— Приодеть девку хочешь? — понимающе усмехнулся Гевор, когда Сузи пришла договариваться о месте в телеге.

Матушка сделала вид, что замаялась, но ничего не ответила. Я, молча стоявшая рядом, вспыхнула ярким румянцем. Гевор хохотнул и назначил цену — по две монеты с каждой. Цена была справедливой, и Сузи согласилась.

К моему удивлению, с нами на ярмарку собрались также Ден и Савка.

— Продам вяленую рыбу и прикуплю отцу чего-нибудь, — пояснил начавший выходить в море в прошлом году Ден.

Савка, по большей части никаким делом не занятый и болтавшийся по деревне оболтусом, пояснениями себя утруждать не стал. И даже на вопрос, где он раздобыл монеты на поездку, не ответил. Я подозревала, что деньгами его ссудил добродушный жалостливый Ден, но выспрашивать у приятеля, так ли это, не стала. А вот Тину родители с нами не пустили.

— Отец сказал, что я и у купцов могу купить себе все, что пожелаю, — обиженно говорила она. — А мне, между прочим, в городе побывать охота, а то я кроме нашей деревни

и не видела ничего.

Меня же мысли о городе не увлекали, а пугали. Судя по рассказам, было там шумно, многолюдно, а местами даже и грязно. И мне предстояло каким-то неведомым образом там освоиться, стать своей. А каково это — стать своей в месте, где со встречными даже здороваться не принято, потому как далеко не все городские жители знакомы друг с другом? Это сколько же народу там живет, ежели им за долгие годы так и не удалось перезнакомиться?

— А ты родом из этого города, верно? — выпрашивала я у матушки Сузи в надежде узнать хоть что-нибудь.

Но матушка только улыбнулась и покачала головой.

— Нет, Лесса. Заводень — городок маленький, а я свою юность провела в крупном городе.

Тут уж я и вовсе приоткрыла рот, хоть благовоспитанной девице, кою пыталась воспитать во мне матушка, такое поведение и не подобало. Как это — маленький городок? Если в нем есть и ярмарочная площадь, и ратуша, и храм с дивом невиданным — витражными стеклами, и улиц не три, как в Бухте-за-Скалами, а великое множество, что и не сосчитать, и еще постоялые дворы, где останавливаются путники, и харчевни, где не просто подают выпивку с нехитрой закуской, как в нашей корчме, но можно сытно и вкусно пообедать, а еще лавки с разными товарами, и уличные торговцы, и барышни в нарядных платьях, и... Да много чего было в Заводне такого, чего я и вообразить-то себе не могла. Гевор, рассказывая о городе, куда нам предстояло держать путь, хитро улыбался в выгоревшие на солнце пшеничные усы, а слушавшая его Тина не могла сдержать завистливого вздоха. Савка ловил рассказы Гевора жадно, не пропуская ни одного слова, а то и вопросы задавал. Все-то ему интересно было: и сколько народу в храме бывает, и как постоялый двор выглядит, и чем в харчевнях кормят, и какими побрякушками у городских барышень себя украшать принято. Ден слушал внимательно, но, по своему обыкновению, молча. А к моему жгучему интересу примешивалась изрядная толика страха.

— Мир велик, Лесса, — поясняла мне матушка Сузи. — Ты ведь читала книги из сундука, должна помнить.

Помнить-то я помнила, да вот только одно дело — когда читаешь о неведомых местах, а совсем другое — коли сама соберешься их повидать. От такого у кого угодно дух захватит.

— А с Бартом-покойником ты где познакомилась? — полюбопытствовала я. — Вроде бы рыбаки дальше Заводня не выезжают.

— Верно, — голос Сузи при упоминании покойного мужа наполнился теплой грустью. — В Заводне мы и познакомились. Барт на ярмарку приехал, а я в городке проездом оказалась. Да вот, как видишь, цель своего путешествия и изменила. Семья моя мне моей любви не простила, потому в обратную жизнь мне хода нет. Но я не жалею, Лесса. Пусть и не столь долго, как мы с Бартом полагали, но я была счастлива.

— А потом?

— А потом мне некуда было возвращаться. Да и привыкла я здесь, притерпелась. А вскоре и ты у меня появилась.

И матушка привычным жестом погладила меня по голове.

— А тот город, откуда ты родом — он далеко?

— Далековато будет, — хмыкнула Сузи. — Но для тебя, если ты решишься туда уехать, найдется там надежное пристанище. Есть один человек, который даже теперь, спустя



столько лет, не откажет мне в моей просьбе.

— А кто он, матушка Сузи? Кто-то из твоей родни?

— Нет, Лесса, по крови он мне чужой. Но ты у него будешь в безопасности. Я все тебе расскажу потом, ежели ты пожелаешь покинуть деревню. А пока довольно об этом.

И матушка откинула крышку сундука и принялась вытаскивать из него нарядные вещи: мою праздничную рубаху, пару платьев, принадлежавших ей еще до замужества, тонкие яркие платки из блестящей ткани, парочку красивых кожаных поясов — один широкий, с изящной пружкой в виде цветка, а другой гибкий, узкий, с кисточками на концах. В завершение из сундука был извлечен небольшой сверток, а уже из него — длинные серебряные серьги-подвески и браслет.

— Не хочу, чтобы ты себя в Заводне деревенщиной чувствовала, — пояснила мне женщина. — В лавке прикупим тебе модные обновки, а пока ступай-ка сюда, будем перешивать платья.

На платья я смотрела с восхищением: ни у кого в Бухте-за-Скалами подобных не было. Из гладкой переливающейся ткани, украшенные кружевными манжетами и воротниками, они казались мне достойными разве что принцессы из романа. Неужели матушка собирается подарить такую красоту мне? А я и не знала, что некогда она носила такие роскошные вещи.

— Так, из моды они, полагаю, давно вышли, — бормотала между тем Сузи, выискивая ножницы и нитки с иглками. — Но тем не менее ткань хорошая, дорогая. Вот здесь спорем рюши, а там... Лесса, чего застыла? Ну-ка быстро примеряй.

С замиранием сердца я натянула на себя светло-зеленое платье, сожалея лишь о том, что негде увидеть свое отражение — в маленькое зеркальце целиком не осмотреться. А матушка уже крутилась вокруг меня, прикидывая, где именно следует ушить обновку.

Сузи провозилась едва ли не всю ночь, подгоняя обновки мне по фигуре, а с рассветом мы уже выезжали из деревни. Мы с матушкой устроились в телеге Гевора, Ден с Савкой расположились на возу Дона, да и третья телега, принадлежавшая седоусому Корту, была гружена не только рыбой — там обосновались его жена, пышнотелая Марта, да ее племянник Родвиг. Родвиг был постарше моих приятелей, более того — уже был женат. Жена его находилась почти на сносях, вот заботливый муж и отправился на ярмарку, прикупить чего-нибудь супруге в дар за первенца. Та просила расписную шаль, как у жены старосты.

— Погляжу, — солидно басил Родвиг. — Авось чего еще нужного увижу. Шаль — она бабская забава.

Но его юная хохотушка жена и не думала расстраиваться, полностью уверенная в том, что получит желаемое. Ведь всякому жителю Бухты-за-Скалами было прекрасно известно, что строгость да неуступчивость Родвига — напускные, а на деле он супротив желания супруги не пойдет. Сама жена старосты заглядывала к нам еще вечером, долго шепталась с матушкой Сузи, а потом дала ей кошель с монетами — тоже сделала заказ.

Стоило поводе выехать из деревни, как я завертела головой по сторонам — интересно же было обозреть незнакомую местность. Но к полудню пыл мой несколько погас. Дорога оказалась скучной и пыльной, шла сначала вдоль побережья, а затем свернула в лес. Лес как лес, ни чем не отличавшийся от того, в котором мы собирали грибы да ягоды. Вдобавок от бочек и тюков, среди которых мы сидели, нестерпимо несло рыбой, и мне уже казалось, что и Гевор, и матушка Сузи, и я сама насквозь пропитались противным запахом и истребить его нам удастся нескоро. Я даже закучинилась: а ну как в городе все начнут от меня

шарахаться, унюхав столь неповторимый аромат?

Матушка сидела задумчивая, в разговоры не вступала, потому я немного поболтала с Гевором, но он начал подшучивать надо мной по поводу Брантового сватовства, и я, обидевшись, отвернулась.

На обед мы остановились ненадолго, перекусили прихваченными из дома пирогами, запили их кто водой, кто элем, сходили по надобности за деревья и снова тронулись в путь.

— Заночевать придется в лесу, — пояснил нам Гевор. — Зато завтра аккуратно к ужину прибудем на постоянный двор.

Ночевки в лесу я не боялась. Совсем-совсем, ровно до того момента, как старательно складывающий хворост для костра Корт не объявил:

— Далеко не отходим, в здешнем лесу волки водятся.

До его слов я пребывала в счастливой уверенности, что вечером, когда стемнеет, смогу вымыться в протекавшем недалеко от поляны ручье, смыть с себя ненавистную рыбную вонь, а затем уютно устроиться под деревом и спать, словно в нашем небольшом садике в одну из нечастых жарких ночей. Но мысли о диких зверях, бродивших где-то поблизости, разом вселили в меня страх. Теперь я сомневалась, что вообще смогу заснуть.

— Подумаешь, волки, — пренебрежительно фыркнул Савка.

И тут же охнул и потер затылок, получив крепкую затрещину от Дона.

— Погляди-ка, какой смелый выискался, — хмуро сказал мужик. — Сказано держаться рядом с костром, как стемнеет — значит, будешь со всеми сидеть. И чтобы не вздумал уйти с поляны! Мне за тебя, ежели что приключится, ответ перед твоим отцом держать.

Савка только бросил злобный взгляд в спину обидчику, но спорить не осмелился.

Пока не стемнело, Гевор и Ден притащили из ручья воды, а я все-таки сбегала вместе с ними умыться да вымыть руки. Не то нестерпимая вонь действительно уменьшилась от этих нехитрых действий, не то я к ней уже принялась, но дышать стало немного легче и мутило меня уже не так сильно. Марта и Сузи хлопотали у костра, варя в котелке похлебку на ужин. Я присоединилась к женщинам, а мужчины занялись устройством для нас спальных мест.

Мне выпало спать, как нетрудно было бы догадаться, подле матушки Сузи и Марты. Так как Марта имела обыкновение во сне похрапывать и ворочаться, о чем и предупредила нас с несколько смущенным выражением лица, то посередине улеглась матушка, предоставив мне место с краю. Несмотря на все мои опасения и прошедший в лености день, уснула я довольно быстро. А разбудило меня осторожное прикосновение к плечу. Я вскрикнула было от испуга, но рот мне зажала крепкая рука.

— Тише, — едва слышно шепнул Ден. — Это я.

— Что стряслось? — сонно пробормотала я.

— Вставай, только осторожно. Савка пропал.

От эдакого известия я едва не подпрыгнула.

— Как пропал?

— Да тише ты, — возмущенно прошипел друг и потащил меня во тьму, обступившую поляну.

Марта заворочалась и всхрапнула. Мы замерли, но женщина так и не открыла глаз. С той стороны поляны, где устроились мужики, тоже доносился дружный храп. И даже Родвиг, оставленный на дежурстве, сладко посапывал, привалившись спиной к дереву и свесив голову на грудь.

— Как пропал? — переспросила я, когда мы вышли за пределы освещенного костром

круга.

Ден пожал плечами.

— Не знаю. Я глаза открыл, а его рядом нет.

В испуге я схватила парня за руку.

— Это что, получается, его волки утащили?

— Скажешь тоже, — в сердцах сплюнул друг. — Ежели бы Савка вдруг волка увидал, то всех бы своим визгом на уши поставил. Нет, я полагаю, сам он ушел.

— Зачем?

— Да потому, что Дон запретил, а затем еще и добавил, что уши надерет. Вот Савка и решил доказать себе, что он не трус и волков не боится. Ну и что плевать ему на чужие запреты, само собой.

Я призадумалась. Савка действительно был способен сделать любую глупость просто кому-то назло. Но слова Корта не давали мне покоя. Что, если беспутный приятель действительно столкнется в лесу с диким зверем? Пусть я Савку и недолго любила, но столь ужасной кончины ему никак не желала.

— Мужиков будить надо, — решительно заявила я. — Пусть разыщут дурака.

Ден сильно сжал мою ладонь.

— Постой, не надо никого будить.

— Почему?

— Да потому, что Савке достанется, если мы его выдадим! Пусть он дурак, но жалко же его, друг как-никак. А так ему сперва от Дона влетит, а затем и отец выпорет. И никогда больше на ярмарку никто с собой не возьмет.

У меня на языке уже вертелись слова о том, что так Савке и надо, заслужил, но, взглянув в освещенное полной луной расстроенное лицо Дена, сказала я совсем иное:

— И что делать будем?

— Искать его, само собой.

Вот теперь мне стало совсем страшно. Идти на поиски Савки в темный лес, полный неизведанных опасностей, никак не хотелось.

— Но как же, — растерянно пролепетала я, — там же волки...

— Не бойся, — слабо улыбнулся Ден, — Савка трус, он далеко от стоянки не отойдет. Мы быстренько найдем его и вернемся, никто и не заметит.

И мы отправились на поиски. Задача наша осложнялась тем, что звать непутевого приятеля было нельзя, чтобы не разбудить спящих у костра взрослых. И пусть небо было безоблачным, а луна светила довольно ярко, но все равно в густом лесу мы могли видеть разве что на пару шагов перед собой.

— Ну и где он? — сердито шипела я, продираясь через колючий кустарник. — Найдем, сама ему шею сверну.

Внезапно Ден, идущий передо мной, остановился.

— Слышишь? — спросил он и голос его слегка дрожал.

Где-то в отдалении разнесся заунывный вой.

Я застыла, сжавшись от ужаса. Зубы неприятно клацнули.

— Это они, да, Ден? Волки?

Ден напряженно прислушивался.

— Ден, пожалуйста, — я потянула его за руку. — Пожалуйста, давай вернемся и разбудим старших. Мне страшно.

Друг, похоже, заколебался. Ему не хотелось выдавать Савку, но и доносящийся до нас вой пугал, тем более, что его тут же подхватили где-то поблизости. Меня затрясло.

— Ладно, пойдем обратно.

Но едва только Ден, приняв решение, произнес эти слова, как где-то совсем рядом раздался испуганный крик. И пусть голос кричавшего был искажен ужасом, мы не сомневались, что то звал на помощь глупый заносчивый Савка.

— Помогите!

После второго призыва о помощи Ден сломя голову бросился в том направлении, откуда он донесся. Я поспешила за ним. Как бы ни боялась я идти за другом в глубь леса, навстречу неизвестности, а все же оставаться одной было куда страшнее. Да еще я старательно утешала себя мыслью о том, что Савка, как и мы, просто услышал волчий вой и испугался.

Увы, я ошиблась. Поскольку Ден бежал быстрее меня, то я порядком отстала. И когда все же выскочила на небольшую поляну, то застала картину, от которой у меня замерло сердце.

Ден стоял, прикрывая Савку спиной, а прямо напротив него приготовился к броску огромный зверь. И опять я ощутила странное спокойствие, как тогда со сборщиком податей. Все чувства словно покинули меня, оставив твердую уверенность — волк не посмеет тронуть моего друга.

А дальше все опять произошло словно без моего ведома. Уже напрягшийся для броска зверь внезапно растерянно замер, затем как-то странно тряхнул головой и с тихим визгом заскреб лапой землю. А уже когда в глазах у меня темнело, я успела еще краем сознания уловить, как хищник разворачивается и неспешно скрывается в лесу.

В себя я пришла от похлопывания по щекам.

— У тебя воды случаем нет? — раздался надо мной голос Дена.

— Откуда бы? Да ты не жалея, тресни ее посильнее, она и очухается, — ответил ему Савка. — Нашла время, чтобы сомлеть. Ну да баба — она и есть баба, народ дурной и трусливый.

— Я тебя посильнее тресну, вот только Лесса в себя придет, — пообещал приятелю Ден с нешуточной угрозой в голосе. — И уж не тебе о дури и трусости рассуждать. Если бы не ты, нас бы здесь не было. Мы тебя, дурака, искали. Вот чем ты думал, когда в волка камнем бросил? Озлобить хотел, чтобы тот нас точно растерзал?

— Я не подумал.

— Не подумал он, — раздраженно передразнил Ден. — А в лес ночью тебя зачем понесло-то?

Поскольку глаза мои оставались закрытыми, Савку я видеть не могла, но явственно представила себе, как он вспыхнул от злости.

— А чего Дон запрещать мне вздумал? Да еще и уши грозился оборвать? Чихал я на его запреты! Он мне никто, чтобы я его слушал!

— Дурак ты, Савка, — устало вздохнул Ден. — И сам погибнуть мог, и нас с Лессой погубить.

— Слушай, — возбужденно затараторил приятель, — а чего та зверюга ушла-то? Я уж думал, что все, не жильцы мы, как она убралась восвояси. Словно кто велел ей ступать прочь.

На этих словах я решила, что пора уже открывать глаза. Обсуждения странного поведения волка были мне ни к чему.

— Ден, не переусердствуй, не то синяки останутся.

— Я осторожно, — возмущился парень, но тут же забеспокоился. — Лесса, как ты?

— Не знаю, — ответила я.

И тут же с удивлением осознала правдивость своего ответа. Если после случая с плеткой я еще несколько часов была вынуждена лежать пластом, то теперь дурнота и слабость стремительно отступали. Мне стало любопытно, было ли это признаком возросшей силы или же прогнать волка — задача для магов несложная и особых затрат не требует? Я решила обсудить сей вопрос с матушкой Сузи, хоть и догадывалась, что вряд ли она была осведомлена о магической силе хоть немногим более моего. Мысль о том, чтобы рассказать матушке о наших ночных приключениях, вовсе меня не радовала, ибо я справедливо опасалась, что за подобное легкомыслие награда будет одна — весьма горячая. Однако же и замалчивать произошедшее я не могла.

— Попробуй встать, — предложил Ден, поддерживая меня за плечи.

— И чего тебе дурно только стало? — вклинился насмешливый Савкин голос. — Волка, что ли, испугалась?

Разозленный Ден резко обернулся, готовый съездить приятелю по уху, вот только Савка предусмотрительно отпрыгнул в сторону.

— Ну чего ты, Ден? — проворчал он. — Действительно ведь одни хлопоты от нее. Шлепнулась тут, а ты в себя ее приводи да обратно тащи.

Даже в призрачном лунном свете было заметно, как исказилось лицо Дена. Я поспешила вмешаться, пока дело не дошло до драки — вот ее-то точно от попутчиков не скроешь, и тогда уж влетит по первое число всем троим.

— А куда зверь делся?

— Волк-то? — бросил Савка презрительно, словно и не он вопил недавно от ужаса. — А удрал обратно в чащу. Видать, не пожелал с нами связываться.

— С тобой так точно даже волк не пожелает, — едва слышно пробормотала я.

Но Ден услышал мои слова и улыбнулся.

— Вот уж точно, Савка, тебя даже дикий зверь сожрать не пожелал. Что с тобой стряслось-то? Ведешь себя, как... как...

Видно было, что парень с трудом сдержал ругательное слово единственно из нежелания смущать меня. Все-таки в Бухте-за-Скалами крепко выразаться при незамужних девках принято не было.

При помощи Дена мне удалось подняться на ноги. От слабости немного пошатывало, голова кружилась, но чувствовала я себя вполне сносно.

— Давайте вернемся, пока нас не хватились.

— А идти-то сможешь? — с сомнением спросил Ден. — Давай мы с Савкой тебя понесем.

Савка благоразумно не стал возражать, зато я воспротивилась:

— Да как же вы меня потащите через кусты-то? Я и так чуть руки не ободрала, пока сюда продиралась, а уж царапины утром непременно заметят.

— А зачем через кусты? — удивленно спросил Савка. — Я сюда вдоль ручья пришел. То есть я шел вдоль ручья, а потом мне показалось, будто смотрит на меня кто-то. Глядит так пристально, а глаза в темноте горят. Ну я и свернул.

— Скажи уж правду, — фыркнул Ден. — Ты пришел к ручью, сделал пару шагов вверх по течению, а затем тебе почудилось нечто страшное. Уж не знаю, глаза ли то были или

просто светляки мерцали, да только ты перетрусил и бросился бежать — прямо волку в зубы.

Савка пробурчал нечто маловразумительное, но друг, похоже, был столь зол на него, что не пожелал выслушивать. Только поманил к себе, чтобы взять меня на руки. Так мы развлекались в далеком беззаботном детстве: я уселась на скрещенные руки парней и обхватила их за шеи, а они медленно тронулись в путь. Уже возле самой нашей стоянки, когда из-за деревьев мы увидели огненные всполохи костра, я соскользнула на землю. Силы еще не вернулись ко мне окончательно, но от слабости уже не шатало. Двигаясь как можно более бесшумно, я скользнула на свое место подле матушки Сузи. Матушка повернулась во сне, рядом громко всхрапнула Марта, но ни одна из женщин не проснулась. Судя по тишине с другой стороны костра, мужики тоже крепко спали. Наше отсутствие прошло незамеченным.

Поутру я с трудом продрала глаза. После ночных приключений спать хотелось нестерпимо, и я уснула сразу же, уютно устроившись у матушки под боком, а вот теперь никак не могла проснуться. Я вяло побрела вслед за женщинами к ручью в надежде, что прохладная вода приведет меня в чувство. Волков я больше не боялась, о чем едва не брякнула поторопившей меня Марте, да вовремя успела спохватиться.

— Что с тобой, Лесса? — матушка положила мне на лоб теплую ладонь. — Уж не заболела ли ты?

Я помотала головой.

— Нет, — прошептала тихо-тихо, чтобы не расслышала любопытная Марта. — Просто опять произошло... это.

Сузи посмотрела на меня с тревогой. Она сразу сообразила, о чем я говорю, и теперь силилась понять, когда же именно пришлось мне использовать свой дар, раз никто того не заметил.

— В Заводне поговорим, — шепнула она еще тише, нежели я.

И то верно, чужих ушей вокруг хватало, так что разговор пришлось отложить.

Вода, показавшаяся совсем студеной, пусть и прибавила мне бодрости, но совсем немного.

— Бледная какая твоя девка, Сузи, — громко сокрушалась Марта, когда мы вернулись на поляну. — Прихворала, что ль? Обидно будет, ежели из-за болячки ярмарку пропустит.

Савка бросил взгляд в мою сторону и тут же отвел глаза, а Ден смотрел с тревогой. О нашей ночной прогулке парни, само собой, молчали.

— Испереживалась, — спокойно ответила матушка. — Виданное ли дело, в лесу ночевать, да еще когда зверье совсем рядом рыщет.

— Неженка она у тебя, — осуждающе покачала головой Марта.

К счастью, больше разговоров о моем самочувствии никто не заводил. Путники быстро позавтракали, собрались, разместились по телегам и снова тронулись в дорогу. От рыбной вони слегка мутило, но, несмотря на терзавший меня отвратительный запах, я временами впадала в дремоту. День прошел ровно так же, как и предыдущий. А ближе к закату мы въехали в Заводень.

Город меня поразил. Я вертела головой из стороны в сторону, стараясь все рассмотреть и ничего не упустить. Широкие улицы, на которых могли бы свободно разминуться две телеги, да еще и места вдоволь для пешеходов оставалось, были вымощены камнем — небось летом не пылят, а в ливень не раскисают. По обеим сторонам слегка возвышались неведомо зачем две дорожки поуже.

— Тротуары, — пояснила матушка Сузи, — для пешеходов. Еще при старом герцоге здесь дороги мостили.

По этим самым тротуарам сновал люд в непривычной одежде. Казалось бы, те же штаны и рубахи, что у деревенских мужиков, да вот только совсем не такие. И сапоги у всех начищенные, глянцевые, ничуть не запыленные. Изредка попадались женщины — не бабы, как в деревне, а именно женщины. В разноцветных платьях, пестрых шалях, с причудливыми прическами — ни одной с простой косой я не заметила. Дома и вовсе были сказочными, огромными, крытыми красной или зеленой черепицей, каковая во всей Бухте-за-Скалами только дом старосты да школу покрывала. А вскоре мне на глаза попался первый двухэтажный дом и я и вовсе разинула рот от удивления. Разумеется, я читала о дворцах и замках, но вот о том, что существуют дома выше одного этажа да еще и городе, если верить матушке, небольшом, я и не знала. Если в Заводне этакие чудеса водятся, то что же можно встретить тогда в городе покрупнее?

Вдоволь налюбоваться на городские диковины мне не удалось, поскольку подводы наши уже повернули к постоялому двору. На вывеске затейливой вязью было выведено: «Карась и щука». Я уже знала от Гевора, что в городе всякий постоялый двор, трактир или кабак имеет свое название, не то, что корчма в Бухте-за-Скалами. Отцу Тины она перешла по наследству от его отца, а тому — от Тининога прадеда. А кто уж из предков моей подруги построил в деревне питейное заведение, того она и сама не знала. Но вот дать корчме название никто не догадался, да и зачем? Корчма — она и есть корчма, иной в деревне все равно не было. Прочитав же крупные буквы на вывеске, я не сдержалась и хихикнула. В голову пришло, что придумывать названия так, дабы они не повторялись — дело нелегкое.

Пока наши спутники занимались лошадьми да телегами с погруженным на них добром, а Ден и Савка озирались по сторонам, матушка Сузи, крепко ухватив меня за руку, направилась прямо к крыльцу.

— Нам бы комнату на двоих, любезный, — сказала она плюгавенькому рыжему мужичонке, вышедшему нам навстречу. — И воды горячей, помыться. Это сразу, а потом ужин пусть принесут.

Голос ее звучал непривычно сухо и строго. Хозяин постоялого двора (а то был он) взглянул Сузи в лицо и внезапно поклонился.

— Разумеется, сударыня. Надолго вы к нам?

— На три дня.

— Тогда с вас три медяка за комнату и еще два за ужин. Ежели пожелаете все три дня столоваться у нас, тогда скидочка вам будет.

— Посмотрим, — все тем же прохладным тоном отозвалась матушка, отсчитывая пять монет.

Высокая полная женщина, жена хозяина, смотрящаяся рядом с хлипким супругом весьма забавно, сопровождала нас на второй этаж и отперла дверь небольшой, но чистой и светлой комнаты.

— Сейчас лохань принесут, сударыня. И воду горячую. Ужин когда прикажете подавать?

— Через час сойдет, — ответила матушка. — Благодарю, любезная.

Едва за хозяйкой захлопнулась дверь, я первым делом бросилась к окну и выглянула во двор. С высоты — выше, чем на ветвях старой яблони, куда я любила забираться в детстве — все казалось маленьким и смешным. Я увидела Гевора, о чем-то беседовавшего с Мартой, а

еще вертевшегося подле них Савку. Прочих наших спутников во дворе не было.

Опять хлопнула дверь. Два дюжих парня втащили огромную деревянную лохань и поставили ее посреди комнаты, а затем споро натаскали горячей воды. В Бухте-за-Скалами у нас, само собой, была мыльня, вот только там имелись лохани гораздо меньшего размера, а в этой я запросто помещалась полностью, потому и лежала там почти до тех пор, пока вода не остыла. Спohватившись, что матушке тоже требуется помыться, быстро вымыла волосы и вытерлась холстиной, радуясь, что рыбная вонь, казалось, пропитавшая меня насквозь, наконец-то смылась. Позже, когда лохань уже унесли, а взамен принесли жаркое, хлеб и сыр, мы с матушкой Сузи сидели вдвоем и неспешно трапезничали.

— Ну как, нравится тебе в городе? — спросила Сузи, отхлебнув темно-красного вина.

Мне по малости лет вместо вина подан был настой из душистых трав с медом.

— Здесь интересно, — ответила я. — И необычно.

— И лохань тебя впечатлила — ты долго в ней плескалась, — понимающе усмехнулась матушка. — А в богатых домах комнаты специальные имеютя с ваннами. И воду туда не ведрами носят, она по трубам течет.

— Знаю, читала, — отмахнулась я. — Да только то в богатых домах, куда мне ходу нет.

— Как знать, — таинственно произнесла Сузи. — В том доме, где я провела детство и юность, ванная как раз имелась.

Я смотрела на нее во все глаза. В моей голове никак не укладывалось, что можно бросить богатую жизнь в большом городе и навсегда поселиться в Бухте-за-Скалами. Сузи объясняла свой поступок любовью, но о любви я знала, опять-таки, только из романов, так что объяснение это было далеко от моего понимания.

— Но об этом мы еще поговорим, — продолжила матушка. — Вот походим по лавкам, пообедаем в приличном трактире, на ярмарочную площадь прогуляемся, тогда и подумаешь, любя ли тебе городская жизнь или в деревне все же лучше. А пока расскажи мне о том, что ночью произошло. Отчего твой дар опять проявился?

Запинаясь, я поведала о том, как мы с Деном отправились искать глупого Савку и наткнулись на волка. Наше поведение теперь, день спустя, казалось мне совсем детским и ничуть не умнее Савкиного. И от этого осознания мне было нестерпимо стыдно.

Но матушка не стала корить меня за легкомыслие. Она слушала внимательно, слегка постукивая ногтями по столешнице. А когда я завершила свой рассказ, спросила:

— Значит, ты решила, что волк собирается напасть на Дена?

— Да. А это важно?

— Весьма вероятно, Лесса. Полагаю, Савку бы ты спасти не стала — я-то знаю, как ты его недолюбливаешь.

— Но я бы все равно ему помогла, — возразила я.

— Если бы сумела, Лесса. Ты ведь так и не поняла, что именно ты сделала и как тебе это удалось. Увы, здесь я тебе не помощница, пояснить ничего не смогу. Вот только сдается мне, что дар защитил человека, который тебе дорог, а вот на прочих, возможно, и тратиться бы не пожелал. А мальчишки, говоришь, решили, что ты с перепугу сомлела?

— А Савка еще и смеяться надо мной стал, — пожаловалась я.

— Куда хуже было бы, догадайся он, что произошло на самом деле. Так что пусть себе смеется.

А я бы вовсе не возражала, если бы Ден догадался о моей роли в своем спасении. Я так долго мечтала о чем-то подобном, но мне в моих радужных мечтаниях и в голову не могло



прийти, что Ден так и не заподозрит, чем он на самом деле мне обязан. И тут я вспомнила кое-что еще.

— Я пыталась поджечь взглядом хворост, — угрюмо призналась я, опустив голову. — Тогда, после первого раза. Знала, что нельзя, но все равно пробовала.

— И как, получилось? — против ожидания, матушка не разгневалась, скорее уж развеселилась.

— Нет.

— Нечто подобное я предполагала. Лесса, неужели ты думала, что с твоим даром так просто справиться?

— Ну один раз ведь получилось, так почему бы и нет? Кстати, вчера я просто лишилась чувств, но быстро пришла в себя. Это из-за того, что волка прогнать легче, чем вызвать огонь?

— Не понимаю я в магических штучках, Лесса, — задумчиво произнесла матушка, — но полагаю, что это просто дар твой усилился, окреп.

От такого известия я едва усидела на месте. Хотелось вскочить и радостно запрыгать, словно малому ребенку. Ведь я-то полагала, что дар у меня совсем уж никчемный, а он, оказывается, за эти два года вырос!

— Вот только управляться с ним ты пока не умеешь, — мигом спустила меня с небес на землю Сузи, несомненно, догадавшаяся о причине появления радостной улыбки на моем лице.

— И не научусь, похоже, — грустно вздохнула я.

— Посмотрим, — откликнулась матушка. — Все возможно, было бы желание.

Дальнейшему разговору помешал стук в дверь — явилась служанка, чтобы забрать поднос с остатками ужина. После ее ухода мы стали устраиваться на ночлег. Кровати в номере — так назывались на постоялом дворе комнаты для постояльцев — были довольно узкими, зато застеленные чистым, хоть и не новым бельем. Утренняя слабость еще не отпустила меня окончательно, но вечерние впечатления не давали уснуть. Я лежала с открытыми глазами, бездумно глядя на узкую полоску лунного света на половике, и вспоминала все увиденное: мощные улицы, тротуары, двухэтажные дома, нарядно одетых людей. Пожалуй, пока город мне нравился, пусть и пугал немного.

Утром матушка заставила меня надеть светло-зеленое платье и серебряные серьги, а косу уложила на голове короной.

— Ну вот, — удовлетворенно сказала она, — теперь ты мало чем отличаешься от прочих горожанок. Сейчас позавтракаем и пойдем осматриваться.

Сама Сузи тоже выглядела иначе, нежели в деревне. И дело было даже не в нарядном платье и не в новой прическе с локонами, которую она ловко соорудила. Что-то переменилось в самой матушке. И в Бухте-за-Скалами она всегда держала спину прямой, а голову — высоко поднятой, но в городе не только речь ее, а даже выражение лица стало иным. И я понимала поведение хозяев постоялого двора, кланявшихся Сузи и величавших ее «сударыней». Женщину, степенно спускавшуюся сейчас рядом со мной по неширокой лестнице, язык бы ни у кого не повернулся назвать простой деревенской бабой.

Несмотря на ранний час, в трапезном зале былолюдно и шумно. Наши попутчики уже сидели за столом и о чем-то оживленно переговаривались. Но стоило нам приблизиться к ним, как все разговоры разом смолкли, а на нас уставились шесть пар одинаково округленных глаз. Одна лишь Марта смотрела хоть и с нескрываемым интересом, но без

особого удивления.

Мы чинно уселись на свободные места, и матушка едва заметным движением руки подозвала ловко метавшуюся по залу с тяжело груженными подносами крепкую девицу с толстой русой косой.

— Что порекомендуете на завтрак, любезная?

У Дена и Савки, сидевших напротив меня, разом вытянулись лица. Реакция прочих сотрапезников мне заметна не была, но, судя по их молчанию, они тоже были весьма впечатлены произошедшими с матушкой за столь краткий срок изменениями.

— Омлет с сыром, сударыня, — бойко затараторила девица, — оладьи с вареньем, малиновым и брусничным, хлеб с маслом, колбаски жареные, ветчина. Вот! Напиток еще есть новомодный, кофе. Из южной окраины Империи возят.

По крайне довольному лицу подавальщицы было заметно, что наличием новомодного напитка она весьма гордится, а по физиономиям приятелей я определила, что им-то диковинный кофе никто не удосужился предложить.

— Мне омлет с сыром и ветчиной, да пусть повар потоньше нарежет, — распорядилась Сузи. — А ты что будешь, Лесса?

Я заколебалась. Мне страсть как хотелось попробовать неведомый южный напиток, но он, скорее всего, стоил очень дорого. И я не рискнула попросить.

— Оладьи с вареньем. С малиновым.

— И со сметаной? — спросила служанка.

Я кивнула.

— Да, и кофе свой неси, — добавила Сузи. — Попробуем, стоит ли он того, чтобы везти его из такой дали.

Девушка кивнула и метнулась на кухню, а матушка обратилась к соседям по столу:

— Вы после завтрака на ярмарку?

Гевор покачал головой.

— Хозяин сказал, что готов у нас рыбу купить. Вот только мы хотим походить по другим заведениям, узнать, согласны ли там взять наш товар и какую цену дают. Продадим тому, кто больше предложит.

— А мы бы на ярмарку сходили, — вставил Ден. — Нам с Савкой продавать нечего, у меня только четыре связки грибов-то и было, вот я вчера их хозяину и отдал. Даже если бы где дороже купили, все равно много я не потерял. Возьмете нас с собой? А то мы города не знаем да и робеть будем.

— Лесса, — обратилась ко мне матушка, — ты куда сначала пойти хочешь: по лавкам или на ярмарку?

Мне было все равно, куда идти, но раз Ден хотел на ярмарку, то я поддержала его. Стоило нам обо всем условиться, как вернулась подавальщица с тяжелым подносом и принялась сгружать на стол тарелки с пышным золотистым омлетом и с горкой оладий, плоски с вареньем и сметаной, кувшинчик со сливками, странный узкий кувшин, над которым поднимался пар и крохотные чашечки.

— Кофейник, — торжественно провозгласила служанка, осторожно опуская на стол странный кувшин. — И чашки особые, кофейные.

Ден и Савка рассматривали чашечки с любопытством, я тоже нет-нет да косила на них глазом, а Сузи даже бровью не повела.

— Благодарю, любезная, — бросила она.

Едва девица удалилась, я тут же разлила неведомый напиток в крохотные чашки и поторопилась отхлебнуть из своей. Кофе пах весьма приятно и я ожидала неземного вкуса, но оказалась горько разочарованна. Именно горько, поскольку как раз острую горечь я и ощутила.

— Ну как? — громким шепотом спросил вытянувший шею от любопытства Савка.

Я молча протянула ему чашку с недопитым напитком и поспешила сунуть в рот ложку с вареньем — перебить неприятный привкус. Матушка же медленно отпила из своей чашки и слегка прикрыла глаза.

— Бодрит, — сказала она. — Непривычно, но приятно. Лесса, там, в кофейнике еще осталось?

Поскольку рот мой был занят едой, я молча кивнула.

— Кто еще желает попробовать? — спросила Сузи.

— Да не пробуйте вы эту гадость! — выпалил Савка. — Небось, только городские дураки такое и пьют. За что тут только деньги отдавать?

Однако же, несмотря на предостережение, попробовать вызвались Гевор, Марта и Ден. Им досталось по крохотному глоточку. Остальные смотрели на новый напиток с опаской и рисковать не стали.

Расправившись с завтраком, мы распрощались с попутчиками до вечера и направились в центр Заводня, на рыночную площадь. Едва завернув за угол, матушка Сузи остановила проезжавшего мимо извозчика, коротко переговорила с ним и поманила нас рукою.

— Ого! — восторженно выдохнул Савка. — Не пешком пойдем, а поедем, словно богатые.

Ден только хмурился. Я понимала, какие мысли бродят в его голове: денег у друга было немного, а воспользоваться добротой Сузи и позволить ей одной заплатить за всех, представлялось парню постыдным. Я взяла его за руку и потянула за собой едва ли не силой.

— Быстрее давайте, — поторопила нас матушка. — У нас еще дел много.

Впрочем, довольно скоро насупленность Дена сменилась любопытством. Да и как тут было не озираться по сторонам, ежели мы проезжали то мимо огромных домов закованными оградами, то мимо величественного храма с теми самыми, упомянутыми Гевором, витражными окнами, то мимо высокой башенки, предназначения которой мы так и не узнали. Вот мимо проплыл парк с ровно подстриженными кустами и крашенными зеленой краской скамейками между деревьев, а за ним не дома даже — особняки, к которым вели выложенные разноцветными камнями дорожки.

— Приехали, — объявил наконец извозчик. — Торжище.

Я спрыгнула на землю и принялась осматриваться. Над огромной площадью — конца-краю не видно — стоял шумный многоголосый гул.

— Куда пойдем? — деловито спросила расплатившаяся с извозчиком матушка. — Полагаю, нам нужны ряды с одеждой. Впрочем, молодые люди, ежели у вас есть иные пожелания, то я готова их выслушать.

— Да я не знаю, — робко произнес Ден. — Мне бы подарки отцу с мамой купить, а вот что именно — я еще не придумал. Мы с вами ходим, авось что на глаза и попадетя.

А Савка промолчал, только покраснел слегка: скулы и кончики ушей его едва заметно порозовели.

В торговых рядах царили давка и толкотня. От пестроты у меня зарябило в глазах и, подозреваю, что ежели мы оказались на торжище без матушки, то толку бы из нашей

поездки никакого не вышло. Сузи уверенно продвигалась вперед, а мы гуськом следовали за ней. Женщине достаточно было бросить мимолетный взгляд на прилавок, дабы определить, есть ли там интересующий нас товар. Поначалу мы шли не задерживаясь, а затем Сузи остановилась и принялась выбирать среди всякой всячины коробочки с бисером.

— Головные ленты тебе разошью, — пояснила мне она.

Парни, вынужденные стоять рядом с нами, тоже рассматривали разложенный на прилавке товар, поначалу безо всякого интереса. Затем Ден, словно спохватившись, взялся перебирать уже расшитые ленты — выбирал подарок матери. К своему удивлению я заметила в руках у Савки нитку ярких бус. Он склонился к шумной торговке, что-то спросил.

— Семь медных монет, — громко ответила женщина.

Судя по расстроенному лицу парня, таких денег у него не было. Нехотя положил он безделушку обратно на прилавок и с независимым видом повернулся к торговке спиной. Тем временем Ден выбрал подарок для матери, да и Сузи уже отобрала себе товар по вкусу. Расплатившись, мы отправились дальше.

День казался мне каким-то небывалым праздником. Мы ходили по рядам, смотрели товары, выбирали, торговались. Сузи купила нам у пробежавшего мимо разносчика по пирогу с мясом и луком и мы наскоро перекусили. А обедать и вовсе направились в трактир! К тому моменту уже были куплены сапожки из мягкой кожи для меня, крепкий ремень для Томаса (предмет подшучиваний Савки — мол, Ден сам себе орудие наказания выбирает), тонкий медный браслет в придачу к лентам для матери Дена и новые башмаки для Сузи. Савка так пока ничего и не присмотрел.

После яркого солнца на улице нам показалось, что в трактире сумрачно и прохладно, потому мы расположились поближе к очагу. Матушка подошла к стоявшей за стойкой хозяйке, а мы принялись возбужденно переговариваться, обсуждая увиденное. Савка, поспорив с Деном из-за какого-то пустяка, наклонился к приятелю и тут из его кармана выпало нечто блестящее. Парень быстро подхватил вещицу и сунул ее обратно, но Ден тут же схватил его за руку.

— Что это у тебя? — мрачно спросил он.

— Ничего, — поспешно ответил Савка. — Так, ерунда.

— Ерунда, говоришь? А ну-ка покажи.

И Ден силой вытащил из кармана приятеля синие бусы — те самые, что Савка так долго вертел в руках у прилавка. Бусины поблескивали в отсветах огня, покачивались перед нашими лицами.

— Ты ведь сказал, что у тебя нет на них денег, — удивилась я.

— Не сказал, — поправил меня Ден. — Просто вернул украшение торговке. Но денег на них у него действительно не хватало, уж я-то знаю.

Я ахнула.

— Ты что же, их украл?

Поскольку в Бухте-за-Скалами воров отводясь не водилось, я все никак не могла поверить в очевидное. Савка насупился.

— Ну и украл, — пробурчал он. — И что здесь такого? У нее этих бус видела сколько оставалось? Небось не обеднела.

— Савка, — растерянно пробормотала я. — Как ты мог? Да отец же с тебя три шкуры спустит, ежели узнает.

И то правда — Хаврон, при всех своих недостатках, не позволил бы сыну так опозорить

семью.

— А откуда он узнает? Ты выдашь, что ли? Конечно, тебе легко быть правильной, у тебя-то имеется добрая матушка, что тратит денежки на бедную сиротку...

— Савка! — резко оборвал приятеля Ден. — Заткнись!

Савка смешно хлопнул глазами, раз, потом другой, покосился на Дена и возражать не стал. Да и я на его месте не осмелилась бы. Впервые видела я друга в такой ярости: руки сжаты в кулаки, а в глазах полыхает гнев.

Вернувшаяся Сузи обвела нас недоумевающим взглядом, но ни о чем не спросила, за что я была ей благодарна. Настроение резко испортилось, покупки и прогулка уже не радовали, а вкуса принесенной еды я попросту не ощутила. И когда мы вновь вышли на яркое солнце, в душе все еще оставалось ощущение холода и сумрака.

На стене трактира висел лист бумаги в рамочке, которого не было ранее — должно быть, его повесили за то время, что мы обедали. Прохожие толком не обращали на него внимания, Сузи мазнула по нему равнодушным взглядом, а вот Савка застыл, точно приклеенный. Мне стало любопытно, что же смогло его так заинтересовать, и я подошла поближе. Ден, все еще сердившийся на приятеля, напротив, спешно отошел подальше.

На листе крупными буквами безо всяких завитушек было написано: «Разыскивается! По личному указу его светлости ведется розыск парня лет пятнадцати-шестнадцати. Оказавшему помощь обещано денежное вознаграждение. Предполагаемые приметы...»

Дочитать я не успела, поскольку матушка окликнула нас, поторапливая:

— Ну что вы там застыли? Догоняйте!

Савка развернулся и двинулся за Сузи с самым независимым видом, будто бы он гуляет сам по себе. А я поспешила следом.

Подобные объявления в рамочках нам еще неоднократно попадались на стенах домов, но времени, чтобы дочитать приметы разыскиваемого парня, у меня все никак не хватало. И тем сильнее мучило меня любопытство: что именно могло произвести такое впечатление на Савку? Он молчал до самого вечера, но не выглядел ни расстроенным, ни рассерженным, скорее уж задумчивым.

Впрочем, долго гадать мне не пришлось. Когда мы, усталые, переполненные дневными впечатлениями, с гудящими ногами, вернулись на постоялый двор, Савка подстерег меня в укромном уголке и дернул за рукав.

— Чего тебе?

Матушка Сузи уже скрылась в номере, а Ден отправился разыскивать прочих деревенских — узнать, удалось ли тем удачно сбыть товар. Савка на мой вопрос не ответил, только пыхтел, пытаясь задрать рукав моего платья повыше.

— Совсем рехнулся, что ли?

Я ощущала скорее недоумение, нежели испуг. Бояться друга детства мне и голову не приходило.

— Они ищут парня, — прошипел внезапно Савка, прижав меня к стене. — Парня-мага, предположительно сироту, появившегося из ниоткуда — вот что было там написано. А я и подумал — вдруг им и девка сгодится?

— Точно не в себе, — покачала я головой. — Думаешь, люди его светлости парня от девки не отличат?

— Умная, да? Ученая? Они мага ищут, за него и деньги платят. Может, и ты им сгодишься, мало ли.

— Так а я каким боком к магу? — я все еще не понимала, какая опасность мне угрожает.

— Глупым меня считаешь, да? А зря. Я вот вспомнил, что, когда у того мужика плеть загорелась, ты рядом стояла.

— Так не одна ведь я, там вся деревня собралась.

— И сомлела ты тогда, а потом еще день в постели валялась, да два больная ходила, — не слушая меня, частил Савка, продолжая крепко удерживать меня за руку. — И в лесу тоже без чувств грохнулась, когда волк ушел. А всякому известно, что маг после колдовства силы теряет.

Я попыталась засмеяться, но смех дался мне с трудом и вышел натужным.

— Какое колдовство? Да я с перепугу сомлела, сам же сказал, что иного от дуры-девки и не ожидал.

— А вот сейчас мы и проверим, дура ты пугливая или же умница осторожная. У магов, оказывается, примета особая есть — отметина пониже локтя. Вот и посмотрим, имеется ли у тебя такая.

От этих слов все у меня внутри похолодело. Ежели Савка заметит отметину, его ничто не удержит от того, чтобы выдать меня людям герцога. А уж те-то припомнят мне сожженный кнут сборщика податей. И хорошо еще, ежели просто высекут, а то и заберут в герцогский замок — мало ли, быть может, его светлости и я для чего сгожусь. А про творящиеся в замке беззакония я была хорошо наслышана. Свертки с покупками выпали у меня из рук, я привалилась к стене. Савка с довольной ухмылкой опять схватил меня за рукав, но тут раздался голос матушки Сузи:

— Лесса! Лесса, куда ты пропала?

Парень выпустил мою руку и метнулся по коридору — только его и видели. А матушка подошла ко мне, посмотрела встревоженно и спросила:

— Что случилось? Я слышала голоса, да и ты бледная такая. Обидел кто?

— Савка, — всхлипнула я. — Он догадался. Прочел о магической отметине и решил меня выдать.

Лицо Сузи омрачилось.

— Он увидел?

Размазывая по щекам слезы, я помотала головой.

— Не успел. Стал мне рукав задирать, а тут ты его спугнула.

— Это хорошо. Городская стража не поверит пустым подозрениям деревенского мальчишки, а доказательств у него нет. Как и уверенности в том, что ты действительно маг. Скоро он сам поверит, что все сам себе напридумывал.

Я в недоумении уставилась на матушку.

— Да как же напридумывал, когда проверить легче легкого? Достаточно на руку мою посмотреть.

— Это если ты здесь останешься, то правды нам не скрыть. А вот ежели уедешь...

И сердце мое опять замерло от страха. Уеду? Но куда? И когда?

— Быстрее, — поторопила меня матушка. — Времени у нас мало. Хорошо еще, что успели тебе обновки купить. Да и денег я с собой в Заводень взяла достаточно, как знала, что так повернется. Сейчас я напишу письмо, а ты собирай свои вещи, если поспешим, то успеем на вечерний дилижанс.

Я растерялась.

— Мы что, уедем прямо сейчас? Не поужинав?

— Не мы, Лесса, а ты. Я останусь и объясню нашим спутникам, что встретила своего родственника, согласного устроить тебя на учебу. Такой шанс выпадает редко, вот мы и поспешили им воспользоваться. А поскольку родич мой уже покидал Заводень, то и времени на прощания у тебя не осталось.

Я все-таки попыталась оттянуть неизбежное.

— Матушка Сузи, быть может, подождем до завтра?

— Нет, Лесса. Завтра с утра твой приятель направится к страже и разболтает все то, с чем сегодня говорил тебе. А уж когда на твоей руке обнаружат знак — все, никто тебя из города не выпустит. Да и в Бухту-за-Скалами вернуться тебе не позволят, отвезут в герцогский замок. Маг, каковой бы он силой не обладал, великой ли, малой ли, нашему герцогу не помешает. А теперь собирайся и не мешай мне.

И матушка быстро застрочила пером по листу бумаги.

Вскоре мы с ней крадучись, дабы не встретить кого знакомого, покидали постоянный двор.

— Как приедешь в Теннант, — шепотом наставляла меня Сузи, — сразу же ступай к господину Говарду. Его дом ты найдешь легко. Только выйдешь с центральной площади, сворачивай в первый же переулок, а там увидишь двухэтажный дом, крытый красной черепицей. Ограда кованная, а дверной молоток в виде диковинной птицы с длинным клювом — такого больше ни у кого нет. Передашь ему привет от Сюзетты да мое письмо. Говард о тебе позаботится.

Я кивала, не в силах вымолвить ни слова, а по щекам моим катились горячие слезы.

— Ну перестань, — обняла меня матушка. — Не навек же прощаемся. А в деревню ты и сама возвращаться не захочешь, вот увидишь. Будешь только приезжать изредка, навещать меня.

— А почему ты не поедешь со мной? — робко спросила я.

Сузи нахмурилась.

— Нет мне возврата в прежнюю жизнь. Сбежав с рыбаком, я обрубил все связи со своей семьей. Я — их вечный позор, Лесса. И не могу вновь показаться в родном городе, где на меня станут показывать пальцем и перешептываться за спиной, а то и в лицо ухмыляться. Ты сама скоро это поймешь.

— А я?

— А тебя в Теннанте никто не знает. Говард уж как-нибудь объяснит любопытствующим, кто ты такая да откуда взялась. Он человек разумный, да еще и ученый, тебе у него понравится.

Но я вовсе не желала ехать к неведомому Говарду. Будь моя воля, я вернулась бы в Бухту-за-Скалами и никогда-никогда не покидала ее.

Духота становилась нестерпимой. На юге Бранвии вот уже который день шли грозы. Еще утром ярко светило солнце, а к полудню небо затянуло низкими темными тучами, липкий воздух словно сгустился, дышать становилось все труднее, а от насыщенного аромата цветов ломило виски. Где-то на севере уже вовсю желтели листья, задували холодные ветры, ночи становились все прохладнее и осень давно вступила в свои права, но здесь, на юге, все еще царило лето, жаркое и безмятежное.

Темное небо перечеркнула яркая вспышка. На землю упали первые тяжелые капли дождя, редкие поначалу, но вскоре превратившиеся в сплошную водную стену. Легкие занавеси на открытом окне заколыхались, на подоконнике мигом образовалась небольшая лужица.

— Закроем окно? — предложил Ланс Бранвийский.

Его собеседник покачал головой. Молодые люди были удивительно схожи между собой: оба высокие, стройные, темноволосые, с точеными чертами лица. Порой их даже принимали за братьев, что, впрочем, было не столь уж далеко от истины: отец Эрвина Солейского приходился кузеном матери Ланса. Лишь цвет глаз у них был разным: темно-карым, почти черным у Эрвина и ярко-синими у Ланса.

— Не стоит, — Эрвин подошел к окну, с наслаждением вдохнул остывающий воздух. — Люблю грозу. Есть в ней что-то дикое, необузданное. Свободное.

Мысль о свободе отозвалась болью, поскольку свободным себя Ланс не ощущал. Даже сейчас, вдали от Роланда и Ингрид, он временами чувствовал себя скованным по рукам и ногам. Молодой человек тряхнул головой, избавляясь от тяжелых воспоминаний.

— Я сегодня в городе видал развешанные повсюду объявления, — продолжая прерванный разговор, произнес Эрвин. — Твой драгоценный отчим разыскивает паренька-мага. Сироту лет пятнадцати-шестнадцати, со знаком пониже локтя.

— Значит, он тоже ищет, — задумчиво сказал Ланс. — Но почему только теперь? Мы ведь ведем поиски уже три года.

Эрвин пожал плечами.

— Откуда мне знать? Все-таки большим умом Роланд никогда не отличался. И хвала всем богам, иначе тебе не удалось бы сбежать из-под его навязчивой опеки и трогательной заботы, едва не уложившей тебя в могилу.

— Но ему, тем не менее, хватило ума не объявлять о моем побеге, — возразил Ланс. — Даже Роланд сообразил, какими проблемами ему это грозит. Хотя не сомневаюсь, что без этой змеи Ингрид никак не обошлось.

При воспоминании о мачехе лицо молодого герцога помрачнело. Он был твердо уверен в том, что именно юная тогда Ингрид приложила все усилия, дабы отправить нелюбимого супруга на тот свет, осиротив тем самым Ланса окончательно.

— Зато поиски парнишки ведутся масштабно, — заметил Эрвин. — Не удивлюсь, если вскоре выйдет указ осматривать всех юношей подходящего возраста, дабы обнаружить отметину.

Ланс только усмехнулся.

— Долго же ему придется искать. Нет, здесь опасность может заключаться только в том, что юный маг сам выдаст себя каким-либо образом. Пятнадцать-шестнадцать лет —



время, подходящее для пробуждения дара. И худо дело, ежели поблизости не окажется наставника. Обычно эту роль исполнял отец, но только не в нашем случае. На помощь покойника уповать не приходится.

— Жаль, что Литор умер, — печально сказал Эрвин. — Помню, отец никак не желал поверить в его смерть. Полагал, что столь сильный маг смог бы обезопасить себя.

— Увы, он потратил слишком много сил на то, чтобы спасти моего отца. А их остаток — на спасение собственного ребенка, когда понял, к чему идет. И теперь нам, к сожалению, остались только его книги да записи.

— Полагаешь, этого будет достаточно? — встревоженно спросил Эрвин.

— Не знаю. Надеюсь только, что дар, полученный ребенком Литора, достаточно силен, иначе мы просто тратим время зря. Разумеется, нам пригодится даже слабый союзник, но мы-то рассчитываем на большее. И все же интересно, с чего вдруг Роланд взялся искать сына Литора?

— Скоро приедет из замка Мораг, я ее расспрошу. Она в недавнем письме обмолвилась об очередном паломничестве нашей ненаглядной Ингрид, но подробно расписывать побоялась — сам ведь знаешь, письмо могли перехватить. Но не удивлюсь, если окажется, что во время путешествия твоя драгоценная мачеха что-то разнюхала. И теперь нам надо выяснить, к чему готовиться. Ингрид ничего не делает просто так, безо всякого умысла.

Ланс внезапно расхохотался.

— Как бы дражайшая матушка на сей раз не перехитрила себя сама. Она ведь здорово уже ошиблась один раз, выбрав себе в супруги Роланда. Полагала, что он из благодарности ее следы целовать будет — как же, ведь она преподнесла ему Бранвию на золотом блюде. Да еще на прелести свои рассчитывала, думала, что виконт столь ими очарован, что всякий разум утратил. Ох и горько же она разочаровалась, да только поздно уже было. Сделанного не воротить. А пока... Пока пусть ищут сына Литора, Бранвийского мага. А мы тем временем будем искать его дочь!

— Проклятие!

Изящный кубок ударился о стену и со звоном разлетелся на осколки. Алые брызги рассыпались яркими пятнами по шелковым обоям и бесценному ковру, привезенному с далекого юга. Роланд Бранвийский слегка поморщился и отвел взгляд. Ну да ладно, слуги приведут все в порядок. Надо только позвать кого-нибудь. Но видеть никого не хотелось. Герцог только что выдержал длительную истерику законной мегеры и больше всего на свете желал бы остаться хоть ненадолго в одиночестве. Увы, его чаяниям не суждено было сбыться.

Дверь приотворилась и в комнату, озираясь, проскользнула прехорошенькая юная девушка. Роланд досадливо скривился — с сей особой он имел неосторожность пару раз разделить постель, и вот теперь Ронда — так звали девицу — возомнила, будто он пылает к ней неземной страстью. А какая уж тут неземная страсть, ежели бедолаге герцогу, дабы быть хоть на что-то способным, требовались каждый раз любовницы все моложе и прелестнее? Несомненно, женушка постаралась, наслала на него мужскую немочь. То-то у него через раз только и получается. Хотя... С Рондой он ведь не оплошал? Стало быть, можно перевести девчонку в ранг постоянной любовницы. А когда поднадоест, то избавиться от нее будет проще простого: кто-нибудь из прислуги шепнет Ингрид о пассии ее муженька, и Ронда оглянуться не успеет, как вылетит из замка, да еще и порадуетя, ежели цела окажется.

Подобные мысли приподняли герцогу настроение, и он, пьяно ухмыляясь, поманил девушку пальцем.

— Ваша светлость, — пролепетала Ронда, — но ведь еще даже не стемнело!

Тем не менее, она подошла поближе.

— Ну и что? Можно подумать, ты сюда пришла поговорить о чудесной погоде.

С этими словами Роланд обхватил девицу одной рукой за талию, другой задирая ей юбку.

Ронда ойкнула, захихикала, а затем дыхание ее участилось, потяжелело. Тонкие пальцы скользнули под мужскую рубаху, погладили поросшую волосами грудь. Роланд перехватил руку девушки и направил ее ниже.

— Ну же! Ты знаешь, что нужно делать.

— А госпожа Ингрид точно не вернется? Я видела, как она вылетела отсюда — вы поругались, да?

Вот идиотка! Нашла подходящий момент, чтобы напомнить о ведьме! Мужчина скрипнул зубами, чувствуя, как пропадает не только шаловливое настроение, но и мужская сила. Схватив девицу за плечи, он резко оттолкнул ее. Ронда пошатнулась, но не упала, устремила на него удивленный и обиженный взгляд.

— Ваша светлость, — растерянно пробормотала она. — Ваша светлость, что случилось?

— Пошла вон! — взревел Роланд и испуганная девушка ошпаренной кошкой метнулась за дверь.

Герцог проводил ее тяжелым взглядом, потянулся, чтобы налить себе еще вина и досадливо выругался, вспомнив, что совсем недавно собственноручно разбил любимый кубок. Впрочем, поскольку никого рядом не было и некому было упрекнуть его за неподобающие манеры, он сделал большой глоток прямо из горла и вытер губы ладонью.

День выдался препаршивым. Поначалу олухи-гвардейцы притянули едва ли не дюжину перепуганных мальчишек, ни в одном из которых даже проблеска магического дара не наблюдалось. Наградив излишне усердных служак площадной бранью и несколькими хорошими ударами хлыста, Роланд отправил их на дальнейшие поиски, в успехе которых сам далеко не был уверен. Да и, правду сказать, ему-то самому сынишка покойного Литора был без надобности. Живет себе где-то — ну и пусть его. Это все Ингрид воду мутит, нейметса ей. И как только он, Роланд, сумел в свое время так вляпаться?

А ведь радовался еще, глупец. Еще бы: из всех блистательных кавалеров красавица-герцогиня выбрала именно его, ни чем не примечательного виконта.

— Я чувствую в тебе силу, — жарко шептала она ему, прижимаясь горячим обнаженным телом с такими волнующими изгибами. — Вместе мы свернем горы.

Вот только Роланд решительно не желал понимать, к чему ему горы сворачивать. Пусть себе стоят, где стояли — ему до них дела нет. Вот с тем, что с мальчишкой надо бы что-то делать, мужчина был полностью согласен. Но и в этом вопросе можно было повременить. На момент свадьбы Лансу исполнилось шесть лет — маленький волчонок кидал на мачеху и отчима злобные взгляды, упрямо хмурился и ни разу не улыбнулся.

— Он совсем ребенок, — отмахивался Роланд от супруги, когда та приставала с требованиями «заняться маленьким змеенышем». — У нас еще уйма времени.

— Ты оглянуться не успеешь, как он вырастет, — шипела недовольно Ингрид. — Потребует герцогство себе, и что тогда останется нашим детям?

И Роланд соглашался, но... Но Ланс был еще так мал, а собственных наследников боги никак не желали ему посылать. Да и сложившаяся ситуация, правду сказать, мужчину полностью устраивала. У него была красавица-жена, горячая и страстная, богатая казна старого Бранвийского и неограниченная власть. Чего еще желать? А с мальчишкой он сможет разобраться и попозже. Или же — иной раз приходила опекуну малолетнего наследника в голову мысль — ежели Ингрид так и не забеременеет, то можно воспитать Ланса как сына. Но герцогиня и слышать о подобном не желала.

**Больше книг на сайте - [Knigolub.net](http://Knigolub.net)**

— Он нас ненавидит, — упорно утверждала она. — Вот вступит во владение наследством и вышвырнет нас вон. И это еще если нам повезет, а не то и в темнице сгноит.

— Да ладно тебе, — пытался успокоить супругу Роланд, — мальчишка еще мал. Перевоспитаем.

— Из волчонка может вырасти только волк, — повторяла Ингрид.

И Роланд понемногу проникался ее речами, пропитывался ядом. Тем более, что Ланс держался замкнуто, играть с отчимом не желал, а своими детскими горестями предпочитал делиться со старыми слугами. Ингрид, правда, выгнала большую часть тех, кто служил старому герцогу, но все равно кое-кто остался. Более всего сожалела герцогиня, что никак не могла заманить себе на службу достойного мага. Покойный Литор обладал сильным даром, а вот нынешний маг Бранвии мало на что был годен. Зато его преданность герцогине не знала границ. И именно он, Дервин, предложил добавлять в питье юного Ланса несколько капель особой настойки.

— Мальчик начнет терять силы, — растолковывал маг. — Но не быстро, а незаметно, исподволь. Никто ничего не заподозрит, ни один лекарь не сможет установить причину болезни.

При разговоре этом посторонних не присутствовало — только Ингрид, Роланд да сам

Дервин. Ингрид восприняла предложение мага с восторгом. Роланд хотел было возмутиться, но... Но годы шли, мальчишка все так же дичился его, бросал злые настороженные взгляды, а чувствовать себя правителем было так сладко. Вот если бы Ланс был его сыном и не мог претендовать на герцогство до кончины отчима, то ничего бы мальчику не грозило. А так — каждый за себя. Да парнишка и сам виноват, не пожелал принять Роланда как своего отца, считал захватчиком, узурпатором. Такие мысли пронеслись в голове у мужчины, когда он давал свое согласие.

Поначалу пасынка даже было жалко, и новоявленный герцог принялся все чаще прикладываться к бутылке, дабы забыться. И в пьяном угаре творил такое, во что сам потом верить отказывался. На лице Ингрид при виде супруга начинала появляться брезгливая гримаса, а потом до Роланда дошли слухи. Его благоверная вовсе не хранила супружескую верность, причем не гнушалась даже объятий прислуги. И Роланд возненавидел того, кого хотел воспитать, как сына. Ведь это неуступчивый мальчишка был виноват в пьянстве отчима! Если бы Ланс вел себя иначе, его не потребовалось бы травить потихоньку, а значит, и совесть Роланда не нуждалась бы в том, чтобы ее заливали вином. И была бы у них нормальная семья. Иногда ехидный голосок вышеупомянутой совести пытался намекнуть мужчине, что вовсе не пасынок сделал Ингрид бессердечной шлюхой, а его самого — безвольным пьянчугой, но после очередной бутылки совесть все же вынуждена была привычно умолкнуть. А со временем и вовсе окончательно уснула.

Ланс поначалу даже не замечал, что болен. Чуть быстрее уставал, чуть медленнее бегал. Друзей для игр мальчонке находила Ингрид — из числа детей ее подлипал, чтобы каждое слово, сказанное пасынком, непременно достигало ее ушей. Но паренек, не будь дураком, при новых приятелях больше отмалчивался. Слишком поздно герцогиня спохватилась, что пасынок очень уж много времени проводит на конюшне — считала, что общество лошадей ему милее людского. А оказалось, что Ланс, когда никто не видит, подолгу беседует со старым конюхом покойного отца. Застали их за разговором случайно и раздосадованная Ингрид, которая вполне могла спать со слугами, но никак не делиться с ними душевными переживаниями, мигом вышвырнула старика из замка. А вскоре Ланс слег. Роланд уже раздумывал о том, кого бы из знатных гостей звать на поминки юноши, но паршивец опять всех перехитрил, умудрившись сбежать. И вот уже три года отчим не мог его сыскать. Изрядно затрудняло поиск то, что побег наследника из замка старательно замалчивался. Герцог сторяча собирался было отправить отряды стражей по всем городам и деревням Бранвии, но Ингрид остановила его.

— Совсем рехнулся? — орала она, пользуясь тем, что звуки не проникали за толстые стены и двери кабинета и скандала между супругами никто не слышал. — Желаете объявить во всеуслышание, что сынок Бранвийского бродит где-то на свободе? Мятажа захотел? Да одних только самозванцев появится столько, что нам годы на их усмирение понадобятся. Даже если мальчишку поймут, всегда найдутся остолопы, которые этому не поверят. Нет уж, пусть все будут уверены, что Ланс тихо-мирно погибает в своих покоях. А я проявлю заботу и поставлю прислуживать пасынку своего личного мага. Дервин точно не проболтается, в нем я уверена, как в себе.

— И с ним спишь? — пьяно ухмыльнулся Роланд.

Он уже и позабыл, когда в последний раз пребывал трезвым. Ингрид коротко, по-мужски ударила супруга кулаком в челюсть — и где только набралась столь простонародных замашек?

— Все лучше, нежели с тобой, — процедила она, резко развернувшись на каблуках и вылетела из кабинета.

После этого разговора герцог кутил три дня, но за поиски Ланса все же взялся. Увы, людей, которым он мог бы всецело доверять, сыскалось не так уж и много, потому за три года в своих усилиях он толком никуда так и не продвинулся. Ингрид пыталась обнаружить местопребывание пасынка с помощью магии и предсказаний, но тоже не преуспела. Магом Дервин был слабоватым, а боги к просьбам герцогини оставались глухи и не слали ей ни вещей снов, ни видений.

Теперь поездки женщины по храмам и святым местам приняли несколько иной смысл — если раньше она просила о ребенке, то сейчас надеялась отыскать Ланса. Но все без толку. И вот недавно Ингрид возвратилась взбудораженная. Посещение удаленной часовни, куда добраться было весьма затруднительно, принесло свои плоды — вот только не те, на которые рассчитывала герцогиня. Слепая прорицательница ничего не сказала о наследнике, зато упомянула совсем другого ребенка.

— Дитя убитого мага скоро войдет в силу, — вещала полубезумная старуха. — И пусть трепещут убийцы его отца!

Ингрид пришла в смятение. О том, что у Литора имелся крохотный ребенок, ей (да и не только ей) было известно. Но интересоваться его судьбой герцогине даже не приходило в голову. Вернее, после смерти мага она задумалась о том, что было бы неплохо избавиться и от всей его семейки. Но покуда она смогла разузнать, где именно Литор держал младенца и его мать, тех уже и след простыл. И герцогиня махнула на отродье мага рукой. Откуда же ей было знать, что у ребенка тоже обнаружится магический дар? И вот теперь пришло время исправлять старую ошибку.

Поначалу задача не представлялась Роланду столь уж сложной. Судя по словам предсказательницы, мамаша юного мага тоже давно лежала в земле, а искать сироту с магическими способностями можно было не таясь. Вот только и эти поиски оказались безрезультатными. На столы дознавателей посыпались многочисленные доносы, но проверки быстро выясняли, что к Литору подозрительные мальчишки никакого отношения не имели. Все-то и пользы, что удалось обнаружить одного парнишку-травника, которого обучала бабка, деревенская ведунья. Мальчика забрали в замок и отдали в подчинение Дервину — не пропадать же добру. Но радости от сего новоприобретения не было. Ингрид все чаще выходила из себя и орала на Роланда, тот в долгу не оставался, обзывая супругу суеверной дурой. Сам он в призрачную опасность не очень-то и верил. Герцога уже не слишком беспокоили и мысли о находившемся на свободе Лансе. Три года от пасынка не было известий, и Роланд иной раз даже вздыхал с облегчением: все-таки чувствовать себя отравителем не очень-то и приятно. А так, что бы с юношей ни произошло, сам герцог был в том не виноват. А вот мужское бессилие тревожило его гораздо сильнее. Пока еще толком никто не знал, пока не поползли змеями слухи. Но вот ежели так пойдет и дальше, то узнают все, начнут смеяться за спиной — и что тогда делать? Идти к Ингрид на поклон, чтобы сняла свое проклятие? Нет, о таком унижении даже думать не хотелось...

После грозы наконец-то ненадолго воцарилась воцарилась прохлада. Никаких занятий на вечер предусмотрено не было и Эрвин предложил съездить в город, навестить веселых девиц. Ланс пообещал подумать. С одной стороны, развлечений в поместье не хватало, а с другой — отчего-то не было настроения. Рассказ Эрвина всколыхнул неприятные воспоминания, тяжким грузом лежавшие на сердце.

Ланс уже смутно помнил Литора, как, впрочем, и отца. Если бы не многочисленные портреты, молодой человек уже и позабыл бы облик родителя. В памяти остался только громкий голос да веселый смех, когда герцог подбрасывал малыша-наследника в воздух, а затем ловил его. Маленький Ланс не пугался — ему нравилась забава.

— Видишь, — обращался Бранвийский к безмолвно стоявшей рядом жене, — не боится! Настоящий мужчина растет!

Ингрид кривила губы в вымученной улыбке. Отчего-то эта красавица, похожая на принцессу из сказки, сразу пришлась мальчугану не по сердцу, хотя она и пыталась купить его любовь лакомствами да игрушками. Но Ланс упорно не желал идти к ней на руки или же целовать подставленную щеку.

— Да мальчишкам всегда не по нраву бабьи нежности, — отмахивался герцог от жалоб супруги на холодность пасынка.

Но ребенок, хоть и не смог бы этого объяснить, чувствовал, что женщина его не любит. Много позже он понял причины такого отношения мачехи, а в те далекие годы просто бессознательно старался избегать ее.

С Литором же дело обстояло совершенно иначе. Стоило магу появиться в поле зрения малыша, как Ланс тут же подбегал поближе и оттащить его от мужчины не представлялось возможным. Причем у Литора никогда не было при себе ни сладостей, ни игрушек, но мальчику все равно было интересно, пусть даже тогда он не понимал, даром какой мощи на самом деле обладает маг.

Правду сказать, малыш вообще не делал различий между магией и представлениями ярмарочного фокусника. Но все-таки фокусником восхищался гораздо меньше.

А потом их не стало — ни отца, ни мага. Ланс помнил громкие фальшивые рыдания Ингрид, сильно испугавшие его.

— Осиротели мы с тобой, мальчик мой, — причитала женщина и прижимала его к себе, обдавая невыносимо тяжелым ароматом духов.

Он упрямо выворачивался из ее объятий, отбегал в сторону, отводил взгляд. Как-то разом, быстро он понял, что отец ушел к его настоящей матери, знакомой мальчику только по портретам. Но все не мог поверить, что больше никогда не увидит его.

А потом Лансу быстро пришлось повзрослеть. Едва-едва дождавшись окончания траура, Ингрид поспешила вновь выйти замуж, а спустя еще несколько лет ей в голову пришла идея избавиться от пасынка. В том, что задумка принадлежала именно мачехе, а не отчиму, Ланс не сомневался. Роланд был, пожалуй, мужиком и не плохим, но слишком уж слабовольным. Хотя, выпив, тут же начинал ощущать себя смельчаком и героем — и вот тогда могло достаться даже Ингрид, ежели она подворачивалась под горячую руку. Но травить пасынка Роланд сам бы не додумался. Пришибить ненароком — это запросто, но никак не методично подливать отраву. Хорошо еще, что старая Верда, прислуживавшая еще Литору, немного

разбиралась в травах да ядах — маг научил. Она-то и посоветовала Лансу не пить заботливо приносимое перед сном молоко, а самому делать вид, будто ему становится все хуже. Тяжелее всего пришлось, когда он изображал из себя неспособного встать с кровати калеку, зато таким образом удалось усыпить подозрения и устроить побег. Счастье еще, что в замке оставались верные ему слуги — они-то и связались с Эрвином, ближайшим родственником Ланса. И куда большее счастье, что Эрвин не отмахнулся от его проблем, напротив, принял в судьбе кузена самое горячее участие. Молодые люди вот уже три года ломали головы, как бы им вернуть Лансу законное место на герцогском престоле. Повезло еще, что время пока не поджимало, поскольку работа предстояла большая...

Прическа все-таки сильно растрепалась. И если одежду еще удалось привести в относительный порядок, то с волосами ничего поделывать было нельзя. Джейк сразу же испарился из поля зрения, зная, что хозяйка, получив от него желаемое, вовсе не настроена созерцать конюха либо же — упаси боги! — беседовать с ним. Все, что было нужно Ингрид от молодого здорового мужчины — это его крепкое тело, сильные руки и горячие губы. Ну и кое-что еще, само собой разумеется.

Она в последний раз отряхнула одежду и решительным шагом покинула конюшню. Разумеется, ее растрепанный вид заметят — а как же иначе? — и даже догадаются о причине, но вот слишком уж распускать языки поостерегутся. Крутой нрав герцогини был всякому известен, и за шкуры свои окружающие дрожали.

Ингрид досадливо поморщилась. Она рано осознала, что ей необходима регулярная физическая близость с мужчиной — пожалуй, даже слишком рано, еще до первого замужества. Хорошо еще, что покойного Бранвийского удалось обвести вокруг пальца при помощи старых, как мир, трюков: избытка вина, притворного страха и порезанного пальца, дабы испачкать кровью простыни. Утром супруг ничего и не заподозрил.

Пожалуй, Генриха Бранвийского сгубило доверие и любовь к юной жене. Да, можно сказать и так, хотя, видят боги, Ингрид не желала его гибели. Ее Генрих в роли супруга всецело устраивал, а будь он лет на пятнадцать-двадцать моложе да хоть немного погорячее, то она, пожалуй, могла бы даже влюбиться. Но увы, ей, семнадцатилетней, муж казался стариком, да и сердце ее на тот момент уже оказалось занято. Вернее, это она, юная и глупая, так думала.

Оскар был ее дальним родственником, прекрасным, словно юный бог-Солнце. По крайней мере, именно таким малышка Ингрид некогда представляла себе наиболее почитаемое в туманной Горени божество: стройным, золотоволосым, с открытой белозубой улыбкой и наивно распахнутыми голубыми глазами. И когда родич признался пятнадцатилетней девочке в любви, она пришла в восторг и тут же принялась строить планы. Но ее возлюбленный оказался жесток — теперь Ингрид знала, что и солнце бывает знойным и палящим, потому больше не удивлялась.

— Мы не можем пожениться, любовь моя, — втолковывал он ей. — Я — пятый сын в семье и беден, как распоследний нищий. Да и за тобой много не дадут. Как же мы будем жить?

Они быстро стали любовниками. Каждый раз девушка с восторгом открывала для себя все новые и новые стороны наслаждения. Ей, наивной и толком не знающей жизни, казалось, что это и есть любовь — когда двое задыхаются от страсти и с всхлипами и стонами умирают в объятиях друг друга. И лишь годы спустя она поняла, что подобное удовольствие ей способен подарить почти любой молодой и здоровый мужчина. Но тогда-то она была твердо уверена во взаимных чувствах и с жаром убеждала любовника не бояться трудностей.

Кто знает, быть может, ей в конце концов и удалось бы убедить Оскара, да вот только незадолго до своего семнадцатилетия Ингрид получила брачное предложение от вдовца-герцога. Зрелого мужчину очаровала юная прелесть девушки, ее тяжелые светлые косы и стройный стан.



— Отец ответил согласием, — рыдала Ингрид в объятиях своего Оскара. — Меня отдадут в жены ненавистному старику, разлучат с тобой.

— Бранвийский богат, — задумчиво протянул Оскар, рассеянно поглаживая любовницу по спине. — Очень богат, ведь так?

— Наверное, — шмыгнула носом Ингрид. — Какое мне дело до его богатства? Век бы не слыхала об этом мерзком старикане!

— Глупенькая, — ласково шепнул ей Оскар. — Это ведь решение всех наших проблем. Ты выйдешь замуж за герцога и сможешь уговорить его дать мне место среди замковой стражи. А когда он умрет, то мы поженимся — и вся Бранвия будет у нас в кармане.

Замысел возлюбленного вовсе не пришелся девушке по вкусу, но Оскар прекрасно знал, как именно можно было ее уговорить. И к утру Ингрид, усталая, расслабленная и разнеженная, была согласна на все.

День свадьбы почти не отпечатался в ее памяти. Роскошное платье, изысканная прическа, подаренные женихом драгоценности, завистливые перешептывания за спиной и откровенные восхищенные вздохи — все это не волновало новобрачную. Ингрид с ужасом ожидала первой ночи с нелюбимым супругом. Подкупленный Оскаром виночерпий все подливал и подливал герцогу хмельной напиток, а бедная невеста дрожала от страха. Огромных трудов стоило ей не расплакаться прямо за пиршественным столом. Ингрид подозревала, что старательно изображаемая ею радостная улыбка больше походила на оскал, но на большее все равно способна не была. В поисках поддержки она нашла взглядом Оскара, но любовник быстро отвел глаза. Несчастной казалось, что все ее бросили.

К счастью, Генрих по-своему истолковал бледный испуганный вид юной жены.

— Не бойся, милая, — жарко шептал он ей, когда они остались наедине в опочивальне. — Я не обижу тебя. Тебе понравится, вот увидишь. Какая же ты красивая...

Удивительно, но Ингрид действительно понравилось. Конечно, ее супруг сильно уступал в любовном мастерстве Оскару, да и страх сильно мешал удовольствию, но противно никак не было, а некоторые действия Генриха даже дарили наслаждения. Поначалу Ингрид закрывала глаза и представляла себя в объятиях любовника, но затем обнаружила, что не испытывает в том особой нужды. Тогда-то в ее голову и закрались первые сомнения. Возможно, с герцогом ее ожидала не столь уж и плохая жизнь?

Увы, но для Генриха любовные утехы значили не столь много, сколь для его юной супруги. И если первое время после свадьбы он еще уделял ей должное внимание, то спустя пару месяцев стал навещать ее в опочивальню все реже. У женщины начались головные боли, настроение портилось невесть от чего. Во время визита к родителям она тайком сбегала к известной в Горени знахарке. Молодая герцогиня втайне надеялась услышать о беременности, но крепкая еще пожилая женщина сокрушенно покачала головой.

— Бедная девочка, — пожалела она Ингрид. — Есть такие бабы, которым без мужика никак нельзя, вот ты одна из них. Старый, говоришь, муж-то?

Герцогиня, никак не ожидавшая услышать ничего подобного, молча кивнула.

— Ой, печаль-беда. Не должна бы я советовать подобного, да только иначе тебе жизни не будет. Сыщи себе полюбовника, да только такого, чтобы язык за зубами крепко держать умел, ежели раньше времени иссохнуть не желаешь.

В тот же день Ингрид подстерегла Оскара и затянула в пыльный заброшенный сарай.

— А я уж думал, что ты меня позабыла, — хохотнул любовник.

— Что, прямо со свадьбы к тебе бежать надо было? — огрызнулась герцогиня.

Удивленный Оскар не нашелся с ответом. Покорная мягкая девочка исчезла, уступив место почти незнакомой молодой женщине — и такая Ингрид, пожалуй, нравилась ему даже больше.

Генрих так ничего и не заподозрил, до самой смерти доверяя супруге. Хотя — видят боги! — Ингрид старалась быть ему хорошей женой и даже пыталась полюбить противного мальчишку. Но кроха Ланс упорно не шел к ней на руки и отворачивался, ежели мачеха пробовала его обнимать. Иной раз женщина сетовала, что ей никак не удастся забеременеть — ей все казалось, что оттого-то она и пасынка недолюбливает, что своих младенцев боги ей никак не пошлют. А потом случилось несчастье на охоте.

Когда раненного герцога внесли в охотничий домик, герцогиня впала в состояние, близкое к панике. Слезы навернулись на глаза, руки задрожали, мысли путались в голове. Кто-то распорядился послать за Литором.

— Ничего не могу обещать, — словно сквозь пелену донесся до Ингрид отрывистый голос мага. — Рана слишком серьезна.

Вокруг суетились какие-то люди, сновали туда-сюда слуги, а герцогиня только тоненько поскуливала, забившись в темный угол и обхватив голову руками. И умудрилась пропустить момент, когда нагужное хрипение супруга сменилось тяжелым, но размеренным дыханием, а маг обессиленно прислонился к стене.

— Все, — тихо произнес он. — Теперь жизнь Генриха вне опасности.

Только тогда Ингрид отняла ладони от опухшего заплаканного лица и подняла на Литора покрасневшие от слез глаза.

— Генрих выживет? — сиплым шепотом переспросила она.

— Выживет, — подтвердил маг. — Будьте любезны, герцогиня, принесите воды. У меня совсем не осталось сил, да и вашему супругу не мешало бы попить, когда он придет в себя.

Только тут женщина наконец заметила, что в комнате не осталось никого, кроме них троих.

За окном стояла непроглядная темень, ни звезд, ни луны было не разглядеть. В охотничьем домике царил тишина, утомленных слуг и приближенных герцога, видимо, сморил сон. Пошатываясь на непослушных ногах, Ингрид добралась до двери и вышла в коридор, где ее подхватили такие знакомые сильные руки.

— Ну как он? — озабоченно спросил Оскар.

— Жить будет. Крови много потерял, но Литор его спас. Сам, правда, совсем обессилен, — хрипло пробормотала герцогиня.

— Да и ты вот-вот свалишься, — в голосе молодого человека звучала неподдельная тревога. — Спать идешь?

Ингрид устало покачала головой.

— Нет, Литор воды попросил. Да и Генриха напоить надо будет.

Оскар заботливо усадил любовницу на неудобный жесткий стул.

— Посиди пока здесь, я сам схожу, принесу. Ты-то на ногах едва держишься.

Ингрид благодарно ему улыбнулась. Отсутствовал Оскар недолго, спустя несколько минут он вернулся с кувшином в руках.

— Вот, держи. И ступай к мужу, а я тебя здесь подожду. Не волнуйся, все спят.

И он быстрым поцелуем прикоснулся к ее губам. Ингрид покоробила неожиданная ласка почти рядом с ложем чудом избежавшего смерти супруга, но сил на то, чтобы возмутиться, у нее не оставалось. С трудом подняв показавшийся каменно-тяжелым кувшин,

она вернулась в опочивальню.

Дыхание Генриха уже выровнялось, он спал, слегка похрапывая. Литор тоже задремал в кресле у постели больного. Герцогиня замерла в нерешительности — она не желала будить ни одного из мужчин, но маг ведь ясно сказал, что им необходимо питье. Что же делать?

В любом другом случае Ингрид просто оставила бы кувшин на столе рядом с позабытой в суматохе пустой кружкой, но сейчас она боялась, что труды мага могут пойти насмарку из-за ее бездействия. И она наполнила кружку водой и подошла к ложу супруга.

— Генрих, — срывающимся голосом позвала она. — Генрих, проснись, пожалуйста.

Герцог открыл глаза и устремил на жену помутневший взгляд. Давясь рыданиями, Ингрид приподняла ему голову и поднесла кружку к губам. Литор тоже пошевелился и проснулся.

— Пить, — прохрипел он.

Не глядя герцогиня сунула ему кружку с недопитой водой и принялась поудобнее устраивать своего мужа на постели и укутывать одеялом. Отвлек ее внезапно раздавшийся звон. Обернувшись, Ингрид в ужасе увидела, как разлетаются по полу осколки кружки, выпавшей из обессилившей руки мага.

— Ты... — хрипло простонал Литор. — Ты... убийца...

— Нет! — в панике завизжала бедная женщина. — Нет! Нет!

Плохо соображая, что делает, она бросилась перед магом на колени и схватила его за судорожно сведенную в кулак ладонь, затем метнулась к Генриху и склонилась над ним, вслушиваясь в прерывистое дыхание. Неожиданно герцог выгнулся всем телом и забился в судорогах.

— Помогите! — закричала обезумевшая от страха герцогиня. — Кто-нибудь! На помощь!

Почти неслышно отворилась дверь и вошел Оскар. Посмотрел на корчившихся в агонии мужчин и удовлетворенно кивнул.

— Оскар! — кинулась к нему Ингрид. — Сделай же что-нибудь!

— Зачем? — равнодушно осведомился мужчина. — Они все равно сейчас умрут.

Молодая женщина неверящим взглядом смотрела на своего золотоволосого солнечного бога.

— Так это ты, да? Ты?

Она не могла себя заставить выговорить страшные слова, но Оскар прекрасно ее понял.

— Нет, дорогая моя, — поправил он с усмешкой. — Это ты — отравительница. Ты принесла кувшин с отравленной водой и ты же напоила ею своего мужа. Как бы ты ни пыталась доказать обратное, тебе не поверят. А знаешь почему? Потому что все, сказанное мною — правда. Ты действительно убила своего мужа собственными руками.

— Нет! — взвизгнула Ингрид. — Я не знала! Я не хотела!

— А кого это интересует, любовь моя? Хотела — не хотела, какая разница? Результат — вот он, — и Оскар широким жестом обвел ту часть комнаты, где уже затихали предсмертные судороги двоих несчастных. — Кроме того, разве не ты ненавидела Генриха перед свадьбой? Разве не ты мечтала о его смерти? Называла его противным стариком?

Ингрид в отчаянии затрясла головой.

— Нет, нет, нет...

— Не обманывай себя, дорогая, — жестко сказал ей любовник. — Признай мою правоту. Ты — убийца, любовь моя. Ты только что лишила жизни двух человек. Ну же,

повтори за мной. Вот увидишь, тебе сразу же станет легче.

Ингрид вовсе не собиралась подчиняться ему, но губы помимо воли сами собой выговорили:

— Убийца...

Оскар обнял ее, мягко привлек к себе, погладил по волосам, точно ребенка.

— Все уже закончилось, милая. Осталось совсем немного. Завтра, когда все проснутся, мы объявим, что Литор выгорел дотла, спасая Генриха, но так и не смог ему помочь. И все будет хорошо, у нас с тобой все будет просто великолепно. Скажи, любимая, ты веришь мне?

Давясь слезами, Ингрид кивнула.

— Нет, скажи, — настаивал любовник. — Я хочу услышать.

— Верю, — тихо всхлипнула несчастная.

— Вот и замечательно. Запомни, моя драгоценная: только со мной ты в безопасности. Я не позволю, чтобы тебя обвинили в совершенном преступлении. Я подтверждаю твои слова. Пока ты со мной, тебе ничего не грозит.

Оскар оказался прав. Наутро герцогиня сообщила о смерти своего супруга и его личного мага. Глядя на заплаканную бледную женщину, никому и в голову не пришло подвергнуть сомнению правдивость ее слов, тем более, что страшную рану Генриха видели все.

И только в замке Ингрид почувствовала себя в опасности. Она стояла на церемонии прощания рядом с телом супруга, тихая, печальная, одетая в траурное платье. И вдруг вздрогнула, поймав устремленный на нее полный ненависти взгляд синих глаз маленького пасынка.

— Он знает, — говорила она тем вечером Оскару. — Он знает, что это я отравила Генриха. И ненавидит меня.

Мысли ее путались, женщина уже пребывала в полной уверенности, что смерть супруга — целиком и полностью ее вина. И дело не только в том, что это именно она напоила Генриха ядом. Она виновна была уже в том, что вышла за нелюбимого замуж, изменяла ему с молодым любовником и внушила Оскару ложные надежды. Ведь если бы тот не был уверен в желании Ингрид овдоветь, то и не принес бы ей отраву.

— Он совсем малыш, — прошептал Оскар. — Забудь о нем.

Вокруг хватало народу, потому разговаривали они тихо. Со стороны казалось, будто начальник герцогской охраны выражал вдове свои соболезнования.

— Мальчик вырастет, — возразила Ингрид. — И отомстит. Я успела изучить характер этого ребенка, он очень упрям.

— Не переживай, — любовник легко прикоснулся к ее руке. — Я рядом и всегда смогу защитить тебя. Я приду к тебе ночью.

И отошел, позволяя приблизиться следующему соболезнующему. Но Ингрид знала: пока Ланс жив, она в опасности. Каким-то образом мальчишка узнал о том, что произошло в охотничьем домике. И после его вступления в права наследования Ингрид не жить: Ланс попросту уничтожит мачеху.

С каждым днем убеждения ее все крепили. Прежде просто дичившийся ее мальчонка теперь смотрел с нескрываемой злобой.

— Волчонок вырастет и станет волком, — твердила герцогиня. — Ну почему мне так и не удалось родить Генриху дитя? Тогда я была бы в безопасности.

— Ты и так в безопасности, — вкрадчиво нашептывал ей Оскар. — Я ведь забочусь о тебе. Я всегда буду рядом. Скажи, Ингрид, ты любишь меня?

И Ингрид покорно кивала, но любовнику этого было мало. Снова и снова вырывал он у нее признания и заверения в том, что она всецело предана своему единственному. Герцогиня ощущала себя мухой, попавшей в липкую паутину страха, греха и соблазна. Оскар действительно стал ей необходим, без его присутствия рядом становилось зябко и неудобно. Несмотря на теплую пору, в спальне Ингрид всегда было жарко натоплено, но ее все время бил озноб. Иной раз она вяло думала, что заболела, но даже эта мысль не внушала ей тревогу. По-настоящему ее беспокоили всего две вещи: совершенное ею преступление и ненависть пасынка.

Спустя полгода после смерти герцога Оскар заговорил о свадьбе.

— Когда срок твоего траура подойдет к концу, мы без отлагательств поженимся, — убежденно вещал он.

Несомненно, подобные разговоры он вел не только с Ингрид, поскольку придворные все чаще стали намекать вдовствующей герцогине о том, что надо бы ей выбрать себе нового супруга. Однажды она подслушала, как ее любовник, беседуя с каким-то франтом, уверял, что бабе одной никак не совладать с целым герцогством. Удивительно, но к его словам Ингрид осталась равнодушна. Напрямую себя на роль ее супруга Оскар в беседах с придворными не предлагал, но все и без того понимали, что шансы у молодого красивого начальника стражи весьма высоки. Вот только нравилось это далеко не всем.

Окружающие нашептывали, говорили кто полунамеками, а кто и прямо, что герцогиня должна выбрать кого-нибудь более достойного, знатного, богатого. Оскара придворные отчего-то недолюбливали. А ближе к окончанию траура в замок стали съезжаться молодые мужчины, каждому из коих было чем похвастаться. У них у всех появились срочные и неотложные дела, причем требовавшие непременно долгого пребывания в непосредственной близости от вдовы. Ингрид насквозь видела все их уловки, но молчала. А вот Оскар злился и срывал свою злость на любовнице.

— Ты хочешь избавиться от меня, да? — заявил он однажды вечером, перебрав с вином. — Планируешь выскочить за кого-нибудь из этих мальчишек, а меня оставить с носом? Так вот, любовь моя, ничего у тебя не выйдет. Только попробуй — и я тебя уничтожу, клянусь всеми богами. Ты связана со мной навсегда, вот так-то.

— Нет, вовсе нет, — пролепетала женщина, испуганная его неожиданной яростью.

Но оказалось, что Оскар был пьян гораздо сильнее, нежели ей казалось. Он отвесил герцогине тяжелую оплеуху, от которой она едва устояла на ногах.

— Запомни, дрянь, — прошипел он, — от меня зависит не только твое благополучие, но и сама твоя жизнь.

И он повалил Ингрид на постель, задирая ей юбки и грубым рывком раздвигая ноги. Несдержанность любовника и отсутствие ласки вовсе не помешали герцогине получить наслаждение, но в ту ночь она поняла, что надеяться ей не кого. Оскар тоже готов ее предать. А раз так, то полагаться она будет только на себя.

Удивительно, но, приняв это решение, Ингрид точно очнулась от долгого тяжелого сна. Она быстро осознала, что Оскар будет далеко не самым лучшим для нее супругом — и принялась тщательно изучать собравшихся в замке гостей. Она знала, кого именно ищет: молодого здорового мужчину, не слишком умного и властного, такого, что во всем бы прислушивался к ее словам. А еще желательно, чтобы избранник был не слишком знатен и богат — тогда ей уж точно обеспечена его вечная благодарность.

Разумеется, Оскара в свои планы герцогиня не посвящала. Тот все чаще отлучался из

замка, пытаясь разыскать жену и ребенка убитого мага.

— Нельзя оставлять мстителей за спиной, — растолковывал он. — Мало ли, на что этот ребенок будет способен, когда вырастет.

Ингрид вспоминала горящий ненавистью взгляд пасынка и соглашалась. Вот только напасть на след начальнику стражи так и не удалось. Несколько раз поступали добываемые окольными путями сведения о поселившейся где-то на окраине герцогства молодой вдове с младенцем, но после проверки выяснялось, что никакого отношения к Литору эти женщины иметь не могут. Достаточно было просто взглянуть на них: дородная скаредная купчиха, полуграмотная деревенская баба, переехавшая в город в поисках лучшей жизни, да богатая, но на редкость некрасивая особа из дворянского сословия. Ни одну из них Литор не выбрал бы на роль матери своего ребенка.

Вернувшись из очередной безрезультатной поездки донельзя уставшим, злым и раздраженным, Оскар некстати услышал свежие сплетни о герцогине и некоем виконте, которого вдова вроде бы приглядела на роль следующего супруга. Разъяренный мужчина отправился на поиски любовницы и обнаружил ее сидящей на парапете, ограждавшем плоскую крышу одной из башен.

— Развлекаешься, дрянь? — проревел он, хватая женщину за ворот плаща и силой поднимая с места.

После достопамятной сцены в герцогской опочивальне Оскар перестал скрывать свою склонность к жестокости. Ингрид подозревала, что он не бьет ее лишь из нежелания породить слухи. Зато оскорбления она теперь выслушивала частенько, а в постели ее бывлой возлюбленный тоже нередко бывал груб, оставляя синяки от укусов на нежной коже груди и ягодиц любовницы. Иной раз он даже сжимал ее шею, пока она не начинала хрипеть, усиливая таким образом свое наслаждение. И всякий раз после подобных выходов нежно целовал Ингрид и заверял в своей вечной любви. Она уже устала бояться очередной грубости, притерпелась и даже научилась получать некое извращенное удовольствие, но все чаще посещало ее нестерпимое желание прекратить их отношения.

Застигнутая врасплох, Ингрид лихорадочно пыталась сообразить, что она сделала не так на сей раз.

— Что-то случилось, милый? Ты расстроен?

Оскар схватил ее за плечи и сильно встряхнул. Ингрид попыталась покрепче прильнуть к нему, потереться всем телом в надежде, что любовник выплеснет злость, просто грубо взяв ее прямо на крыше, но на сей раз ее расчеты не оправдались.

Резкий рывок за волосы причинил столь сильную боль, что женщина не смогла удержаться от крика, а на ее глазах выступили слезы.

— Шашни за моей спиной крутить вздумала? Шлюха!

— Ну что ты, любовь моя? — залепетала испуганная Ингрид. — Я только тебя люблю, одного тебя.

— Любишь? — Оскар недобро прищурился и швырнул свою жертву на колени. — Доказывай!

Герцогиня покорно склонила голову и потянула вниз штаны своего любовника. Оскар удовлетворенно вздохнул — его возбуждала беспомощность и слабость Ингрид. Глотая слезы, женщина подняла взгляд и облизнула губы.

— Чего медлишь? — нетерпеливо рыкнул Оскар. — Приступай!

Он стоял так близко к краю, так соблазнительно близко, а парапет был невысок. И

Ингрид вложила в толчок все свои силы. Она еще успела заметить недоумение на лице своего мучителя, а потом он с животным воплем рухнул вниз.

Осторожно герцогиня приблизилась к краю и посмотрела во двор. С высоты переломанная фигурка казалась нелепой игрушкой, забытой на земле, вот только из-под этой игрушки быстро расплывалось алое пятно. Ни одного крика Ингрид не услышала — происшествие пока осталось незамеченным. Герцогиня злорадно улыбнулась и тенью поспешно спустилась в свои покои. А вечером ей сообщили о нелепой гибели начальника стражи. Мужчину нашли на заднем дворе с приспущенными штанами — должно быть, ему в голову отчего-то пришла дикая затея справить нужду прямо с крыши. Да вот только не повезло бедолаге — оступился.

— Ты плохо концентрируешься, дорогая, — прозвучал надо мной мягкий укоризненный голос Говарда. — Вот скажи, о чем ты сейчас думала?

О чем? Да обо всем понемногу: о тесте для пирогов, которое оставила подходить Дарка, о празднике, на который звали меня Рина и Лада, о сыне сапожника, Тиме, который вчера вечером, робея, сказал мне, что я очень красивая...

— О разном, — покраснев, повинилась я.

— Ну вот. А о чем должна была?

— О свечке.

— Правильно. Зажечь свечу просто, а вот сделать так, чтобы она горела всю ночь и ярко освещала огромный зал — нелегко. Собери все свои усилия, направь их на выполнение поставленной перед тобой задачи.

Говард объяснял спокойно, ничуть не сердясь на нерадивую ученицу. Подумать только, ведь в свое время я так боялась встречи с ним! Трясаясь в неудобном дилижансе, что вез меня из Заводня в Теннант, я только и делала, что ревела — так не хотелось мне расставаться с моей прежней жизнью. И как же оказалась права матушка Сузи, когда говорила, что большой город мне придется по душе! Я сама сейчас посмеивалась над своими страхами, над былой растерянностью и неловкостью. Заводень, когда-то показавшийся мне огромным, теперь вспоминался крохотным городком, а оставшаяся в прошлом Бухта-за-Скалами и вовсе не манила вернуться обратно. Сожалела я только о разлуке с Тиной и Деном, ну и о матушке Сузи, само собой. Но постепенно лица и голоса друзей стирались из памяти, и я уже не была уверена, что смогу достоверно вспомнить облик кого-либо из них. Да и надежда на встречу, пусть и не скорую, все еще оставалась. С матушкой — так уж точно.

Широкие улицы Теннанта за два года стали для меня почти родными — во всяком случае, в нашем квартале. Да, я уже называла дом Говарда своим и полагала это само собой разумеющимся. А ведь когда увидала его впервые, то всерьез боялась заблудиться в коридорах без провожатого. Теперь-то я с закрытыми глазами могла пройти из своей спальни в кабинет или спуститься в кухню. А как меня поразил кабинет! Великое множество книг в специально отведенных для них шкафах — да я раньше и шкафов-то не видела, жители Бухты-за-Скалами по старинке хранили вещи в сундуках. Я ходила по кабинету, как замороженная, рассматривая разноцветные — красные, коричневые, темно-синие, зеленые — корешки книг, диковинного вида лампу на столе из зеленого камня с прожилками, небольшую статуэтку, сработанную, как мне показалось, из чистого золота. И была поражена, когда Говард объявил, что я могу заходить в сию чудесную комнату в любой момент, как только того пожелаю.

Сам Говард тоже оказался человеком непростым. О своем прошлом он рассказывал неохотно, но я довольно быстро выяснила, что некогда он был магом, вот только выгорел в результате несчастья, когда в городе лютвала эпидемия. Маг стремился остановить заражения, обнося охранной чертой те дома, в которые еще не пришла беда, но превысил свои силы и навсегда лишился магии. Об этом мне таинственным шепотом поведала Дарка,



экономка и кухарка в одном лице. В подчинении у женщины находились горничная Нонна, молчаливая пожилая женщина, и садовник Пирс — тот, напротив, весьма любил поболтать, в основном на тему цветов да деревьев.

Обитатели дома приняли меня довольно любезно. Говард, настоявший, чтобы я называла его дядюшкой, объявил, что к нему приехала дальняя родственница. Учитывая, что он сам взялся обучать меня правильному использованию магической силы, в его словах никто не усомнился.

— Покажи руку, — попросил он меня в первый день моего пребывания в Теннанте, едва лишь прочитав письмо матушки Сузи.

Я сразу догадалась, что именно он хочет увидеть, и закатала рукав. Говард внимательно осмотрел отметину и даже зачем-то потрогал ее сухими прохладными пальцами.

— Вы можете определить по ней, кто мои родители? — с затаенной надеждой спросила я.

Но маг только покачал головой.

— Увы, дитя мое, кем бы ни был твой отец, я его не знал. Но магическую силу ты получила по отцовской линии. Сейчас объясню, почему я так думаю. Существуют, разумеется, и женщины-маги. Вот только за последние лет двести ни одна из них не поднялась выше лекарки. А судя по знаку на твоей руке, уровень наследственной силы в твоей семье велик. И у тебя есть все шансы стать богатой и знаменитой — если ты того захочешь. Одаренного мага кто угодно возьмет на службу.

Я вовсе не была еще уверена в том, какого именно будущего хочу для себя. И мы порешили, что я останусь жить в доме Говарда, буду помогать ему приводить в порядок его записи, а взамен он станет меня обучать. Вообще-то маг собирался помогать мне просто так, безо всякой ответной услуги с моей стороны, но тут уж я воспротивилась.

— Не могу быть нахлебницей, — упрямо повторяла я на все доводы Говарда. — Я работающая, многое умею, вот увидите! Стряпать могу, полы мыть, белье стирать... Да много чего!

— Ну ты ведь не пожелаешь отнять у Дарки и Нонны их работу, — с усмешкой возразил мне маг. — Хотя, раз ты уж так жаждешь оказаться полезной, но вполне можешь помочь мне с бумажной работой. Я решил наконец-то написать мемуары, а еще у меня накопилось заметок по применению магии на парочку книг. Вот и будет мне подспорье. Договорились?

Я радостно согласилась.

Работа наша занимала обыкновенно пару часов в день. Моя задача состояла в том, чтобы отыскивать среди множества бумаг необходимые на тот момент Говарду, а также сверять новые записи с ранее сделанными. Занятие оказалось весьма увлекательным, а еще в ходе него я неожиданно выяснила, что радушному хозяину уже без малого сотня лет. Выглядел же маг где-то на сорок пять — пятьдесят. Темные волосы его немного поредели, виски посеребрила седина, а лоб прорезала парочка морщин, но спина его неизменно оставалась прямой, движения легкими, а темные глаза — яркими и блестящими.

Мое изумление немало позабавило дядюшку.

— Лесса, даже деревенские знахарки зачастую выглядят моложе своих сверстниц. Неужели ты полагаешь, что кто-нибудь из магов откажется от возможности укрепить свое здоровье? Если бы мои силы все еще оставались при мне, то я и с тридцатилетними смог бы потягаться.

Здорово-то как! Неужели и я так смогу? Несомненно, мне хотелось бы стать краше,

нежели я была. В мечтаниях я уже представляла себя обладательницей пышной груди, осиной талии и крутых бедер — как незабвенная Тина, только еще прекраснее. И мнилось мне, что вот иду я по Теннанту, а все встреченные мною парни так и сворачивают шеи на мою неземную красоту. Но Говарду об этих фантазиях не рассказала, постыдилась. Да и не дошли мы за два года занятий до того, как можно изменить свою внешность. Сначала и вовсе занимались всякой ерундой, не стоящей, по моему тогдашнему мнению, внимания.

К примеру, дядюшка усаживал меня на стул — должна признать, довольно удобный — и велел сидеть по часу, стараясь ни о чем не думать. Я пыталась, да вот только ничего у меня не выходило. Мысли в голову лезли всякие, зачастую и вовсе глупые, спустя время стул уже переставал казаться удобным, держать спину прямо я забывала, скрючивалась и тут же получала нагоняй. Нет, Говард не ругал меня, скорее, ласково журил, но мне было так обидно его разочаровывать.

— Не унывай, Лесса, — одобрял он меня. — У тебя все обязательно получится. А умение отогнать от себя все лишние мысли — базовый навык любого мага.

Про базовые навыки он тоже мне все растолковал. Оказывается, просто иметь силу было мало, надо было еще уметь ее применять. Для того и требовалось обучиться для начала расслабиться, очистить свое сознание, а после уже полностью сконцентрироваться на решении задачи.

Помню свою радость, когда мне наконец-то удалось справиться с первым заданием — зажечь тоненькую восковую свечу. Затем я научилась перемещать предметы, сначала небольшие и на короткое расстояние, но с каждым разом вещи становились все тяжелее, а расстояние все длиннее. Над тем, чтобы поднять в воздух небольшой камень, я трудилась больше месяца, а вот точно в цель им и до сих пор попадала два раза из трех. Но определенные успехи я делала, и Говард не скупился на похвалу.

— Твоя сила еще неустойчива, Лесса, — пояснял он мне. — Лишь к восемнадцати годам она стабилизуется. Но ты заметила, что теперь ощущаешь слабость все реже?

И это действительно было так. Я уже могла взглядом зажечь дрова в камине и почувствовать в результате лишь легкое головокружение, а вовсе не упасть без сознания, как это бывало ранее. Задания, даваемые мне дядюшкой, все усложнялись, но я не роптала — мне действительно нравилось ощущать себя магом, способным на непосильные обычным людям деяния.

Но не следует думать, будто я занималась только бумажной работой и учебой. Нет, развлечений в Теннанте тоже хватало. Первое время я опасалась выходить на улицу, а затем Дарка позвала меня с собой на рынок — помочь донести корзины с покупками. В тот же день я догадалась, что женщина просто придумала предлог, дабы выманить меня из дома — корзины-то все равно несли носильщики, каждому из которых экономка вручила по медяку. Но когда Дарка попросила о помощи, я, разумеется, никак не смогла ей отказать и, надев новое платье и туфли, робея, вышла на улицу.

Экономка шла по городу неспешно, степенно, указывая мне на местные достопримечательности.

— Кондитерская, — пояснила она, когда мы проходили мимо лавки с огромными стеклами. — Там сладости продают. Хочешь зайдём, перекусим, выпьем по чашке шоколада или кофе?

Я понятия не имела о том, что представляет из себя неведомый шоколад, зато мерзкий горький вкус кофе припомнился мне весьма отчетливо, и я в испуге замотала головой.

— Ладно, в следующий раз, — усмехнулась Дарка, превратно истолковав причину моего отказа.

Тут дверь кондитерской распахнулась, выпуская стайку нарядно одетых девушек примерно моего возраста, и на меня потянуло столь манящими запахами, что я решила — ну и морской дьявол с ним, с этим кофе, в следующий раз — когда-то только он случится? — обязательно зайдем. Должна же я узнать, что именно так заманчиво и сладко пахнет.

А вот перед фонтаном я сама застыла в удивлении. Отмерев, обошла его несколько раз, протянула руку, подставляя ладонь под водяные брызги. Экономка наблюдала за мной с понимающей улыбкой.

На рынке же я и вовсе растерялась. Поразившее меня когда-то торжище в Заводне показалось мне теперь совсем крохотным. По огромной площади, заставленной лотками и палатками, текла людская толпа. Казалось, говорили все разом: шутили, спорили, перекрикивались, и над рынком стоял многоголосый гул. Дарке пришлось взять меня за руку, не то я вполне могла бы потеряться.

— Пойдем вначале специй прикупим, — заявила экономка. — Они весу почти не имеют, руки не надорвут с собой тягать.

Я покорно пошла за ней в сторону рядов, от которых ветерок доносил одуряюще пряные запахи. На самих же рядах мне с непривычки едва не сделалось дурно. И то сказать, я раньше даже не подозревала, что специй может быть такое множество — в Бухте-за-Скалами использовали пряные травы и привозимый с ярмарки в Заводне душистый перец, но здесь на медных тарелках горками лежали вовсе неизвестные мне приправы самых разных цветов: желтые, зеленоватые, охряные, солнечно-оранжевые, огненно-красные. Висели связки неведомых мне сушеных не то плодов, не то овощей, а в небольших кувшинчиках продавались уже готовые смеси и настойки. Цены меня тоже поразили. Одной приправы на медяк давали изрядное количество, а за щепотку другой просили целую серебряную монету. Я с восхищением следила, как ловко торгуется Дарка, и думала, что сама так в жизни не осмелюсь.

После специй мы отправились покупать зелень, затем — молоко и сыр. Корзины все тяжелели, и вскоре Дарка подозвала первого носильщика, вручила ему медяк и поручила отнести наши покупки в дом Говарда. На мой вопрос, не боится ли она обмана, женщина усмехнулась и указала на жестяную бляху с выгравированным номером, что украшала грудь носильщика.

— Они все в нашей мэрии зарегистрированы, — с видимым удовольствием выговорила экономка мудреное слова. — За каждым номер закреплен, и каждому знак пожалован. Так что воровства со стороны носильщиков горожане не опасаются. Так еще при старом герцоге заведено было.

На последних словах женщина, несмотря на царивший вокруг гомон, понизила голос так, что я ее едва расслышала.

В Теннанте, как и на севере Бранвии, хватало недовольных герцогом Роландом. Здесь тоже люд надеялся на юного Ланса и с нетерпением ожидал, когда тому исполнится двадцать три года. Именно по достижению этого возраста бранвийские мужчины считались совершеннолетними и могли вступать в права наследования. Правда, Ланса продолжала снедать неведомая болезнь, и шансов на то, что он сместит отчима, было мало, но среди народа упорно ходили слухи, что не так уж и болен наследник Бранвийского и что он обязательно заявит о своих притязаниях на герцогский престол. Гвардейцы Роланда столь же

упорно пытались пресечь эти слухи, да вот только безрезультатно. Но Дарка была права — осторожность следовало соблюдать.

Утомленные походом по рынку, мы присели на лавочку у фонтана отдохнуть. Вот тогда-то я и познакомилась с Риной. Невысокая пухленькая девушка подошла поздороваться с экономкой. Дарка представила мне ее как свою дальнюю родственницу. Рина была на год старше меня и отличалась любопытством и разговорчивостью.

— А ты родственница мага, да? Тетушка мне рассказывала о твоём приезде.

Я настороженно кивнула, не представляя, что именно Дарка могла разболтать родне. Впрочем, довольно скоро выяснилось, что ничего сверх дозволенного женщина не рассказала. Лишь то, что к Говарду приехала с северной окраины герцогства его внучатая троюродная племянница, которая теперь будет жить с дядюшкой. Ни о моем даре, ни о том, что маг взялся обучать меня, экономка не упомянула.

— А это правда, что ты у моря жила? — с неподдельным интересом спросила Рина.

— Правда.

— Вот ведь повезло, — протянула новая знакомая немного завистливо. — Купаться можно было круглый год.

— Да ты что? — от изумления я даже растеряла всю свою робость. — Кто же в море купается, кроме мальчишек — но тем все нипочем. Холодно ведь, да и о камни пораниться можно.

— Да? — изумилась Рина. — А Ладкину сестру муж возил на море в медовый месяц так она говорила, что там песок и вода теплая. И окунаться можно, в специальных костюмах. Там отдельно огорожены места для женщин и для мужчин, чтобы, значит, случаем никто ничего срамного не заметил. Врала, получается?

Немного поспорив и не без помощи мудрой Дарки мы выяснили, что моря севера и юга весьма между собой различаются.

— А ты приходи завтра в кондитерскую, — предложила мне Рина на прощание. — Пирожных поедим, я тебя с Ладой познакомлю. Она хорошая, тебе понравится.

Я растерянно посмотрела на экономку, не уверенная, что мне дозволено выходить из дому одной и посещать кондитерскую с девушками.

— Заблудиться боишься? — неверно истолковала мой взгляд новая знакомая. — Так мы за тобой зайти можем.

— Если дядюшка позволит, — пробормотала я.

— Да с чего бы ему запрещать? — неподдельно удивилась Рина. — Я ж не дурное чего предлагаю. Ну, до завтра!

Говард отнесся к идее посещения кондитерской в компании девушек с одобрением и даже дал мне несколько монет, попросив прихватить пирожных и ему. На следующий день Рина действительно заявила за мной, прихватив с собой подругу. Вместе они смотрелись забавно: невысокая полноватая темноволосая болтушка Рина и Лада, застенчивая хрупкая блондинка. Поначалу я немного дичилась и смущалась, но вскоре уже сидела с новыми знакомыми за столиком, уплетая вкуснейшие пирожные со взбитыми сливками и запивая их одуряюще пахнущим горячим шоколадом, беззаботно болтала и смеялась. К концу дня нам уже казалось, будто мы знакомы всю жизнь.

Так я обзавелась новыми приятельницами.

На главной площади Теннанта были сложены вязанки хвороста — вечером здесь зажгут огромный костер и устроят танцы и прочие развлечения. Пока же было светло и мы

прогуливались вокруг каруселей, на которых кружила смеющаяся детвора. В этом году нам впервые разрешили, как взрослым, праздновать до рассвета.

Говард был краток и посоветовал просто сохранять ясность рассудка и трезвую голову, зато Дарка разразилась целым потоком наставлений. Досталось не только мне, но и Рине с Ладой. Когда мы наконец-то вырвались от экономки, то дружно облегченно выдохнули.

— Тим сказал, что к вечеру тоже подойдет, — хитро прищурившись, сообщила мне Рина. — По-моему, ты ему нравишься.

Смутившись, я отвернулась и, чтобы не отвечать, купила у уличной торговки золотистые леденцы в форме звездочек. Один тут же сунула себе в рот, а еще два отдала подругам, но от Риной так просто было не отделаться.

— А он тебе как? — упрямо допытывалась она, не спеша приступать к своему лакомству.

Я помотала головой, не зная, что ответить. То, что сын сапожника увлечен мною, я поняла уже давно. Тим дарил мне маленькие подарки: то сдобную булочку, то ленту, то букетик фиалок. Поначалу я не хотела брать подношения, но он всякий раз так искренне расстраивался, так заверял, что это всего лишь знаки дружеской симпатии, что я сдалась. Мысль о том, что однажды он может признаться мне в любви, одновременно завораживала и ужасала меня. Мне льстила влюбленность юноши, но определиться со своим к нему отношением я пока еще не была готова.

— Отстань от нее, Рина, — осадила подругу Лада. — Ой, смотрите, шатер гадалки. Заглянем?

Мы с Риной неуверенно переглянулись. Узнать свое будущее ужасно хотелось, но нас останавливал какой-то необъяснимый страх.

— Не знаю, — робко пробормотала я, — боязно как-то.

Лада дернула меня за рукав.

— Да ну что ты, в самом деле! И ничего здесь страшного нет. Моя сестра в свое время ходила, так ей жениха богатого нагадали. И все-все сбылось!

Перед шатром из темной ткани, расписанной золотыми звездами и серебряными полумесяцами, стояла небольшая очередь из нервно хихикающих девушек и парочки печальных женщин постарше. Внутри запускали по одной. Выходили посетительницы с загадочными лицами, сияющими глазами и странными полуулыбками.

— Шарлатанка небось, — шепнула я Рине. — Видишь, какие все довольные? Значит, хорошую долю сулит.

— Посмотрим, — в голосе подруги уже не было страха — мошенников она не боялась. — Если не скажет ничего жуткого, то я буду довольна. Неохота, знаешь ли, услышать об ожидающих тебя несчастьях.

Лада, услышавшая наш разговор, опять затянула о своей сестре да о том, как той удачно в свое время нагадали мужа, но тут как раз подошла наша очередь, и мы втокнули ее в шатер. Вскоре она появилась, с той же мечтательной улыбкой, что и прочие. Рина скользнула за полог, а я пристала с расспросами.

— Ну, что сказала?

Подруга покачала головой.

— Нельзя говорить — не сбудется.

— А твоя сестра...

— А она только после свадьбы нам и рассказала.

Я рассудила, что раз Лада боится, что предсказанное не исполнится, то она тоже услышала что-то хорошее.

Наконец из шатра выглянула Рина и поманила меня.

— Ступай!

Чувствуя себя глупее некуда, я проскользнула внутрь. Там было темно, и я, вошедшая с залитой солнцем площади, поначалу зажмурилась. А открыв глаза, принялась осматриваться.

Освещен шатер был одной-единственной горящей на низеньком круглом столике свечой. Рядом с ней стояло зеркало и миска, наполненная сухими розовыми лепестками. К аромату увядших роз примешивался еще какой-то незнакомый мне горьковатый запах, от которого закружилась голова.

— Подойди поближе, — велела мне закутанная в черное покрывало женщина. — Присядь и дай мне руку.

Я повиновалась, осторожно опустившись на тряпичный коврик — стульев, равно как и лавок, в шатре предусмотрено не было, приходилось сидеть прямо на полу.

— Руку, — отрывисто приказала мне гадалка, протянув ладонь.

Я, пользуясь тем, что сидели мы разделенные только крохотным столом, подняла на нее взгляд в надежде рассмотреть получше. Оказалось, что покрывало скрывало не только волосы женщины, но и ее лицо. Мне были видны только ее глаза — большие, карие, слегка навывкате. Возраст гадалки определить было трудно — явно не юная девушка, но и не старуха, морщин при неверном освещении не заметно. Покорно вложив руку в ладонь гадалки, я принялась ждать продолжения.

Женщина закрыла глаза и замерла ненадолго. Мне стало не по себе. Как-то не верилось, что сейчас я услышу предсказание счастливого замужества и безмятежной жизни в окружении пяти ребятишек. И плохие предчувствия, само собой, не замедлили сбыться. Когда гадалка наконец распахнула глаза, они показались мне черными и бездонными, абсолютно лишенными радужки и безумными.

Ногти ее, по счастью коротко подстриженные, больно впились мне в ладонь. А когда она заговорила, то голос ее звучал хрипло и протяжно.

— Ты живешь не своей жизнью, девочка. Ты утратила многое, очень многое, но можешь обрести больше, чем потеряла.

На мгновение гадалка замолчала. Я не могла отвести взгляда от ее безумных глаз, меня то и дело пробирала дрожь. Было уже не просто страшно — жутко, но сил, чтобы подняться, вырвать у предсказательницы свою руку и бежать из шатра со всех ног, о чем настойчиво вопил мой разум, мне не хватало.

— Дитя знаменитого отца, павшего жертвой предательства, тебе предоставится возможность отомстить. Но только зайдя далеко по дороге мести, ты рискуешь потерять свое счастье.

После этих слов никакие силы уже не смогли бы сдвинуть меня с места. Я жадно прислушивалась к словам гадалки. Неужели она скажет еще что-нибудь о моем отце?

— И в самую темную ночь ярко вспыхнет свет и озарит все вокруг, и не спрятать от него ни прегрешения, ни грязные помыслы. Но помни: слишком яркий свет тоже слепит глаза. Не дай себя обмануть, девочка.

Я напряженно ожидала следующих слов гадалки, но она внезапно моргнула, отпустила мою руку и спросила нормальным голосом:

— Рассказать тебе о судьбе, что тебя ждет?

Глаза ее вновь стали нормальными, разве что с чуть расширившимися зрачками. Я криво усмехнулась и положила на столик монету.

— Не стоит. Мне вполне хватило услышанного.

И быстро покинула шатер, оставив предсказательницу в недоумении.

Мне повезло, что ни Рина, ни Лада, занятые собственными мыслями, не обратили внимание на выражение моего лица — сомневаюсь, что на нем тоже блуждала рассеянная полуулыбка, как у прочих выходявших из шатра гадалки девушек.

Платок на лбу намок от пота, руки и ноги противно мелко подрагивали. Ашша смотрела на все еще колыхавшийся полог, позабыв даже — неслыханное дело! — прибрать со стола монету и спрятать ее к прочим заработанным. Девчонка сказала, что уже услышала все, что ей нужно — как такое возможно? Ашша ведь ничего не успела ей сказать.

Разве что в ней проснулся дар далеких предков, тех, что жили при храмах и предсказывали будущее. Но это невозможно, немислимо! Вот уже без малого тридцать лет скитается она по городам и весям, дуря наивных глупышек. О, Ашша прекрасно знала, что именно они желали услышать! Все, как одна, мечтали о муже — молодом, богатом, красивом. И гадалка охотно пророчила им женихов, счастливую семейную жизнь и здоровых деток. Ремесло было не слишком прибыльным, самой Ашше после того, как она раздавала в жадные лапы требуемую мзду, оставалось не так уж и много, но на жизнь хватало. Да и заниматься гаданием можно до глубокой старости, старухам даже охотнее верят. Вот где те ее подружки, что зарабатывали себе на хлеб пением и плясками, а то не гнушались и пойти с прилично выглядевшим мужчиной за деньги? А демон пустыни их знает, куда они подевались, утратив юную свежесть. А как посмеивались над Ашшей, похвалялись своими заработками. И что? Кто прав-то оказался?

Нестерпимо клонило в сон. Не иначе, последняя девчонка оказалась ведьмой, из тех, кто силы у людей пьет — иного объяснения случившемуся у гадалки не было. Сегодня ведь день прошел, как обычно — молоденькие дурочки, млевшие от обещаний скорой встречи с суженным, да несколько теток с жалобами на гулящих мужей. Извести разлучниц Ашша не бралась — мало того, что не по силам, так еще и, донеси кто, высекут плетью и отправят на рудники, как душегубку. Зато она обещала несчастным бабам, что мужья непременно к ним вернуться. И все было в порядке, пока не появилась эта девчонка с глазами странного, почти желтого цвета...

Опять колыхнулся полог. Ашша привычно уже хотела подозвать поближе очередную глупышку, но поперхнулась словами. В шатер вошел мужчина — высокий, широкоплечий, закутанный в плащ с низко надвинутым капюшоном.

Сердце заныло, предупреждая об опасности. Пусть Ашша и была никчемной предсказательницей, но неприятности она чуяла — будь здоров, иначе с ее-то кочевой жизнью нельзя. Вошедшему лучше было не прекословить, какое бы дело к гадалке у него ни было.

Мужчина не стал присаживаться на пол у столика, а остался стоять, нависая над Ашшей. Ее пробрала дрожь, на сей куда более ощутимая, нежели после ухода девчонки.

— Из твоего шатра только что вышла девушка, — тихо произнес мужчина. — Невысокая стройная блондинка в зеленом платье. Что ты ей сказала?

— Да то же, что и прочим: жениха посулила, — пролепетала Ашша, изо всех сил стараясь казаться спокойной.

— Не лги мне!

— Я... я не знаю, — выдавила из себя гадалка. — Взяла ее за руку, а она заявила, что уже услышала все, что нужно, бросила деньги и убежала.

И Ашша покосилась на все еще лежащую на столике монету. Незнакомец, впрочем, медяку внимания не уделил.



— А что она хотела узнать?

— Да не знаю я, — сказала женщина, чуть не плача. — Я ее сегодня впервые увидела.

Говорю же, взяла за руку, хотела рассказать про суженного, а эта безумная вырвалась и деру.

Ашше уже самой казалось, что именно так все и произошло.

— Ты ничего не скрываешь? Она сказала именно эти слова?

— Ничего, сударь, клянусь дождем благодатным, ничего. Вот так все и было. Сами посудите, к чему бы мне врать?

— Врать точно не в твоих интересах. Надеюсь только, что ты сама это осознаешь.

И незнакомец, небрежно бросив на стол золотую монету, развернулся и вышел из шатра. Дрожащими руками Ашша схватила неожиданное богатство. А затем, разогнав небольшую очередь жаждущих услышать предсказание девушек, торопливо направилась в кабак. После случившегося ей просто необходимо было поправить здоровье чем-нибудь покрепче привычного ягодного вина.

Непонятные слова гадалки недолго бередили мое воображение. Покрутив их так и эдак, я сочла предсказание бессмыслицей. В шатре было довольно душно, спертый воздух наполняли густые ароматы, а сама предсказательница была с головы до пят замотана в покрывала — неудивительно, что ей стало дурно и пригрезилось невесть что. Если рассудить здраво, то я получила развлечение даже получше, нежели услышавшие о женихах подруги.

На город мягко опускались сумерки. Зажигались огни в фонарях, закрывались лавки. Вот-вот на площади должен был вспыхнуть огромный костер и начаться представление. Уличные торговцы еще сильнее оживились. Они сновали среди толпы, предлагая сладкую воду, пирожки с разнообразными начинками, леденцы и настоящую на меду брагу.

— Давно хотела попробовать, — азартно блестя глазами, заявила Рина.

— Может, не стоит? — всполошилась Лада. — Если дома узнают, нам влетит так, что на всю жизнь запомним.

— Да как узнают-то? — уговаривала подругу бесшабашная Рина. — Все уже спать будут, когда мы вернемся. Нас же до утра отпустили. Да и развеется хмель к рассвету, так что ежели кто из твоих и проснется, ничего не унюхает. Ты как, Лесса? С нами?

Немного посомневавшись, я кивнула — очень уж хотелось почувствовать себя совсем взрослой. Худощавый паренек посмотрел на нас с сомнением, но монетки взял и налил в три кружки пенящегося напитка.

— Доверху лей, — подражая кому-то из старших, строго указала Рина.

Мы с опаской взяли кружки и отхлебнули. Вкус был странным, сладковатым, но в то же время горьким. Хотя и не противным. Выпив, мы вернули кружки парнишке и продолжили свой путь, желая устроиться поближе к центру.

— Вот вы где! — донесся до нас радостный возглас.

Наперерез нам спешили Тим, Карт и Майло — наши приятели. Карт и Майло были близнецами, разнившимся между собой одной небольшой деталью — родинкой у уха, которая отличала Карта. Если же не обращать на нее внимания, то братьев вполне можно было перепутать.

— Давно гуляете? — спросил Тим, радостно просяив улыбкой.

— Давненько, — ответила Рина. — А вы?

— Меня отец вот только отпустил, да и эти два остолопа, — парень кивнул на друзей, — освободились недавно. Ну что, подойдем поближе?

Он взял меня за руку и уверенно повел к огороженной переносными столбиками с натянутыми между ними лентами площадке в центре. Люди уже стояли там плотной стеной, но Тим умудрился протиснуться — и протащить меня — в первый ряд. Начиналось представление. Затянутые в облегающие темные одежды молодые мужчины перебрасывали друг другу горящие факелы, огненными всполохами рассекавшие темноту. Иной раз казалось, что бросок был слишком силен и факел вот-вот улетит за ограждение — и толпа ахала, подавалась назад, вздыхала — и разражалась аплодисментами, когда огненная угроза перехватывалась ловкой рукой. Длилось сие действие недолго и завершилось тем, что все факелы одновременно полетели в моментально вспыхнувший костер, давая сигнал для начала веселья. На площадку выскочили молоденькие девушки в откровенных нарядах и, отбивая такт бубнами, завертели в зажигательном танце. Тим, все еще не выпускавший

моей руки, притянул меня ближе к себе. Я поймала себя на странной мысли, что меня волнует его близость. Удивительно, но никогда раньше я не испытывала желания прильнуть к нему, а теперь вдруг захотелось ощутить его объятия. Словно почувствовав мое состояние, Тим положил руку мне на талию и слегка склонился надо мной. Меня бросило в жар и я смущенно отвела взгляд в сторону.

— Ты пила, Лесса? — неожиданно спросил он.

— Кружку браги, — смущенно призналась я. — А что, слышно?

На мой вопрос он не ответил, зато предложил:

— Хочешь выпить еще?

— Нет, наверное, — засомневалась я.

— А давай одну кружку на двоих?

Я поискала глазами подруг, но не смогла обнаружить их в толпе. Распивая брагу втроем, мы словно совершали некое запретное действие, приобщаясь к миру взрослых. Но у меня вовсе не было уверенности, что я желаю продолжить в компании Тима.

Он уловил мои колебания.

— Ладно, не сейчас. После того, как потанцуем, хорошо?

Настроение было отвратительным и угрожало к рассвету испортиться еще сильнее. Эрвин костерил себя на все лады за то, что поддался на уговоры отца и приехал в Теннант. Не успел он переступить порог семейного особняка, как тут же пожалел об этом — похоже, почтеннейший родитель всерьез озаботился проблемой продолжения рода. Сия многотрудная задача немало осложнялась тем, что непутевый сын, унаследовав от деда по материнской линии титул и земли, вот уже три года как покинул отчий кров и появлялся перед суровые отцовские очи лишь изредка. А уж о том, чтобы заставить его жениться под угрозой лишения наследства, можно было даже не заикаться — окромя смеха, иной реакции сия угроза у Эрвина не вызвала бы.

Пришлось действовать хитростью. И вот теперь неблагоразумный отпрыск графа Вария таки угодил в ловушку — не мог же он, едва приехав, оказать родителям неуважение скорым отъездом. А уж то, что бедолаге приходилось ежедневно общаться с тремя абсолютно случайно гостившими в особняке дочерьми отцовских друзей — это, право слово, такие мелочи.

От похода на площадь Эрвину отбиться не удалось. К счастью, у одной из дев к вечеру заболела голова, но и двух оставшихся было более чем достаточно, чтобы вызвать головную боль уже у самого молодого человека. Между нехитрыми развлечениями девицы стрекотали так, что терпение Эрвина то и дело оказывалось в опасной близости к тому, чтобы лопнуть. Поначалу он купил им сладких пирогов, в надежде занять болтушкам рты. Девушки немного покривились — есть прямо на улице, словно простолюдинки, фи! — но угощение все же сжевали, увы, довольно быстро.

Навязанных спутниц звали Люсинда и Белинда, но обозленный донельзя Эрвин обозвал их про себя Змея и Патока. Змея-Люсинда имела вечно недовольный вид, ставила себя много выше прочих и даже разговаривала, немного пришепетывая. Патока-Белинда, напротив, казалась графу приторной липко-сладкой особой. Любительница уменьшительно-ласкательных словечек, она картинно восхищалась любой мелочью, связанной с Эрвином. Не далее, как за завтраком, она похвалила его изысканный вкус при выборе омлета — при этом воспоминании Эрвина передернуло — а теперь рассыпалась в благодарностях графу за то, что подхватил ее под локоть и не дал свалиться под ноги толпе, когда Белинда неловко отпрянула от летящего в их сторону факела.

Эрвин мрачно следил за представлением, отчаянно завидуя Лансу. Тот остался в поместье, отговорившись какими-то книжными исследованиями. Хотя, быть может, оно и к лучшему. Разумеется, Эрвин не собирался представлять своего друга претенденткам на должность графини его настоящим именем, но все же в их случае осторожность не может быть излишней. Но невозможность отдохнуть в компании родственника злила изрядно. На мгновение Эрвин представил себе, какое веселье ожидало бы его, посети он празднование с Лансом, а не со Змеей и Патокой — и не удержался, скрипнул зубами. Отвлекаясь от болтовни Белинды, он обвел взглядом толпу — и задержался на невысокой стройной блондинке в зеленом платье.

Отблески огня на мгновение ярко осветили лицо незнакомки, делая его волшебноприятным. Отчего-то Эрвину показалось на миг, что девушка эта — особенная, и он отчаянно захотел оказаться на месте ее спутника, что стоял к ней близко-близко, почти

прижимаясь всем телом, и сжимал ее ладонь. Но в следующее мгновение граф и сам посмеялся над нелепостью своего желания.

— Фу! Какие вульгарные девицы, — прошипела Люсинда, жадно разглядывая наряды девушек-танцовщиц. — Надеюсь, в этом году нам покажут хоть что-нибудь достойное не просто полупьяной толпы, но и людей благородных.

Эрвин поморщился. Вопрос о том, зачем же Змея отправилась смотреть зрелища, предназначенные для вульгарных простолюдинов, вертелся на языке, но граф не позволил себе столь хамский выпад. Недалекая девица не стоила скандала с отцом, который непременно воспоследовал бы за этой ребяческой выходкой. Мысль о том, что необходимо будет еще десять дней общаться с Люсиндой и Белиндой, а также их столь кстати заболевшей подругой, была подобна зубной боли. Необходимо было срочно придумать себе какой-нибудь благовидный предлог, дабы отлучиться из дома хотя бы ненадолго.

Внезапно в голову Эрвину пришла затея, замечательная в своей простоте. Он припомнил давно утратившего силу и отошедшего от дел Теннантского мага Говарда. Конечно же, магии он лишился, но знания и разум остались при нем, ведь так? Значит, можно попробовать привлечь его на свою сторону — авось и будет хоть чем-нибудь полезен. Заодно и повод покидать отчий кров появится.

Идея так понравилась графу, что он даже улыбнулся. И, разумеется, Патока тут же решила, что его улыбка адресована именно ей.

— Ах, Эрвин, вам тоже нравится представление? — проворковала она. — Я нахожу его весьма достойным, да-да, без сомнения. Милейшей Люсинде не нравятся чудненькие платица на девушках, не так ли? Но, надо признать, танцы весьма эффектны, весьма. Ну и пусть девочки немножко вульгарны, они ведь не виноваты, что не обладают ни достойным происхождением, ни приличными манерами. Нам-то ведь это не мешает наслаждаться их танцами.

Эрвин все так же скользил рассеянным взглядом по толпе, машинально кивая в ответ на лепет Белинды. Опять он выхватил блондинку в зеленом — на сей раз ее парень уже откровенно обнимал ее и что-то нашептывал девушке на ухо. Зрелище отчего-то показалось Эрвину неприятным, и он отвернулся.

А когда празднество закончилось, и Эрвин со спутницами возвращались в предрассветных сумерках в особняк, он увидел светловолосую незнакомку в третий раз. Свернув в безлюдный переулок, он даже замедлил шаг, заметив целующуюся парочку. Девушку он узнал сразу и попытался пройти мимо как можно тише, что увлеченные друг другом молодые люди не заметили его. Но все испортила повисшая на его руке Змея-Люсинда. Поравнявшись с парочкой, она резко остановилась и громко прошипела:

— У этих простолюдинов нет самых элементарных представлений о приличиях! Какой стыд! Так вести себя прилюдно!

Парень и девушка отпрянули друг от друга. Наконец-то Эрвин смог как следует рассмотреть ее лицо. Нет, незнакомка точно не относилась к простым горожанкам — в этом граф Солейский мог бы поклясться. Очень светлая кожа, темные брови и ресницы, глаза необычного почти желтого цвета, высокие скулы, припухшие от поцелуев губы — она опять показалась Эрвину необычайно притягательной, и он с трудом подавил в себе яростно вспыхнувшее желание пересчитать кулаком зубы ее спутнику. Вот тот, похоже, был парнем из рабочего предместья, хотя и весьма привлекательным. Каштановые волосы растрепались, а зеленые глаза горели злобой. Он сжимал и разжимал кулаки, не решаясь сказать ответную

гадость особе женского пола. Вот если бы оскорбительную фразу произнес Эрвин — не было сомнений, мальчишка бросился бы на обидчика. А так он просто стоял, закусив губу, и сверлил Люсинду взглядом.

— Я приношу извинения за слова своей спутницы, — ледяным голосом отчеканил Эрвин. — Очевидно, хмель и праздничная атмосфера ударили ей в голову. Она не понимает, что говорит. Простите.

И, крепко ухватив возмущенно пискнувшую Люсинду за локоть, потащил ее за собой по переулку, подальше от юных влюбленных.

Мне было стыдно, нестерпимо стыдно. Тим поглаживал меня по плечу и бормотал слова утешения и ругательства в адрес сказавшей столь мерзкие слова девицы, но я никак не могла успокоиться. Тим не мог понять одного: мне не было никакого дела до случайных прохожих, которых я никогда в жизни и не встречу-то больше. Нет, я расстроилась потому, что незнакомая грубиянка оказалась права: я вела себя так, словно растеряла все свое воспитание и скромность. словно падшая девица, а то и похуже. Причем я даже не могла понять, как так получилось.

Когда начались танцы, Тим уговорил-таки меня на еще одну кружку браги. Потом мы долго плясали, пока, разгоряченные танцами, не упали обессиленно на чудом остававшуюся незанятой скамейку. Тим держал меня за руку и все говорил о том, какая я красивая, какая замечательная, непохожая на других девушек, а я и млела, развесив уши. Приятели наши потерялись где-то в толпе, и мы отправились домой, не став их разыскивать. А когда свернули в пустой переулок, Тим неожиданно остановился, обнял меня за талию, притянул к себе и поцеловал. Меня бросило в жар. Его губы прикоснулись к моим сначала неуверенно, а потом внезапно стали настойчивыми. И мне это нравилось. Нравилось его жаркие поцелуи, его немного неуклюжие объятия. Я сама не осознала, как обвила руками его шею. И тут вмешались эти прохожие.

Под презрительным и насмешливым взглядом незнакомой девицы я вспыхнула. Хорошо еще, что ее спутник тут же извинился и утащил ее прочь, потому что я ощущала, как мною овладевает знакомое оцепенение. Не хватало только причинить зло невинным людям только за то, что они стали свидетелями моего недопустимого поведения!

Тим, ничего не подозревавший о моих магических способностях, продолжал тихо бубнить:

— Да ладно, Лесса, все в порядке. Успокойся.

— Да-да, все хорошо, — отозвалась я, больше всего на свете желавшая, чтобы он от меня отвязался. — А теперь пойдем. Я устала и хочу домой.

Если Тим и был разочарован, то виду он не подал. По дороге он сделал было попытку договориться о свидании, но я сослалась на занятость, пообещав заглянуть к нему, когда расправлюсь с делами — как-нибудь на следующей неделе.

— И что, вот так и поцеловались? — переспросила Рина, помешивая ложечкой горячий шоколад.

— Тише ты, — шикнула на нее я. — Весь Теннант поставит в известность желаешь?

Время уже перевалило за полдень. Мы, все утро отсыпавшиеся, сидели в кондитерской, поглощали пирожные, запивали их шоколадом и болтали. Рине удалось вытянуть из меня все подробности вчерашнего происшествия. Впрочем, ее я как раз и не смущалась — в поцелуях Рина разбилась куда как лучше, нежели мы с Ладой вместе взятые. Мы даже тайком завидовали смелости подруги, когда она в красках расписывала нам умение очередного кавалера. Вот и сегодняшняя беседа началась с того, что Рина поведала нам о том, что Майло пригласил ее на свидание, а уже потом плавно перешла к нам с Тимом. Лада спрашивала мало, больше застенчиво ойкала и прикладывала ладони к краснеющим щекам.

— Да ну, никто нас не слушает, — Рина махнула ложечкой. — Ты лучше скажи: с

языком целовались или без?

Вопрос поставил меня в тупик.

— А как это — с языком?

— Понятно все с вами, — снисходительно заявила подруга. — Значит, так, слушайте, пока я добрая, и запоминайте.

И мы с Ладой, попеременно краснея и бледнея, выслушали увлекательнейшую лекцию по поцелуям. К концу ее я даже задумалась о том, что сделала бы, осмелюсь Тим на нечто подобное? Вряд ли мне бы понравилось такое.

— Фу! — выразила наше общее отношение Лада.

— Ничего и не «фу»! — обиделась Рина. — Маленькие вы еще, вот ничего и не понимаете.

И посмотрела на нас с превосходством. Старше она была всего-то на несколько месяцев, но чувствовала себя гораздо более опытной. А я сильно сомневалась, что мне такое вообще когда-нибудь сможет понравиться.

Я все еще вспоминала рассказ Риной, когда подошла к дому Говарда. Вприпрыжку поскакала по дорожке от калитки до крыльца, корча рожицы воображаемому кавалеру, а на крыльце столкнулась с выходящим из дома мужчиной, показавшимся мне смутно знакомым. Мужчина поклонился мне и произнес:

— Добрый день, госпожа. Позвольте полюбопытствовать, вы здесь живете или же пришли к господину Говарду по делу?

И тут я его узнала: это был тот самый прохожий, сопровождавший вчерашнюю грубиянку и извинившийся перед нами за ее слова. По его лицу я не смогла определить, вспомнил ли он нашу первую встречу, а спрашивать, само собой, я не стала. Просто слегка склонила голову в ответ на его поклон и сказала:

— Я племянница господина Говарда, Алесса. Живу здесь, в этом доме.

И уставилась на незнакомца, ожидая реакции — зачем-то ведь он задал свой вопрос? Но мужчина не пожелал мне ничего объяснять.

— Значит, мы еще увидимся. Мое имя Эрвин, граф Солейский, — представился он. — До встречи, госпожа Алесса.

И пошел к калитке, а я стояла и смотрела ему в спину. Сначала меня занимал вопрос, узнал он меня или нет, а если узнал — то расскажет ли об увиденном дядюшке? Потом я представила себе лицо Риной, когда похвалюсь, что познакомилась с самым что ни на есть настоящим графом, развеселилась и вошла в дом.

— Дядюшка! — крикнула с порога. — Я вернулась и принесла твои любимые пирожные с ежевикой.

Но Говард не откликнулся. Я взбежала по лестнице и рванула без стука на себя дверь кабинета. Дядюшка сидел за столом и вид у него был на редкость озадаченный.

— А, Лесса, это ты? — приветствовал он меня. — Я не слышал, как ты вернулась.

Я удивилась. Разумеется, дубовая дверь кабинета хорошо заглушала звуки, но обычно мой крик все же доносился до мага. Должно быть, гость принес какое-то весьма важное известие, раз Говард настолько погрузился в свои мысли, что не услышал меня.

— Чего хотел от тебя этот человек, граф Солейский? — спросила я напрямик. — Он сказал тебе что-то неприятное?

За два года жизни в Теннанте бывший маг стал для меня действительно почти что близким родственником. Мне нравилось думать о том, что у нас нет секретов друг то друга



— ну, почти нет. Я ничего не рассказала Говарду о Тиме и не решилась пока что спросить о том, что могло связывать мага с матушкой Сузи.

— Значит, ты уже познакомилась с Эрвином? — Говард попытался улыбнуться, но улыбка вышла какой-то вымученной. — Нет, Лесса, я бы не сказал, что сей юноша принес мне неприятные известия. Неожиданные — да, но вот в своем отношении к ним я еще не определился. С одной стороны, граф обрадовал меня, но с другой... Впрочем, тебе, моя дорогая, вовсе ни к чему забивать этими проблемами голову. Говоришь, пирожных принесла? Пойдем тогда пить кофе.

Да, в доме Говарда я тоже приучилась пить кофе и даже стала находить его горьковатый привкус приятным. Я позвала Дарку и попросила ее сварить нам бодрящий напиток. Дядюшка, очевидно, не желал делиться со мной подробностями визита графа Солейского. И пусть его рассеянность быстро прошла, и он принялся оживленно обсуждать со мной очередную главу своих мемуаров, но смутное чувство тревоги никак не желало покидать меня. Мне казалось, что теперь нам точно надо ждать неприятностей. Отчего возникло это чувство, я не знала, но убежденность в его правоте все крепла во мне.

Визит молодого Солейского выбил из колеи. За последние пару десятилетий Говард привык к спокойному размеренному существованию, когда каждый последующий день ни чем не отличается от предыдущего. И вот вам, пожалуйста, сначала ему на голову сваливается сиротка с на редкость сильным магическим даром, а затем объявляется наследник Бранвии, нуждающийся в помощи. И если в случае с Алессой бывший маг принял решение без колебаний, то дать однозначный ответ Эрвину и его родственнику пока готов не был. «Старею,» — с сожалением отметил Говард. В дни бурной молодости он с готовностью бросился бы в любую авантюру, да и в зрелости не слишком раздумывал, ежели кому-нибудь требовались его услуги. Теперь же он куда сильнее стал ценить комфорт, как телесный, так и душевный. Но увы — похоже, сохранить ему не удастся ни тот, ни другой.

После рассказа Эрвина смутные подозрения мага переросли в твердую уверенность. Теперь он точно знал, кем была его названная племянница — вот только представления не имел, следует ли об этом знать самой Алессе. Пока девочку заботили только свойственные всем юным мелочи: учеба, подружки, походы в кондитерскую, этот парень, сын сапожника, как его там — Том? Тим? Точно, Тим. Глупышка Лесса полагала, что ее дядюшка ни о чем не догадывается. Или считала его слишком старым?

Пожалуй, не так уж она была права. Свою единственную любовь Говард утратил давно, очень давно, причем по собственной же глупости. Поначалу дня не проходило, чтобы маг не сожалел о содеянном, а потом чувства притупись, воспоминания утратили яркость, боль почти затихла. Было — и быльем поросло.

Привезенное Лессой письмо на время всколыхнуло полузабытые чувства, царапнуло зажившие раны. Но ненадолго. И вот он уже прикипел к девочке, как некогда к ее приемной матери, голубоглазой малышке Сюзетте.

Крошка Сузи... Она так походила на свою мать. Говард не отважился спросить у бывшей возлюбленной, кто именно был отцом Сузи — законный супруг женщины либо же сам маг. Более того, он даже не решился проверить свое отцовство при помощи магии. А вскоре и вовсе утратил такую возможность, лишившись своего дара навсегда. В любом случае Сюзетта магическую силу не унаследовала — что, впрочем, ни о чем не говорило. И у магов рождались дети без дара.

Знала ли Сузи об отношениях, что некогда связывали Говарда и ее мать? Вероятно, догадывалась, но вопросов не задавала. И никогда не интересовалась, отчего друг семьи из всех детей выделяет именно ее, балует, дарит дорогие подарки. Странное дело, но мужчина, официально считавшийся отцом девочки, не чинил Говарду никаких препятствий. Впрочем, в верности жены он был уверен, а что касается девочки — возможно, он-то точно знал, чей именно она ребенок. Да и был он человеком с определенными странностями, пусть и принадлежал к хорошему роду, и обладал немалым состоянием.

Маг прекрасно понимал, отчего его любимая Лиретта выскочила за первого же, кто сделал ей брачное предложение. Он помнил, что именно такую угрозу выкрикнула девушка при прощании, когда Говард уезжал на год. Он отказывался отложить поездку, уверял Лиретту, что заработает столько золота, что им хватит на долгие годы не просто безбедной, но роскошной жизни. Возлюбленная не желала его отпускать, плакала, уговаривала пожениться до отъезда, уверяла, что готова жить пусть даже и скромно, лишь бы с ним

вместе — все попусту. Говард желал бросить к ногам любимой состояние и был в своем желании непреклонен. Что же, состояние он заработал, вот только, вернувшись, застал Лиретту мужней женою и матерью крохотной Сюзетты.

Женщина обрадовалась его возвращению, представила супругу старым другом. Непременно приглашала на все семейные праздники, охотно позволяла брать на прогулки Сузи, когда та подросла. И никогда ни словом, ни намеком не напоминала магу о том, что некогда их связывало.

А сам он тоже не осмеливался хотя бы завести разговор из опасения второй раз разрушить жизнь единственной женщины, которую когда-либо любил. И только заботился о ее старшей дочери. Иной раз Говард задумывался о том, изменилось ли бы его отношение к Сузи, знай он точно, что та — не его ребенок? И вынужден был признать, что вряд ли. Вот и Лессу он полюбил, словно она действительно состояла с ним в родстве.

Лесса... Теперь не было никаких сомнений — именно она и есть пропавшая дочь Литора Бранвийского. Кем была ее мать, Говард не знал, как не знали того и Эрвин с Лансом. Но, похоже, бедной женщины уже действительно не было в живых, и именно ее тело предали погребению в крохотной северной деревушке. А Говард теперь мучился вопросом, рассказать ли Лессе правду о ее происхождении или пока повременить. Эрвину он, само собой, ничего не сказал, да и окончательный ответ относительно собственного сотрудничества с Лансом пообещал дать через несколько дней, после того, как примет взвешенное и обдуманное решение. Конечно же, бывший маг был недоволен деятельностью Роланда, но сначала не мешало бы узнать побольше о юном Бранвийском — как бы он оказался не хуже отчима. Старый герцог многое сделал для процветания Бранвии, но неизвестно еще, какие именно качества унаследовал его сын от отца.

Разумеется, если Говард все-таки решит стать на сторону Ланса, то долго скрывать то, кем в действительности является его так называемая племянница, не получится — это маг прекрасно понимал. Потому-то и пребывал весь остаток дня в задумчивости, что явно не осталось незамеченным Лессой. Девушка еще раз попыталась заговорить с Говардом о его госте, но быстро поняла, что поддерживать этот разговор ее дядюшка не желает, и больше к теме визита Эрвина не возвращалась. Разумная, ничего не скажешь.

Граф Солейский повадился приходить к Говарду каждый день. Они обыкновенно запирались в кабинете и о чем-то подолгу разговаривали. Меня присоединиться к беседе не позвали ни разу, впрочем, я того и не ожидала. Ежели мы с Эрвином случайно сталкивались в коридоре, он приветствовал меня неизменно вежливо, но несколько прохладно, и смотрел каким-то странным взглядом. Разумеется, мне было любопытно, зачем он приходит к дядюшке, но я прекрасно понимала, что расспрашивать бесполезно. Оставалось лишь ждать, вдруг Говард решит-таки посвятить меня в свои таинственные дела.

Поскольку визиты графа отнимали у дядюшки довольно много времени, работа над мемуарами приостановилась, и я неожиданно получила в свое распоряжение несколько свободных часов ежедневно. Поначалу я пыталась вертеться на кухне, помогая Дарке, но вскоре экономка прогнала меня под вполне благовидным предлогом. Я поняла, что женщина полагает кухню своим единоличным владением и присутствие посторонних доставляет ей неудобства, потому больше помощь свою не предлагала. Подруги мои в будние дни тоже были обыкновенно заняты, освобождаясь лишь ближе к вечеру, и мне пришлось придумывать себе занятие самостоятельно. Я то занималась, стараясь решить те задачи, что до сих получались у меня плохо, то слонялась по Теннанту, заходя в лавки и присматриваясь к разным недорогим мелочам. В один из таких дней я и навестила Тима в лавке его отца.

После праздника само собой получилось как-то так, что мы с приятелем больше не виделись. Вроде бы я и не старалась избегать его, но всякий раз, когда он приходил, я оказывалась занята каким-либо неотложным делом и передавала через Нонну, что никак не могу отлучиться. И когда я все-таки задумалась о своем поведении, мне стало неловко. С Тимом следовало поговорить.

Увидев меня, парень обрадовался.

— Лесса! Здорово, что ты пришла. погоди, я сейчас закончу срочную работу и выйду к тебе.

Я поджидала его неподалеку от мастерской, под пожелтевшим каштаном, перебирая в уме те фразы, которыми планировала начать разговор. И все они казались мне глупыми, смешными, неискренними. Я так и не смогла придумать подходящую, потому-то и выпалила, стоило Тиму подойти ко мне:

— Прости меня.

— За что? — удивился он.

— Я была неправа, что позволила тебе... что дала надежду... — сбивчиво заговорила я. — Я не должна была так поступать... я не хотела... прости...

— Ты хочешь сказать, что сожалеешь о произошедшем? — нахмурился Тим.

Я зажмурилась и кивнула. А когда вновь открыла глаза и осмелилась взглянуть на парня, то заметила, что весь он как-то разом поник.

— Я знал, — голос его прозвучал глухо, — знал, что не нравлюсь тебе. Что ты во мне видишь только друга. Но я надеялся, Лесса. И ведь понимал, что это не тебя ко мне тянет, что это всего лишь воздействие браги, но все равно ничего не мог с собой поделаться. Знала бы ты, как я был счастлив! Я думал, что, возможно...

Он осекся, а у меня на глазах выступили слезы. И я смогла только пробормотать в очередной раз:

— Прости.

Он покачал головой.

— Тебе не за что просить прощения, Лесса. Ты ведь не виновата, что не любишь меня.

Но можем ли мы, по крайней мере, по-прежнему считаться друзьями?

Отказать ему я не смогла. Но подумала, что вряд ли наши дружеские встречи будут частыми.

А спустя несколько дней дядюшка озадачил меня неожиданным предложением:

— Как бы ты отнеслась к поездке на юг, Лесса?

— На юг? — удивилась я. — К морю?

— Не совсем, — уклончиво ответил Говард.

— Прости, но я ничего не понимаю, — честно призналась я. — Зачем нам ехать на юг?

У тебя там какие-то дела?

— Пожалуй, можно сказать и так, — усмехнулся бывший маг. — Нас пригласили погостить в загородном имении.

— Пригласили? Но кто? А, поняла. Наверное, твой загадочный приятель, с которым вы столь часто секретничаете в последнее время — граф Солейский, да?

Я ожидала, что дядюшка рассмеется, но он, напротив, стал весьма серьезен.

— Да, Лесса, именно он. Ему и его другу нужна моя помощь.

— Тогда к чему интересоваться моим мнением? — пожалала я плечами. — Или ты просто не желаешь оставлять меня в Теннанте одну?

— Ты в любом случае не осталась бы одна — в доме с тремя слугами, а уж Дарка точно смотрела бы за тобой, словно наседка за цыпленком. Сама знаешь, как она ворчит, что нынче юным девицам дают слишком много воли.

Уж о чем — о чем, а об этом я знала: Рина не раз жаловалась на нравоучения родственницы.

— Нет, Лесса, все дело в том, что ты тоже можешь пригодиться мне в поездке.

— Я? Но я еще умею столь мало.

Несмотря на мои возражения, мне льстило то, что моя помощь, мои умения и навыки тоже могут оказаться востребованными. В то мгновение я ощутила себя настоящим магом, и это чувство мне понравилось. Но дядюшка тут же спустил меня с небес на землю.

— Вот это-то меня и беспокоит, — задумчиво протянул он.

— Но тогда зачем ты берешь меня с собой? — недоумевала я. — Ты говоришь загадками, дядюшка. То тебе нужна моя помощь, то я не способна оказать ее. И чего все-таки хочет от тебя граф?

Говард молчал довольно долго. Он опустил взгляд, руки его беспокойно перекладывали с места на место те бумаги, которые мы только что разбирали. Наконец, словно решившись на нечто малоприятное, он посмотрел мне прямо в лицо и спросил:

— Помнишь, ты спрашивала меня о своем отце, Лесса?

Его вопрос привел меня в еще большее недоумение.

— Да, помню. Но ты ведь сказал мне, что ничего не знаешь о моих родителях. Разве ты солгал мне?

Бывший маг покачал головой. С удивлением я отметила, что сейчас он действительно выглядит старым и усталым. Нет, у Говарда не прибавилось морщин или седых волос, но в облике у него появилось нечто неуловимое, ясно дававшее понять — этому человеку уже очень, очень много лет, и бремя жизни стало для него тяжким грузом. И тут же во мне

вспыхнула злость на Эрвина Солейского — по моему разумению, именно он был повинен в произошедших с дядюшкой переменах. До его появления в нашем доме все шло прекрасно.

— Я сказал правду, — медленно подбирая слова заговорил Говард. — Но сейчас вскрылись некие новые обстоятельства. И ты непременно узнаешь о своем происхождении, если мы все-таки отправимся на юг.

После этих слов никакая сила не смогла бы удержать меня от поездки. Я давно уже не предавалась детским мечтаниям о воссоединении с отцом, но жажда узнать о своем происхождении за проведенные в Теннанте годы не утихла.

— Получается, граф знает, кто я такая?

— Нет, Лесса, он не знает. Парадоксально, но он сам ищет тебя уже несколько лет. Но не узнал при встрече.

— Так что же, выходит, этот Эрвин — мой родственник?

Это было единственное объяснение, пришедшее мне в голову. Отцом моим, разумеется, Эрвин быть никак не мог, но вот братом или кузеном — почему бы и нет?

Но ответ Говарда вновь разочаровал меня.

— Нет, вы с графом Солейским не состоите в родстве.

Я уже совсем ничего не понимала.

— Но зачем тогда ему искать меня?

И уже в который раз за этот странный разговор дядюшка удивил меня, внезапно сменив тему и спросив:

— Лесса, что ты знаешь о событиях того года, в который родилась?

Я ненадолго задумалась, припоминая.

— Судя по воспоминаниям деревенских, год был урожайным. Они полагали, что это Морской Бог явил им таким образом свою милость за то, что приютили меня. А вот зима была суровой, но голодать не пришлось, — старательно перечисляла я те сведения, что некогда слыхала от жителей Бухты-за-Скалами.

— Лесса, — нетерпеливо прервал меня Говард, — я спрашивал вовсе не о твоей деревне. Меня интересуют те события, что затронули всю Бранвию.

Ну здесь ответ был однозначен.

— Умер старый герцог. А вдова его год спустя вышла замуж во второй раз. За Роланда, герцога нышнего.

— Вот именно, — мрачно подтвердил Говард. — И вместе с герцогом умер его маг, Литор.

Я напрягла память. Сузи рассказывала о несчастном случае на охоте и о том, что магу так и не удалось спасти раненого, но ни имени мага, ни его дальнейшей судьбы я не знала.

— Но какое отношение их смерти имеют ко мне?

Будто не услышав моего вопроса, дядюшка продолжил:

— И есть основания полагать, будто они оба были отравлены. Во всяком случае, наследник герцога, юный Ланс Бранвийский, твердо в этом убежден.

— Откуда вам известно об этом? — не удержалась я.

Разговор наш становился все менее мне понятен, но все более интересен.

Какая связь могла быть между моим рождением и смертью старого герцога?

— Видишь ли, Эрвин Солейский приходится Лансу кузеном, — пояснил дядюшка. — Меня, признаться, настораживало то, что наследник герцогства не появляется на людях. В странную неизлечимую болезнь, от которой, тем не менее, не умирают, я тоже не особо

верил. Но свои подозрения я предпочитал держать при себе, поскольку на столь неудобные вопросы ответ у Роланда один — и ты сама можешь догадаться, какой именно.

— Каменоломни, — поежилась я.

— И это еще в лучшем случае, а то и казнить могут, ежели посчитают опасным смутьяном. Причем, если верить словам Эрвина — а причин не доверять ему в этом вопросе у меня нет — то герцогиня опаснее своего супруга. Так вот, возвращаясь к Лансу. Оказывается, сей юноша вот уже несколько лет живет вовсе не в родовом замке. При помощи парочки преданных слуг ему удалось организовать побег. И граф приезжал ко мне именно как представитель юного Бранвийского.

Я ахнула.

— Получается, нам предлагают участвовать в заговоре?

— В возвращении герцогства законному наследнику, — поправил меня Говард. — И — так уж получается — попутно ты сможешь отомстить герцогине Ингрид за смерть своего отца. Потому как я твердо убежден, что ты и есть пропавшая дочь Литора Бранвийского. Разумеется, проверить это мы сможем только у Ланса, но мне хватило и тех сведений, что я получил от Эрвина. Поверь, вряд ли я ошибаюсь.

Признаться, новость вовсе не потрясла меня. Говард неоднократно повторял, что отец мой, должно быть, был весьма сильным магом. Да и где-то глубоко в душе я подозревала, что в живых уже нет обоих моих родителей, пусть и гнала от себя эти мысли. Но ведь сильный маг сумел бы за семнадцать лет разыскать своего ребенка, разве не так?

Касаемо мести предполагаемой отравительнице — я вовсе не горела подобным желанием. Быть может, из-за того, что совсем не знала Литора, либо же из-за того, что не слишком доверяла незнакомому Лансу, но связываться с герцогиней мне не хотелось. Я прекрасно понимала, что ничего хорошего из этого не выйдет.

Однако Говард, похоже, решил принять предложение графа Солейского.

— Мы отправляемся через месяц, Лесса. Я как раз улажу все свои дела. Подумай, возможно, тебе нужно что-нибудь купить для поездки. Хотя на юге, уверен, тоже есть лавки — и не хуже наших. Приятельницам скажи, что мне необходимо поправить здоровье в более теплом климате.

— А как долго мы будем отсутствовать? — спросила я. — Что мне сказать Рине и Ладе?

— Скажи, что не знаешь. До тех пор, пока я не почувствую себя лучше.

— А в действительности, дядюшка?

— А в действительности все зависит от Ланса, дорогая. Я приму окончательное решение после личной встречи с ним.

— Значит, он приедет?

— Да, где-то через месяц. Он сам и его племянница.

— Повтори-ка еще раз, любезный кузен, — голос Ланса сочился ядом, — зачем нам понадобился потерявший силу маг, да еще и с несмышленной девчонкой в довесок?

Эрвин почувствовал, как его охватывает раздражение. Кузену его идея привлечь на свою сторону Говарда вовсе не показалась такой уж замечательной.

— Девчонка тоже обладает магической силой, — резко ответил он. — Говард упомянул, что сам ее обучает. Или у тебя есть еще пара-тройка магов на примете? Тогда я извинюсь перед Говардом, и мы найдем тех, на кого ты укажешь.

— Прекрати! — Ланс хлопнул по столу ладонью. — Да, сыскать толкового мага нелегко. Даже для моей дражайшей мачехи сия задача оказалась непосильной. Однако же это и не повод подбирать всех убогих на своем пути. Признайся, Эрвин, девчонка хороша собой? Поэтому ты позвал их в гости? Захотел более близкого знакомства с юной целительницей?

— По-моему, я вовсе не упоминал о том, что Алесса — целительница, — холодно процедил Эрвин.

— А кем ей еще быть? Новым Литором Бранвийским? Только в юбке, да?

— Между прочим, — напомнил граф кузену, — ребенок Литора — тоже девочка. Вернее, уже девушка. Но тебя сей факт отчего-то не смущает.

— Дочь Литора унаследовала его дар, — отрезал Ланс. — Во всяком случае, мы с тобой возлагаем на это большие надежды. Ну да ладно, раз уж ты решил, что твой знакомый может нам пригодиться — посмотрим, авось, ты и прав. В любом случае приглашение отменять нельзя, дабы не настроить против себя этого Говарда.

— Кстати, о настроениях в толпе, — довольно отозвался Эрвин, кое-что припомнив. — Был я в Теннанте и на народном гулянии. Так вот, имя твое поминалось неоднократно — больше шепотом, конечно, но все же. Наши люди хорошо отработывают свои деньги.

Ланс усмехнулся. Это была его идея — запустить в разных местах слухи о том, что истинный герцог скоро вернется и поможет своему народу сбросить тяжелое бремя правления Роланда. Поскольку недовольных нынешним правителем более чем хватало, то слова людей Ланса падали на благодатную почву, подхватывались и распространялись, обрастая подчас такими подробностями, что удивляли даже самих авторов слухов.

— Да, народ, скорее всего, будет на нашей стороне. Но мне бы не хотелось доводить до кровопролития. А как обстоят дела с Теннантским дворянством? Тебе удалось с кем-нибудь переговорить?

Эрвин покачал головой.

— Эту задачу взял на себя отец. Мне и к Говарду-то с трудом удавалось улизнуть. Представляешь, мой драгоценный родитель вознамерился во что бы то ни стало меня женить, с каковой целью и пригласил в свой особняк погостить трех девиц — вдруг я кого и выберу.

Ланс расхохотался.

— А ты, неблагодарный, не оценил его трудов? — поддел он кузена. — Более того, ухитрился заприметить еще и племянницу мага. И как тебе это только удалось — под таким-



то присмотром?

Эрвин смерил его насмешливым взглядом.

— Вот посмотрю я на тебя, когда ты вернешься в свой замок. На что спорим, что туда мгновенно слетятся толпы девиц на выданье? И тебе придется изворачиваться изо всех сил, чтобы не оказаться женатым в первый же месяц своего правления.

Ланс, вопреки ожиданиям кузена, вовсе не стал поддерживать разговор в шутливом тоне. Напротив, его голос прозвучал весьма серьезно:

— Возможно, что мне придется жениться еще до того дня, как я объявлю о своих притязаниях, Эрвин. Сам ведь прекрасно знаешь, что женитьба — это один из лучших способов обзавестись союзниками. Разве не с тобой мы выбирали кандидатуры невест?

— Но так и не пришли к какому-либо определенному решению, — откликнулся граф. — Выше голову, кузен. Откуда такой печальный настрой? Быть может, тебе и не придется приносить в жертву свою свободу.

— Хотелось бы, — тихо сказал Ланс. — Я не желал бы связывать свою судьбу с незнакомкой, к которой не питаю никаких чувств. И которая, что тоже важно, не питает никаких чувств ко мне. Как ты помнишь, для моего отца подобный брак завершился плачевно.

И он потянулся к кувшину, чтобы разлить по кубкам вино. Воспоминания об отце отдались привычной болью. Эрвин молчал — знал, что в такие моменты лучше ничего не говорить.

Девчонки были совсем юными, но уже довольно умелыми и весьма старательными — должно быть, надеялись на вознаграждение. Роланд лениво потрепал одну из них по светлым кудряшкам и бросил ей серебряную монету. Вторая, гибкая сероглазая брюнетка, устала на него в жадном ожидании. Забавляясь, герцог швырнул ей медяк и довольно рассмеялся, глядя, как дрожат от обиды пухлые алые губы красотки. Но возражать либо же, упаси боги, закатывать скандал девица не стала, подобострастно поклонилась и села у его ног. Вторая, одаренная благодарным клиентом более щедро, поцеловала мужчине руку.

— Пошли вон, — лениво велел им Роланд. — Отдохнуть хочу. Скажите хозяину, чтобы до рассвета не беспокоил.

Дождавшись, пока за девчонками захлопнется дверь, мужчина стянул шелковую полумаску и развалился на огромной кровати. Пожалуй, мера предосторожности была излишней — скорее всего, и хозяин веселого дома, и его подопечные прекрасно знали, кто именно их посещает время от времени, тщательно закутавшись в плащ с капюшоном и скрыв полумаской лицо. Но болтать никто не посмеет — а догадки шлюх Роланда не волновали. Поначалу ему еще было стыдно, что получить удовольствие он теперь может лишь от извращенных ласк продажных девок, да и то напившись прежде возбуждающего зелья. А затем он привык и даже начал находить в происходящем свои плюсы: во всяком случае, никому из его любовниц на одну ночь и в голову не придет требовать для себя каких-либо привилегий либо рассчитывать на продолжение. Все честно: он им — оплату, они ему — удовольствие. Правда, не всегда у Роланда получалось и со шлюхами, но здесь, в этом заведении, слухов он не боялся. А сегодняшние девицы действительно постарались на славу — и герцог был доволен.

Возвращаться в замок к супруге не хотелось, и Роланд решил скоротать ночь на предоставленном в его распоряжение ложе. Пусть Ингрид в последнее время и сильно изменилась, перестала то и дело орать на него, но герцогу происходящие с женой перемены внушали необъяснимый страх.

Сына Литора обнаружить так и не удалось — как и следов сбежавшего пасынка. Ингрид в бешенстве орала на Роланда, словно вся вина за неудачные поиски лежала на нем. Один раз взбеленившаяся мегера даже расцарапала ему лицо, но такое оскорбление герцог спустить супруге с рук уже не мог и наградил ее парочкой хороших затрепчин. Ведьма в долгу не осталась, и еще два дня всякий, столкнувшийся в замке с герцогом либо с герцогиней, поспешно отводил глаза. Синяк на скуле Ингрид проступал даже сквозь белила и румяна, а царапины на щеке Роланд безуспешно пытался скрыть отрастающей щетиной.

Под начало мага поступили несколько травников и одна целительница со слабеньким даром, прихваченная на всякий случай гвардейцами, так что небольшая польза от поисков щенка Литора все же имелась. К девчонке, хорошенькой молоденькой ведьме, Роланд даже заглянул как-то вечером. Целительница не подняла его на смех, как он втайне опасался, а сварила зелье для мужской силы. Роланд набрался храбрости и поинтересовался, можно ли снять с него заклятие супруги, на что девчонка, округлив глаза, сообщила, что никакого сглаза на нем не видит. Ну да куда уж, с ее-то даром...

И вот Ингрид внезапно словно позабыла о своих страхах. Она больше не упоминала имени Ланса и не требовала от герцога непременно разыскать мальчишек. Более того, она в

последнее время почти не замечала супруга. На губах ее расцвела мечтательная улыбка, да и сама герцогиня словно помолодела на десяток лет. Роланд заподозрил, что его благоверная наконец-то влюбилась в одного из своих многочисленных любовников. Он даже попытался выяснить, кто является предметом страсти герцогини, но в попытках своих не преуспел. Ингрид по-прежнему наслаждалась близостью с любым приглянувшимся ей мужчиной, но никого особо не выделяла. И у Роланда появился серьезный повод для беспокойства: похоже, герцогиня что-то задумала. И это что-то, как пить дать, сулило ему неприятности.

Настроение было просто превосходным. Отослав служанок, Ингрид, облаченная в легкую ночную рубашку, сама расчесывала длинные блестящие платиновые локоны и вполголоса мурлыкала песенку о любви короля к юной пастушке. Словно замороженная, герцогиня никак не могла отвести взгляда от своего отражения в овальном зеркале: оттуда на нее смотрела совсем юная дева. И куда только делась нервная издерганная женщина, жившая в зазеркалье совсем недавно? Вместо нее поселилась молодая красавица с безмятежным взглядом и довольной улыбкой. Наметившиеся было морщинки под глазами и в уголках рта чудесным образом разгладились, нездоровая бледность сменилась легким нежным румянцем, щеки вновь округлились. Ингрид стала несказанно хороша собой — пожалуй, даже краше, чем была в юности. Разумеется, все имело свою цену и за вернувшуюся красоту тоже придется заплатить — но к этому женщина была готова.

Она отложила щетку для волос, встала, потянулась, полюбовалась отражением своего гибкого стройного тела. Поколебалась, позвать ли нового лучника, недавно нанятого в отряд охранявших замок гвардейцев — на мускулистого блондина Ингрид положила глаз во время утреннего учебного боя. Искушение было велико, но она сегодня так устала... Пожалуй, все-таки лучше просто лечь и уснуть, а к мужчине она сама придет завтра. Приняв решение, герцогиня наскоро заплела волосы в косу и скользнула под пуховое одеяло. В спальне горел камин, но Ингрид все равно укуталась с головой и закрыла глаза, отдаваясь сну. Хвала всем богам, ей больше не снились кошмары, в которых она убегала по подземным ходам от несущегося за ней Ланса с обгаренным кровью мечом или молила о снисхождении светловолосого сероглазого юношу с лицом покойного Литора. В те ночи она обыкновенно просыпалась от собственных криков, непременно в слезах и с бешено колотящимся сердцем. А в ушах ее еще долго звучал жуткий призрачный смех ее ненавистников. Но куда хуже были иные сны, в которых ей являлся давно покойный Оскар. Он протягивал к своей убийце синюшные руки и звал ее за собой.

Но теперь Ингрид не боялась засыпать. Графин с вином, стоящий на прикроватном столике, давно уже не пополнялся — герцогине не было больше нужды успокаивать нервы при помощи хмельного напитка. Вот уже много ночей подряд она видела только приятные сны, от которых пробуждалась с улыбкой на лице.

Правда, на сей раз улыбка продержалась недолго. Едва проснувшись, женщина услышала грохот и брань в смежной спальне — вернулся муженек. Ингрид досадливо поморщилась. Все-таки она здорово ошиблась в свое время в Роланде, получив вместо ожидаемого защитника слабовольного тьюфака в мужья. Этот слизняк полагает, будто ей неизвестно о его поездках в веселый дом и развлечениях с тамошними девками. Наивный, Ингрид прекрасно все знала. Она могла бы перечислить всех тех потаскух, с которыми Роланд развлекался в свое время в замке. Кое-кого из тех, что слишком уж зарвались, она вышвырнула прочь, остальных же не трогала — похождения супруга волновали ее мало. А уж когда ей донесли, что Роланд обвиняет жену в колдовстве, что лишило его мужской силы — Ингрид смеялась до слез. Мужская сила герцога давно уже ее не интересовала, пусть тратит, на кого захочет. Герцогиня брезговала укладываться с супругом в одну постель и давно уже не допускала того до своего тела. Ребенка она хотела по-прежнему, но вот кто именно станет отцом ее наследника — этот вопрос не слишком уж ее волновал. Впрочем,

если все пойдет так, как задумано, то будет у нее и ребенок. А Роланд... Роланд ей тогда точно не будет нужен. Безмозглый пьянчуга даже не подумал, что в его бедах повинно то огромное количество вина, что он ежедневно вливает в себя. Нет, он предпочел винить Ингрид, которая, видят боги, не причинила ему ни малейшего зла.

Ничего, напомнила женщина себе, скоро она избавится от изрядно надоевшего ей идиота. И от Ланса, и от сынка Литора тоже. И долго-долго будет оставаться молодой, красивой и желанной. А что до того, за что за исполнение желаний придется заплатить кровью — так ведь не своей же. Не жалко. И совсем не страшно.

Древние стены небольшого святилища были покрыты трещинами, незаметными в призрачном лунном свете. Белый камень казался гладким, но пальцы помнили все выбоины и сколы изящной резной колонны. Саддам привычно провел указательным пальцем по цветку с надколотым лепестком, погладил небольшую трещинку у стебля. Разом нахлынули воспоминания о том, как он пришел сюда впервые, совсем юным, как волновался, места себе не находил, но молчал и лишь прикусывал до крови губу да гладил полураспустившуюся каменную розу — так, как и сейчас. Боялся, что не возьмут, что окажется недостойн, что не хватит сил пройти испытание. Обошлось. И облегчение накрыло огромной волной, вызвав на глазах непрошенные слезы. Наставник молчал, не имея более воли над вчерашним учеником, лишь поджал неодобрительно губы и протянул темный плащ. Низко надвинув капюшон, Саддам тогда понял: это был последний раз, когда он заплакал. Пусть даже и от радости.

Однако же следовало поторопиться: Повелитель ждать не станет. Безмолвной тенью Саддам проскользнул внутрь, в небольшое помещение без окон, освещаемое синим огнем, горящим на невысоком постаменте без всякого хвороста. Мужчина отцепил от пояса небольшой мешочек и сыпанул из него в огонь щепотку сушеных трав. Резко запахло чем-то пряным, ароматный дым поднялся к низкому потолку. Достав серебряный кинжал, Саддам полоснул себя по ладони. Порез мигом набух алыми каплями, тяжело упавшими в огонь. Раздалось едва слышное шипение, а клубы дыма принялись сгущаться и спустя несколько мгновений приняли очертания закутанной в плащ фигуры. Саддам мигом бросил собственный плащ на пол в знак служения и опустился на одно колено.

— Приветствую тебя, Повелитель!

Он не видел скрытого капюшоном лица, но знал, что Повелитель пристально смотрит на него, и под этим взглядом чувствовал себя неуютно.

— Зачем звал? — раздался чистый, удивительно юный голос.

— У меня есть новости, Повелитель. Важные новости.

— Встань и говори.

Саддам с облегчением поднялся. Пусть присесть даже на пол было бы невыносимо, но все равно стоя он чувствовал себя куда увереннее.

— Я был в одном из городов Бранвии на осеннем праздновании, Повелитель. Ходил среди толпы, оставаясь незамеченным, слушал разговоры. И встретил девушку.

Повелитель молчал. Он не задал ни одного вопроса о той, что привлекла к себе внимание Саддама, понимал, что Лунный Воин не станет тревожить покой своего владыки по пустякам. Раз уж Саддам решил, что о девушке следует рассказать, стало быть, есть в ней нечто особенное.

Саддам тем временем ощутил позабытое уже волнение. Он крепко сжал в кулаки ладони, по счастью, скрытые от Повелителя за спиной. Воин был уверен в своей правоте, но смутное беспокойство все же оставалось — слишком велика была цена ошибки. Медленно, тщательно подбирая слова, он продолжил рассказ:

— Я обратил на нее внимание, когда она вышла из шатра гадалки. Самой обычной шарлатанки, среди предков которой, тем не менее, некогда были храмовые прорицательницы. Но искра дара далеких прародительниц спит в ней очень крепко — я проверил, Повелитель. Гадалка предсказывала юным дурочкам счастливую судьбу, и все они

уходили от нее, светясь от счастья. Но эта девушка... Она была встревожена, словно услышала нечто неприятное. Я присмотрелся к ней повнимательнее, Повелитель — у незнакомки были желтые глаза.

— Случайность, — отрывисто бросил закутанный в плащ мужчина. — Карида давно умерла.

И все же голос его утратил былое равнодушие, что явно показывало — история Саддама все-таки заинтересовала его.

Лунный Воин не стал перечить. Возможно и случайность — как знать? Однако же его рассказ на этом не закончился.

— Я не стал предпринимать поспешных действий, Повелитель. Мало ли, что гадалка могла сказать девчонке? Потому я решил для начала все разузнать.

— И что же?

Впервые на памяти Саддама владыка прерывал кого-либо нетерпеливым вопросом. Получается, Воин был прав и сведения о девушке с глазами необычного цвета очень важны.

— Гадалка не помнила ни слова из своего предсказания. Более того, она выглядела совсем изможденной, будто кто-то выпил из нее все силы. А девушка отказалась выслушивать ту ерунду, что обыкновенно несла предсказательница своим клиенткам, заплатила и убежала. Мне показалось это странным, Повелитель.

— Любопытно, — протянул мужчина в плаще. — Ты полагаешь, что девушке удалось ненадолго пробудить спящий дар?

— Иного объяснения у меня нет. Более того, могу сказать, что дар этот ослаб настолько, что никогда больше не проснется.

— Немудрено. Сила всегда поглощает слабость — таков закон Кровавой Луны. И все же Карида мертва. Камень в родовом перстне почернел и расколосся, стало быть, надежды нет.

— Карида умерла, — осмелился робко возразить Саддам, опуская взгляд, — но ведь она могла успеть родить своему возлюбленному ребенка. Этот вариант мы не предусмотрели. Что, если мне посчастливилось встретить ее дочь?

Повелитель молчал долго. Саддам так и не осмеливался поднять глаза, смиренно ожидая гнева владыки. Упоминание о возлюбленном Кариды, о том, ради кого она оставила свой дом и свое служение, находилось под запретом и строго каралось, несмотря на прошедшие годы. И сейчас Саддам был уверен в том, что за его словами последует наказание.

Но Повелитель задумчиво произнес, словно рассуждал вслух, позабыв о присутствующем в храме Воине:

— Да, возможно, именно так оно и было. Во всяком случае, это многое объясняет. Никогда бы не поверил, что Карида отважится родить от обыкновенного человека. Хотя... Разве кто-нибудь ожидал ее побега? Для всех нас он стал неожиданностью. И вот теперь — дочь, девчонка с желтыми глазами. Не знаю только, сможет ли она заменить свою мать. Но проверить стоит, да, определенно стоит.

И взор владыки вновь устремился на Саддама.

— Ты знаешь, где она сейчас?

Это был самый трудный момент во всем разговоре. Не признаться Лунный Воин не мог.

— Я выследил ее, Повелитель. Узнал ее имя. Ее зовут Лесса, и она приехала в Теннант чуть больше двух лет назад. Возраст у девушки подходящий — она вполне может оказаться дочерью Кариды.

— Хорошо! Я желаю сам увидеть ее.

Саддам вновь опустился на колени.

— Увы, но это невозможно, повелитель. Недавно девушка и ее опекун покинули Теннант и уехали на юг, никому не сообщив, где именно их можно разыскать. Но я непременно найду ее...

Порыв ветра, неведь каким образом поднявшийся в закрытой комнате без окон, взметнул пламя на постаменте и огненной волной стегнул Саддама по лицу. Щеку обожгло болью, но Воин даже не шевельнулся, признавая, что заслужил наказание. А ветер все усиливался, и Саддаму стоило больших трудов удержаться на коленях и не упасть ничком.

Когда же Повелитель совладал со своим гневом, то бросил сухо и отрывисто:

— Как только отыщешь ее, сразу же дай мне знать. И не затягивай с поисками.

И прежде, чем Воин успел ответить, наполнявший комнату дым рассеялся, а призрачная фигура владыки исчезла. Со стоном облегчения Саддам повалился на холодный каменный пол, прижимаясь к нему обожженной щекой. Еще немного, еще несколько мгновений отдыха, и он снова сможет собраться с силами и, вновь разрезав ладонь, кровью исцелить свои раны.

А потом он принесет жертву Луне и попросит ее благословения. И отправится на поиски девушки с волосами цвета меда и янтарными глазами. И непременно ее найдет, чего бы ему это ни стоило.



Отдав мальчишке приказ, Шер оборвал связь. Надо было успокоиться и все хорошенько обдумать. Надежно заперев двери — негоже слугам видеть своего Повелителя в сильном волнении — он прошелся из угла в угол, налил себе вина и выпил одним глотком.

Шера всегда забавляла реакция на вино обычных людей — смешно было наблюдать, как у них мутнеют глаза, начинают заплетаться языки и подкашиваться ноги, теряется четкость движений и ясность мыслей. Дети Кровавой Луны пили, не пьянея — и Шер лишь однажды пожалел об этой особенности. Когда исчезла Карида. Тогда ему хотелось напиться до беспамятства, до забвения, как самому распоследнему пьянчуге — но увы, вино и вода разлились для него лишь вкусом. Он отправился в пустыню и поднял песчаную бурю, но не испытал и сотой доли привычного удовольствия и упоения своим могуществом. Без Кариды все было лишено смысла.

Ее имя до сих пор острыми когтями боли сжимало сердце, царапало душу, выворачивало внутренности. Великому владыке хотелось скорчиться, подобно малому ребенку, на полу и заскулить, словно побитому щенку. Но Кровавая Луна не прощает слабости, и Шер не позволял боли взять над ним верх. Он принес Луне многочисленные жертвы, стремясь отыскать беглянку, но Карида позаботилась о том, чтобы ее не смогли найти. И Шеру страшно было подумать о том, на что именно она пошла, дабы суметь скрыться. Отречься от Луны, дарующей силу, отказаться от самой своей сути — неудивительно, что строптивица недолго прожила после своего побега. И все же до сих пор, несмотря на прошедшие годы, боль терзала Шера при воспоминаниях.

Он перевел взгляд на небольшой портрет, что все эти годы хранил на столе. Зачем? Шер и сам не смог бы ответить, но расстаться с изображением хорошенькой улыбающейся девушки с каштановыми волосами и желтыми глазами у него не было сил.

— Я узнал твой секрет, Карида, — довольно сообщил Повелитель давно ушедшей из подлунного мира возлюбленной. — Ты бы расстроилась, милая? Я знаю, что расстроилась бы. Ты бы оберегала свою малютку, будь ты жива. Но тебя больше нет, и некому ее защитить. А я найду ее, и тогда она займет твое место. Вот так, милая. Все справедливо. Луна всегда вознаграждает тех, кто верно ей служит.

И он замолчал на мгновение. А затем лицо его исказилось, и он заорал, грохнув по столу кулаком:

— Почему? Почему, Карида? У тебя было все, все, что только ты могла бы пожелать! Я готов быть бросить тебе под ноги весь мир! Мы правили бы им вместе! Тебя отметила сама Кровавая Луна, а ты пренебрегла ее даром! Ты пренебрегла моей любовью! Что дал тебе он такого, чего не мог дать я? Будь ты проклята, тварь!

От очередного удара — теперь о стену — по кабинету прошел гул. Заныли содранные костяшки пальцев, но Шер все лупил и лупил кулаком по стене, до крови прокусив нижнюю губу. Перед глазами стояла алая пелена бешенства. Пожалуй, если бы Карида вдруг воскресла и предстала перед ним, то владыка придушил бы ее, не задумываясь. В его душе страсть и ненависть давно сплелись столь причудливым образом, что он и сам не смог бы сказать, какое чувство возобладает в нем в следующий момент. Иной раз он вел с портретом долгие душевные разговоры, целовал холодные нарисованные губы, гладил нежный овал лица кончиками пальцев, а порой — как вот сейчас — бесился от гнева и изрыгал самые

страшные проклятия.

Они были последними потомками великой некогда династии, теми, кому предстояло возродить былое могущество. Кровное родство между ними было довольно близким: их отцы были не просто братьями, но близнецами. Но Шера мысль о кровосмешении не смущала: близкородственные браки были в свое время достаточно распространены среди их предков. Он никогда не задумывался о том, как относится к их будущему союзу Карида. С самого раннего детства она знала, что предназначена в жены кузену. И ни разу никто не слышал от нее возражений. Как оказалось, девочка хорошо умела скрывать свои мысли.

Поначалу Шера умиляла забавная малышка, но стоило ей подрасти — и он ощутил, как его непреодолимо тянет к кузине. Зов крови, зов силы. Кровь Карида была сильна и наделяла могуществом того, с кем она ею делилась. Сама способная не на столь уж многое, Карида могла многократно усилить способности Шера. Он до сих пор помнил, как впервые показал девочке, что им подвластно, когда они вместе.

Карида тогда было пятнадцать. Шер взял ее с собой к полноводной реке и предложил: — Хочешь увидеть стихию?

Девочка восторженно кивнула. Она даже не вскрикнула, когда нож кузена рассек ее ладонь, и кровь закапала из пореза, смешиваясь с кровью Шера. А река вспенилась огромными волнами, поднявшимися внезапно выше горизонта и закрывшими солнце, вышла из берегов... Карида ликующе смеялась, а Шер любовался ее восхищенным лицом. Он не мог дождаться той ночи, когда сможет наконец назвать возлюбленную своей.

Это ему Карида должна была родить ребенка, который поднял бы из праха и тлена много веков назад позабытый культ и заставил бы мир содрогнуться, а затем и согнуться в смирении. Но нет, неблагодарная девчонка предпочла своей великой судьбе недолгую жизнь с обычным человеком.

Где она его повстречала, как договорилась о побеге? Ответа Шер не ведал. Он сурово наказал всех, кто хоть малейшим образом мог оказаться причастен к исчезновению его невесты, но ничего изменить уже было нельзя. А спустя два года треснул, почернел и рассыпался прахом камень в родовом перстне, возвещая о смерти Карида.

Возможно ли, что после себя беглянка оставила дочь? И как велики шансы, что девочка унаследовала хоть малую толику той силы, что подарила Луна ее матери? В любом случае Шер собирался найти свою племянницу, посмотреть, на что она пригодна, а затем лишь решить, что именно с ней делать.

— Алесса, — произнес он, привыкая к странному, непривычному имени. — Алесса. Нет, не то. Я дам тебе новое имя, девочка. Амира или, быть может, Малика. Имя, которое будет определять твою принадлежность к древнему народу. Имя, которое будет ласкать слух твоих подданных и напоминать им о твоём происхождении от древних властителей. А того, кто называет себя твоим отцом, я предаю смерти и забвению. И если только ты окажешься достойной моей любви, девочка, я подарю тебе весь мир, я вознесу тебя на вершины власти и богатства. Ты получишь то, что полагается тебе по праву крови.

Шер попытался представить себе, как выглядит его будущая супруга. Золотые глаза — отличительный родовой признак — и светлые волосы медового оттенка. Должно быть, весьма неплохо. Экзотично. Остатки его некогда многочисленного народа, проживавшие в затерянном посреди пустыни городе, отличались смуглой кожей и темными волосами. Вот цвет глаз разнился — тем светлее, чем больше сила, дарованная Луной. У самого Повелителя, прозванного Бессмертным за неувядающую молодость, глаза были янтарного

цвета, как и у его кузины, у Лунных Воинов — светло-карими, а у обычных жителей — почти черными. Разумеется, были у Шера и женщины иных народов — блондинки, шатенки, рыжие, с глазами самых разнообразных оттенков — но ни одна из них так и не смогла увлечь владыку. А вот мысль о дочери Кариды заставила взволнованно сжаться сердце.

— Скоро мы увидимся, девочка, — шепнул Повелитель образу, нарисованному его воображением. — Ждать осталось недолго.

Ему было не привыкать идти по следу. К счастью, Алесса, была она дочерью Кариды или нет, пользоваться магией крови не умела, и скрыться от охотника ей было не дано. Рано или поздно — и скорее рано, чем поздно — но Саддам настигнет ее, в этом он был уверен.

Узнай он, что его отношение к обычным людям мало чем отличается от отношения его Повелителя, то вряд ли удивился бы сильно. Особая гордость, гордость народа Кровавой Луны, была даже не впитана им с молоком матери — нет, с нею он родился.

Некогда огромный город посреди пустыни медленно хирел и умирал, но его сказания и легенды повествовали об иных временах, временах могущества и славы. Весь мир тогда дрожал перед великим народом, детьми Луны, созданными, чтобы повелевать и править. Многочисленные караваны тянулись через пустыню, чтобы доставить в великолепный Галирфан добычу: предметы роскоши, ткани, золото, драгоценные камни и, конечно же, рабов. Именно рабы были причинами многочисленных набегов, от которых страдали соседствующие с пустыней государства. Лунных Воинов даже полагали демонами пустыни: они появлялись из ниоткуда, налетали, подобно смерчу, и уносились в никуда, перебив мужчин и прихватив с собою ценности, молодых женщин и детей. Было время, когда Воины устраивали набеги только развлечения ради, ведь Галирфан и без того исправно получал дань от соседей. Обнаружить же пустынный город ни разу никому не удалось. Посланные в Галирфан армии не вернулись из пустыни — так и спят где-то вечным сном, занесенные песчаной бурей. Что же до судьбы тех, кто попал к детям Луны в рабство, то о ней ходили разные слухи, один другого ужасней. Но действительность была куда страшнее слухов — уж это-то Саддам знал наверняка. Не зря же Луна, которой поклонялся его народ, была Кровавой.

С детских лет Саддам мечтал о том, как попадет на службу к Повелителю Шеру и поможет тому вернуть из забвения былое величие Галирфана. Сейчас окраины роскошного города из белого мрамора опустели и засыпались постепенно песком, пересохли бассейны и фонтаны, пошли трещинами стены домов, но Саддам верил своему владыке — близок тот час, когда Галирфан вновь оживет. И если поимка желтоглазой девчонки приблизит благословенное время, Саддам будет счастлив и горд, что столь ответственная миссия оказалась возложена именно на него. Но даже если Алесса окажется нужна Повелителю только для развлечения — это нисколько ни умаляло ответственности Воина. В любом случае он обязан выполнить свое задание.

Чутье вело его на юг от Теннанта. Саддаму удалось узнать, что девчонка растрепала своим подружкам, будто уезжает к морю, но он отнесся к добытым сведениям недоверчиво. Хотя поначалу отследить путь бывшего мага и его воспитанницы было легко — они ехали, не скрываясь.

Маги... Лунный Воин недоверчиво усмехнулся. Ни разу не довелось ему столкнуться с теми магами, что были известны и почитаемы, с теми, о чьих деяниях говорили с восторгом и придыханием. Саддам видел пока что лишь обычных травников да слабеньких предсказателей и удивлялся: что могли противопоставить эти жалкие людишки великому искусству колдовства на крови? Но окончательно сбрасывать со счетов магов все же стоило. Ранее, во время его великих предков, ни о каких магах вообще никто не слыхал. Говорили, что силу им даровали человеческие боги. Возможно, о чужих богах Саддам знал мало.

Воин тоже путешествовал не таясь, с комфортом. Разумеется, он был приучен обходиться долгое время без еды, питья и отдыха, но терпеть ненужные лишения не собирался. И лишь когда чутье подсказало ему, что дальнейший след неверен, он предпочел вновь стать незаметным.

На очередном постоялом дворе он выяснил, что девчонка с магом были здесь всего лишь пару дней назад. На вопрос о том, куда они направились дальше, паренек с конюшни уверенно назвал приморский город на юго-западе, большой и шумный. Конюх не лгал — ложь Саддам распознавал легко, но вот только, направившись по указанной дороге, Лунный Воин почуял неладное. Его так и тянуло повернуть обратно и поехать вдоль побережья. Дождавшись вечера, Саддам перерезал горло загодя пойманному кролику, досадуя, что приходится обходиться лишь животными жертвами, а затем привычным движением рассек себе ладонь. А затем закрыл глаза и прислушался к гласу Луны. Вскоре он уже знал, что сомнения его были верны — кровь звала его совсем в ином направлении, на юго-восток.

Дорога петляла среди хвойных лесов, затем стрелой тянулась по степи, миновала виноградники, где уже начался сезон сбора тяжелых темных сладких ягод, и наконец привела Саддама в небольшой городок. Остановившись на ночлег и наскоро поужинав, он незаметно выскользнул во тьму. На сей раз для жертвы пришлось стащить у хозяев из курятника шумного драчливого петуха, но угрызений совести Саддам не испытывал — плату трактирщик с проезжающих брал хорошую, небось не разорится от потери.

И вновь Воин получил ответ на свой вопрос. Он отставал от Лессы и Гордона по-прежнему на два дня. И повернули они, покинув городок, вовсе не на юг, как следовало ожидать, а опять на север. Саддам усмехнулся. Было весьма похоже на то, что маг тщательно запутывал следы, вот только иных преследователей Лунный Воин не обнаружил. Мысль о том, что Гордон мог бы догадаться о его существовании, Саддам отмел сразу же. Стало быть, бояться беглецы кого-то другого, вот только кого? Это необходимо было выяснить как можно быстрее, дабы не получить опять наказание от Повелителя. Впрочем, кем бы ни был неизвестный враг Говарда, против Шера ему не выстоять — в этом Саддам был уверен.

Наутро он собрался еще до рассвета и успел покинуть трактир до того, как хозяйка, обнаружив пропажу петуха, подняла визг на весь городок.

Наконец дорога привела Саддама в Палерго, шумный крупный город. Въехал в городские ворота он уже под вечер и сразу же, несмотря на шумную многолюдную толпу, заполонившую улицы, ощутил знакомое азартное предвкушение: дичь где-то близко, охотник выследил ее. Постоялых дворов и трактиров в Палерго было немало, потому розыск девчонки Саддам оставил на следующий день, а сам выбрал для начала уютную комнату на постоялом дворе — не из самых дорогих, дабы не привлекать к себе излишнего внимания, но и далеко не дешевом — долго блаженствовал в горячей ванне, затем со вкусом поужинал и со значением подмигнул пришедшей забрать посуду горничной. Девица поняла его правильно, покрылась румянцем и захихикала, а ночью осторожно постучала в дверь и ужом проскользнула внутрь. Она осталась весьма довольна, долго уверяла Саддама, что не знала мужчины лучше, однако же от предложенного золотого не отказалась и даже тайком попробовала его на зуб, когда случайный любовник отвернулся.

Утром Воин возобновил свои поиски. Он обходил все встречавшиеся на его пути трактиры и постоялые дворы, застывал у окон, будто к чему-то прислушиваясь, затем качал головой и шел дальше. Девчонка была где-то рядом, он чувствовал зов ее крови, но обнаружить желтоглазую никак не мог.

Проходя мимо лавки со сладостями — кондитерской — Саддам ощутил внезапное волнение. Нет, Алессы рядом не было, ее он не чуял, однако же рядом происходило что-то важное. Привыкший доверять своей интуиции, Воин вжался в стену и словно растворился в ней. Во всяком случае, никто из прохожих не обратил на него ни малейшего внимания, как будто его там и не было.

Вскоре в дверях лавки показался высокий темноволосый молодой мужчина. Рядом с ним семенил толстячок, что-то возбужденно рассказывавший и бурно жестикулирующий — лавочник, определил Саддам. Темноволосый слушал собеседника внимательно, но без излишнего любопытства. Глаза его, темно-карие, почти черные, окинули улицу внимательным взглядом и вдруг остановились прямо на лице Лунного Воина. Губы незнакомца дрогнули, будто он хотел задать какой-то вопрос, но внезапно передумал. Брюнет нахмурился, чуть качнул головой и забрал из рук лавочника пакет.

— Благодарю вас, любезный, — сказал он. — Так говорите, через три дня?

— Именно, именно, — закивал толстяк. — Наисвежайшие поставки. Новинка, которая произведет фурор. Непременно заглядывайте, сударь. Ваша дама будет в восторге.

— Моя дама, — повторил заинтересовавшийся Саддама незнакомец с кривой ухмылкой. — Что же, до встречи, любезный.

Он бросил еще один внимательный взгляд в сторону Лунного Воина, которого никак не должен был заметить, а затем развернулся и пошел вниз по улице. Чутье Саддама действительно гнало Воина вслед за брюнетом. Еще ничего не зная о том, кто тот таков, Саддам уже был твердо уверен, что ничего хорошего от незнакомца ждать не следовало. А еще — что просто необходимо последовать за темноволосым и выяснить о нем как можно больше. И самое странное — чутье просто вопило о том, что эта встреча не случайна и что незнакомец каким-то образом связан с желтоглазой девчонкой. И привыкший доверять своей интуиции Саддам решительно пошел следом за неизвестным.

Дорога была утомительной. Разумеется, путешествовали мы с куда как большим комфортом, нежели я во время своей достопамятной поездки из Заводня в Теннант, зато и длился наш путь гораздо дольше. Заниматься магией мне Говард строго-настрого запретил до прибытия в поместье графа, зато велел тренироваться в отключении сознания. Благодаря этому первый день пути пролетел для меня незамеченным, но к вечеру на мое странное состояние обратил внимание наемный кучер и поинтересовался, что это со мной.

— Отчего-то юная госпожа ни на что не реагирует, — обеспокоенно заметил он. — Заболела, что ли?

— Утомилась с непривычки, — пояснил Говард.

На следующий день мне было запрещены любые тренировки — неровен час, заподозрит кто что-то неладное. И все оставшиеся дни пути я либо разглядывала проплывающие за окном леса, поля и города, либо дремала, либо беседовала с дядюшкой. Наибольшую досаду вызывала невозможность в любой момент встать и пройтись — я даже не подозревала, сколь важной является подобная мелочь. И когда экипаж повернул наконец на подъездную дорогу к особняку из светлого камня, я ощутила несказанную радость. Мне было уже не столь важно, как меня встретят и придется ли я ко двору, главное — наш путь наконец-то подходил к завершению.

В сгущавшихся сумерках ярко светились окна особняка графа. За время жизни в Теннанте я насмотрелась на дома богачей, но подобного не видела. Ступени широкого полукруглого крыльца поднимались к открытой веранде. По стенам вились крепкие гибкие плети все еще зеленого растения, усыпанного крупными яркими цветами — его названия я не знала. Хозяин в знак почтения лично вышел встречать нас.

— Рад, что вы приняли мое приглашение, — заявил он, пожимая Говарду руку. — И счастлив видеть вновь вашу очаровательную племянницу. Сейчас вас отведут в ваши комнаты, где вы сможете немного отдохнуть после долгого пути, а за ужином я познакомлю вас с моим кузенком. Весь мой дом в вашем распоряжении, единственная просьба — не покидать его после наступления темноты. На ночь из псарен выпускают собак, чтобы они охраняли наш покой. Днем же можете гулять где угодно. Тимьяна! Позаботься о юной госпоже.

Седовласая невысокая женщина с лучиками морщинок вокруг карих глаз отвела меня в большую комнату на втором этаже.

— Приготовить вам ванну? — доброжелательным тоном осведомилась она у меня.

— Буду вам очень благодарна, — ответила я несколько смущенно.

Пусть в доме Говарда и были экономка и горничная, все же я привыкла сама заботиться о себе. А сейчас Тимьяна пообещала разложить мои вещи и помочь мне раздеться и расчесать волосы. Я попыталась отказаться от ее помощи, но, наткнувшись на недоуменный взгляд, замолчала. Раз уж в этом доме так принято, то устанавливать свои порядки я точно не стану.

Ванна поразила меня. Глубокая мраморная чаща, наполовину утопленная в пол, она наполнялась горячей водой из блестящего крана. У Говарда в доме в умывальню тоже подавалась сразу горячая вода, так что удивило меня вовсе не это. Нет, меня потрясли размеры ванны, в которой могло бы без труда поместиться несколько человек. На специальной полочке стояли флаконы с душистыми маслами и мыльными растворами.

Перенюхав все, я добавила особо понравившееся масло в воду и расслабилась, закрыв глаза. И даже, кажется, задремала.

— Позвольте я помогу вам вымыть волосы, — донесся до меня сквозь блаженный туман голос Тимьяны.

Скрипнув зубами, я уселась на мраморную ступеньку и предоставила служанке возможность поухаживать за мной. Было немного неловко, но не особо неприятно.

Потом я сидела в кресле перед зеркалом в отведенной мне спальне и лакомилась виноградом без косточек из большой вазы, в которой лежали еще апельсины и персики, а Тимьяна тем временем укладывала мне волосы. Похоже, жизнь в богатом особняке далеко не столь уж плоха, как мне показалось поначалу.

Несмотря на съеденную гроздь винограда и два персика, к ужину я проголодалась, потому искусство графского повара (я уже узнала от служанки, что в кухне царствовал мужчина, что меня несколько удивило) занимало мои гораздо сильнее, нежели сам граф и его кузен. Эрвин до сих пор вызывал во мне чувство некоторой неловкости из-за случая во время праздника: пусть он ни разу ни словом не намекнул о нашей встрече, я никак не могла отделаться от мысли, что граф о ней не позабыл, тогда как я сама с удовольствием выкинула бы случившееся тем вечером из памяти. Незнакомый же пока герцог отчего-то представлялся мне высокомерным равнодушным молодым человеком, и я заранее его недолюбливала. Тем сильнее было потрясение.

Герцог был молод, очень молод. Я знала, что он на несколько лет младше своего кузена, но никак не ожидала, что он будет выглядеть озорным юношей ненамного старше того же Тима. Улыбка у Ланса была такой искренней и обаятельной, что поневоле хотелось улыбнуться в ответ. И лишь синие глаза смотрели цепко, внимательно и серьезно. Но стоило Лансу поймать чей-нибудь взгляд — и вновь на его левой щеке появлялась небольшая ямочка от улыбки, выражение лица менялось на добродушно-приветливое, и я начинала теряться в недоумении — уж не почудилась ли мне настороженность в его глазах?

Казалось, я произвела на молодого герцога самое лучшее впечатление. Он поцеловал мне руку при знакомстве, отметил, что я прекрасно выгляжу и спросил, не слишком ли утомила меня дорога. И за столом он развлекал нас с Говардом забавными историями, в то время как Эрвин большей частью отмалчивался. Граф только поинтересовался, нашли ли мы удобными отведенные нам комнаты, и вновь заверил, что его особняк находится в полнейшем нашем распоряжении.

После ужина, который, несомненно, был поистине великолепен, мужчины удалились для разговора, а мне было предложено несколько развлечений на выбор. Так, я могла прогуляться по саду, покуда еще не выпустили собак, посмотреть старинные гравюры либо же посетить библиотеку графа. Поскольку я порядком устала, а гравюрами не интересовалась вовсе, то выбрала последнее и вскоре с восторгом рассматривала поистине книжную сокровищницу. Даже в доме Говарда книг было меньше в разы!

Впрочем, одиночеством я наслаждалась недолго. Едва я выбрала парочку книг для чтения, как в дверь библиотеки негромко, но твердо постучали. Возникший на пороге пожилой представительный слуга вежливо сообщил мне, что господа желают меня видеть, и он готов сию минуту сопроводить меня в кабинет графа.

— Располагайтесь, Алесса, — предложил мне Ланс, указывая на глубокое мягкое кресло. — Желаете сока или вина?

— Сока, — неуверенно ответила я.



Я была уверена, что Ланс сразу же приступит к разговору о моем отце — иначе зачем бы ему звать меня? Но нет, он лично подал мне сок, поправил подушки и придвинул скамеечку для ног.

— Не уверен, что вам будут интересны наши разговоры, — пояснил он с усмешкой. — Но ваш опекун настаивал на вашем присутствии.

И он бросил на Говарда вопросительный взгляд.

— Лесса, — негромко сказал дядюшка, — покажи-ка этим господам знак на твоей руке.

К подобной просьбе я была готова, потому без возражений закатала рукав и вытянула руку вперед. Ланс внимательно всмотрелся в отметину. Насмешливое выражение исчезло с его лица, уступая место недоумению.

— Не может быть, — тихо произнес он. — Вы позволите?

И, не дожидаясь моего ответа, потер пальцем изображение крылатой ящерицы.

Эрвин встал со своего места, подошел к нам и тоже склонился над моей рукой. И лишь Говард, посмеиваясь, отхлебывал вино из своего кубка.

— Настоящая, — зачарованно протянул Ланс, поняв тщетность своих попыток стереть метку с моей кожи.

— Вы знали? — требовательно спросил Эрвин, резко поворачиваясь к Говарду.

— Подозревал, — признался мой дядюшка. — Прошу заметить, молодые люди, я до сих пор не был в полной уверенности. Все-таки вы утаили, какая именно отметина была у дочери Литора. Но, судя по вашему поведению, вы искали девушку как раз с таким знаком.

— Да, — выдохнул Ланс, крепко сжав мою ладонь. — Я столько лет искал вас, Лесса. Поверить не могу, что вы пришли к нам сами.

В синих глазах юного герцога появилось выражение неподдельного восторга. Он еще сильнее, почти до боли, стиснул мою руку.

— Говард, — отрывисто бросил между тем Эрвин, — вы ведь сами занимались обучением своей воспитанницы, не так ли? Что вы можете сказать о ее магическом потенциале? Велика ли ее сила?

— Велика, — хмуро ответил дядюшка. — Но пока еще нестабильна. Да и сама Лесса не научилась как следует с ней управляться. Так что я предпочел бы, чтобы вы ее в своих играх не использовали. Сам я готов помочь вам по мере своих сил, но вот девочку лучше оставить в покое. Я бы ничего вам не сказал, да вот только опасаясь, что вскоре вы бы все выяснили и сами.

— Выяснили бы, — подтвердил граф. — Не удивлюсь, если Тимьяна уже нынче вечером доложит об отметине на руке вашей так называемой племянницы. Я ведь прав — Алесса вам не родственница?

— Нет, — ответил Говард. — Но я полагаю ее своей родней, и отсутствие общей крови мне в том не помеха. Потому предлагаю позабыть о том, кто в действительности является отцом девочки.

Я уже хотела возмутиться — как так позабыть? я ведь желала побольше узнать о своем отце! — но меня опередил Ланс.

— Увы, но я вынужден возразить, — серьезно сказал он. — Можно, конечно, сделать вид, что Алесса — ваша настоящая родственница, не обладающая к тому же особыми талантами. Быть может, нас даже не уличат в обмане. Насколько мне известно, Ингрид до сих пор уверена, что у Литора родился сын. Но вот если наша затея провалится — а я правильно понял, вы боитесь именно этого? — то Лесса будет считаться племянницей заговорщика.

Полагаете, Роланд и Ингрид жалеют над ней? Нам же сейчас необходима любая помощь. Любая, Говард. К тому же у нас имеются записи Литора. Возможно, они пригодятся вам в обучении.

— Я пока не готов дать окончательный ответ, — резко произнес бывший маг.

А я закусила губу. Решалась моя судьба, но никто из мужчин не считал нужным поинтересоваться моим мнением.

— Ладно, — как-то подозрительно легко согласился с Говардом Ланс. — Вопрос участия — либо же неучастия — Алессы в нашем деле мы отложим на потом. А пока, как я понимаю, вы желаете узнать расстановку сил на сегодня?

— Да, мне интересно было бы послушать. Должен же я знать, во что именно ввязываюсь и каковы наши шансы на успех.

Поскольку удалиться меня не попросили, а самой встать и покинуть кабинет показалось мне невежливым, я тоже вынуждена была выслушивать планы Лансы и отчеты об уже проделанном. Народная поддержка, переговоры и договоренности с высшей знатью герцогства — я мало что понимала в рассказе юного Бранвийского, но Говард довольно кивал, значит, деятельность Ланса его устраивала.

— Весьма разумно, — наконец вынес вердикт маг. — Вы действительно обеспечили себе хорошую поддержку. А сейчас меня интересуют те люди, которые по любым причинам — из выгоды ли либо из личных мотивов — обязательно будут поддерживать герцогиню. О враге следует знать как можно больше.

— Сведениями о сторонниках Ингрид мы располагаем, — ответил Эрвин. — Вы тоже согласны, что она куда опаснее своего муженька?

— Насколько я понимаю, сам по себе Роланд мало на что способен, — задумчиво сказал Говард. — В народе его ненавидят, в ближайшем окружении недолюбливают. Имеются, разумеется, прилипалы и подпевалы, но нынешний герцог по сути является марионеткой, которой ловко руководит супруга. Во всяком случае, из ваших слов я сделал именно такой вывод.

И опять речь зашла о незнакомых мне людях. Кто как и чем живет, имеет друзей, врагов, любовниц, доходы и долги... Эта часть разговора была мне совсем неинтересна. Наконец дядюшка заметил, что я с трудом преодолеваю дремоту, и, спохватившись, отправил меня спать.

После завтрака Ланс любезно вызвался сопровождать меня на прогулке, пока Говард и Эрвин заперлись в кабинете, обсуждая какие-то важные вопросы. Поначалу разговор крутился вокруг погоды, куда более теплой в это время года на юге, нежели в Теннате, сортов кофе, которые предпочитал каждый из нас (я — чуть более мягкие, нежели Ланс, который любил более крепкий кофе с горчинкой), и сладостей. Некоторые перечисленные молодым Бранвийским названия я услышала впервые, и он тут же пообещал непременно привезти мне из городской кондитерской коробку побольше. А потом я набралась смелости и попросила:

— Расскажите мне о моих родителях. Вы ведь знали их, не так ли?

— Только вашего отца. С его женой — и, соответственно, вашей матерью — я знаком не был. Правда, сам я был тогда еще мал, потому располагаю теперь лишь смутными детскими воспоминаниями. Поразительно, — он горько усмехнулся, — но ситуация с моими родителями обстоит ровно таким же образом. Свою мать я знаю только по портретам, а отца помню плохо. Зато я перескажу вам все то, что узнал некогда от слуг Литора. Согласны?

Разумеется, я была согласна.

— Ну что же, тогда начнем с рассказов слуг. Ваша мать была... необычной, Лесса.

— Странной? — переспросила я упавшим голосом.

— Нет, не странной, а именно необычной. Хотя, разумеется, некоторые странности, настораживающие слуг, все-таки имелись. Во-первых, ее имя, непривычное для местного уха — ее звали Кара. Во-вторых, ее внешность, особенно странный янтарный цвет глаз — я вижу, что вы унаследовали его от матери. В-третьих, Кара никогда не вспоминала ни о своей семье, ни о своей родине, хотя было очевидно, что она не бранвийка. Ее происхождение абсолютно точно не было простым — уж слуги-то в подобном разбираются, но она ни разу о нем не упомянула, как и Литор. Далее: по воспоминаниям всех, кто ее знал, Кара была женщиной щедрой, великодушной и доброй, но почему-то всегда печальной. Кое-кому из прислуги даже казалось, будто ее снедает неизлечимая болезнь, но тогда становилось неясным, отчего же супруг ее, сильнейший маг Бранвии, не предпринимает никаких попыток ее исцелить. Могу точно сказать одно: слухов вокруг вашей матери ходило много, но были ли среди них правдивые — не знаю. Ах да, жила она безвыездно и довольно уединенно в находящемся в отдалении от герцогского замка доме Литора. Дружбы ни с кем не водила и жилья своего во время отлучек супруга не покидала.

— Действительно, странно, — пробормотала я.

— Перед своей смертью умирающий маг сумел каким-то образом сообщить жене, что его отравили. Подозреваю, что именно на это и ушли остатки его сил. Кара собрала немногочисленных слуг, раздала им деньги и объявила, что их хозяин и герцог отравлены герцогиней, и что всем им необходимо скрыться. Куда исчезла она сама — никто не знал, а слуг приютил у себя отец Эрвина — как вы знаете, мы с ним состоим в родстве. Пока служанки в панике металась по дому, собирая свои нехитрые пожитки, Кара с крохотной дочерью умудрилась скрыться так, что даже уход ее заметили не сразу.

— Не знаю, куда она пошла, — прошептала я со слезами на глазах, — и как именно оказалась в той лодке, только нашли ее на берегу моря жители северной деревушки. И она уже была мертва. А я вот выжила.

— Вероятно, мы так ничего и не узнаем о том, откуда она была родом и что заставляло ее грустить, — мягко сказал Ланс. — Зато о вашем отце я могу рассказать гораздо больше.

И я выслушала долгие рассказы о детстве герцога, о том, каким замечательным магом был мой отец, с каким почтением все прислушивались к его словам, как он мог располагать к себе людей. Случайно ли так вышло либо Ланс умышленно поставил перед собой такую задачу, только вскоре мне уже казалось, что маг Литор был едва ли не лучшим из людей, а теперь прах его вызывает об отмщении. И что я, дочь безвинно погибшего, просто обязана отплатить за смерть отца.

От разговора о Литоре мы как-то постепенно перешли к моим собственным магическим умениям. Я не выдержала и похвалилась тем, как ловко научилась совсем недавно ставить огненную стену. Ланс смотрел на меня с восхищением, а я преисполнилась гордости — никогда ни в одном мужском взгляде я не видела такого восторга. К тому же Ланс был не сыном рыбака или сапожника, а самым настоящим герцогом! Разумеется, я была польщена его вниманием.

Зато после прогулки меня ждали дела пусть и интересные, но трудные — разбор записей моего отца и попытки воспроизвести описанные в них деяния. Разумеется, сразу у меня ровным счетом ничего не получилось. Как бы ни пыталась я сосредоточиться, но

всякий раз раздраженно опускала руки.

— Ничего, — утешал меня Говард. — Все у тебя получится. Ты настоящая дочь своего отца, унаследовавшая его силу. Ну-ка попробуй еще раз.

И я пробовала еще, и еще, и еще, но результата добились совсем нескоро.

Ланс неизменно расспрашивал меня о том, как проходят мои занятия. Было видно, что его действительно интересуют мои ответы, и я охотно рассказывала ему все в подробностях. Впервые у меня появился собеседник, с которым я могла бы поделиться своими успехами и неудачами, ведь о своем обучении я не говорила ни подругам, ни Тиму. Экономке и горничной магия была неинтересна, так что прежде обсуждать подобные вопросы я могла только с Говардом. Но Говард был моим наставником, а к Лансу я относилась по-дружески. И глаза дядюшки никогда не горели таким жадным любопытством, а на лице не проступало восхищение, когда я повествовала о том, насколько мне удалось продвинуться в решении очередной задачи.

Зачастую при наших разговорах присутствовал Эрвин. Он редко задавал мне вопросы, но слушал меня внимательно, пусть и не так жадно, как его кузен. Признаться, я все еще смущалась графа. И меня очень интересовало, поделился ли он с Лансом увиденным той ночью в Теннанте? Стоило мне только представить, в каких выражениях двое молодых мужчин могут обсуждать мои пьяные поцелуи с Тимом, как мои уши и щеки начинали пылать, а самой мне хотелось куда-нибудь спрятаться. Я вовсе не желала, чтобы Ланс дурно думал обо мне, но никак не могла набраться смелости и поговорить с Эрвином, попросить его держать увиденное в секрете. Мне было нестерпимо стыдно. Но герцог ни разу не взглянул на меня презрительно либо пренебрежительно, да и Солейский вел себя по отношению ко мне безукоризненно. И я решила, что он просто позабыл о нашей первой встрече.

На третий день своего пребывания в поместье я получила обещанные сладости, огромную коробку, как и грозился Ланс. Правда, привез ее из города Эрвин, но точно по просьбе кузена. Особенно мне понравился уваренный до твердого состояния фруктовый сок с орехами.

— Вкусно, — сообщила я, запив приличный кусок лакомства глотком кофе.

— Я рад, что вам нравится, — любезно ответил граф. — Кондитер еще обещал какую-то новинку. По его уверениям, новую сладость можно будет съесть вместе с пальцами. Я непременно привезу вам на пробу.

— Желаете оставить меня без пальцев? — засмеялась я.

— О нет, я уверен, что калечить вас вовсе не входит в планы Эрвина, — возразил Ланс. — Не так ли, кузен?

Но Эрвин не поддержал шутливый разговор. Напротив, он внезапно нахмурился, будто подумав о чем-то неприятном.

— Сегодня, когда я покидал кондитерскую, произошло нечто странное, — немного помедлив, неохотно произнес он. — Странное и, надо заметить, тревожащее. Когда я прощался с хозяином лавки, то ощутил на себе чей-то внимательный взгляд. Я посмотрел в ту сторону, но никого не увидел. И лишь присмотревшись, смог различить смутные очертания мужской фигуры. Притом неясный этот силуэт будто размывался, постоянно теряясь из виду. Но я уверен, что таинственный некто наблюдал за мной, причем явно с недобрыми намерениями. Я будто бы кожей ощущал исходящую от незнакомца угрозу. И пусть день был теплый, но меня пробрал озноб. Интересно, что бы это видение могло

означать?

Ланса встревожил рассказ кузена, пусть он и постарался не выказывать беспокойства, да и мне стало не по себе.

— Полагаешь, то был соглядатай моей любезной мачехи?

Эрвин покачал головой.

— Не думаю. Но в любом случае нам следует быть настороже. Если же люди Ингрид все-таки сумели выследить тебя, то мы узнаем об этом совсем скоро. Однако же что-то подсказывает мне, что, пусть происшествие и сулит нам неприятности, но с герцогиней оно не связано.

Некоторое время мы еще пообсуждали рассказ графа, но ни к каким внятным выводам так и не пришли. И решили, что необходимо поставить в известность Говарда, который за столом не присутствовал — отказался, сославшись на попавшуюся ему в библиотеке чрезвычайно увлекательную книгу. Авось бывший маг что и посоветует.

Он еще раз перечитал недавно полученное письмо. Четкий слегка угловатый почерк почти без завитушек, легко уловимые намеки среди нагромождения стандартных вежливых фраз. Как некстати... Сейчас Лансу надо было бы разобраться с едва наметившейся проблемой, а здесь еще и это... Он тяжело вздохнул и уронил голову на скрещенные на столе руки.

— Неприятности? — спросил кузен, потихоньку обедающий гроздь винограда.

— Нет, не сказал бы. Ничего неожиданного, просто несколько не вовремя. Послушай, не съешь весь виноград, я тоже хочу.

— Еще принесут, — отмахнулся Эрвин. — А ты не переводи тему. Что в письме?

— Фердинанд готов поддержать нас, но желает гарантий.

— Разумно с его стороны, — Эрвин закинул очередную ягоду в рот, прожевал ее и лишь после спросил. — Чего же он хочет?

— Намекает на брак, — вздохнул Ланс. — Желает видеть свою дочь герцогиней Бранвийской.

Граф Солейский пожал плечами.

— Не могу его упрекнуть. Фердинанд всегда чувял свою выгоду.

Молодой герцог подозрительно прищурился.

— Сдается мне, ты не слишком хорошо понимаешь серьезность проблемы.

— Да ладно тебе, дорогой мой кузен. Подумаешь — невесту подсовывают, велика беда! Меня мой отец и вовсе постоянно женить пытается. Достаточно вспомнить двух последних претенденток на роль графини Солейской — и озноб пробивает. На редкость глупые зануды, скажу я тебе.

— Змея и Патока? — припомнил Ланс рассказы кузена.

— Они самые. Вряд ли дочь Фердинанда будет хуже. Как ее, кстати, зовут?

— Бьянка. Восемнадцати лет отроду. Судя по словам приближенных к семье — редкостная красавица.

— Вот видишь, — усмехнулся Эрвин. — Все далеко не так плохо. Ты получишь разом поддержку влиятельного семейства и красавицу-жену.

— А какое-нибудь другое влиятельное семейство, из тех, что мы почти, — на этом слове Ланс сделал ударение, — так вот, почти переманили на свою сторону, разобидится, что я выбрал дочь Фердинанда Лотарского, и сдаст нас Ингрид с потрохами.

— Думаю, сам Фердинанд прекрасно все это понимает и даже, возможно, разделяет твои опасения, — заметил граф. — Потому он, скорее всего, будет настаивать на тайной договоренности. Возможно, потребует от тебя какую-нибудь клятву. Но женишься ты не раньше, чем станешь законным герцогом.

— И все равно не нравится мне эта затея. Ощущение, будто мне выкручивают руки. И самое главное — граф Лотарский собрался нас навестить. Вместе с дочерью, разумеется. И ты сам прекрасно понимаешь, что отказать ему мы никак не сможем.

— Не сможем, — уныло отозвался Эрвин. — А у нас уже гостит Говард. И Лесса. Как некстати...

— А я тебе о чем говорил? — несколько злорадно спросил у него кузен.

На некоторое время в кабинете повисло тягостное молчание. Молодые люди

лихорадочно пытались найти выход из ситуации, но ничего толкового так и не пришло им в головы. Оставалось только положиться на случай и уповать на удачу.

Рассказ Эрвина дядюшку встревожил.

— Когда-то я читал о чем-то подобном, — задумчиво произнес он, — но вот так сразу не вспомню. Одно только могу сказать точно — не к добру случившееся. Значит, вы ощутили чужой взгляд?

— Да, и легкий озноб, несмотря на теплую погоду, — подтвердил Эрвин.

— И вам стало не по себе? У вас было предчувствие грозящей вам опасности?

Граф задумался.

— Нет, не совсем. В тот момент мне ничего не угрожало, но вот в грядущих неприятностях я был уверен. Такое, знаете, мерзкое чувство, будто вот-вот случится нечто плохое.

— Понятно, — пробормотал Говард. — Есть у меня кое-какие догадки, но их надо проверить. Пожалуй, я вернусь в библиотеку и посмотрю — видел я там парочку старинных книг, в которых может быть ответ на эту загадку.

— А потом поделитесь с нами вашими соображениями? — спросил Ланс.

— Непременно, — пообещал маг.

В библиотеке он просидел до ужина. Разговаривать за столом даже просто о делах, не говоря уж о вещах неприятных, Говард всегда категорически отказывался, полагая, что подобные беседы способны кому угодно испортить аппетит, так что мы еще некоторое время промаялись от любопытства — зато с поданными блюдами расправились на редкость быстро. И лишь в кабинете, куда молчаливые слуги как-то незаметно умудрялись приносить фрукты и напитки, дядюшка поделился своими догадками.

— Есть очень древние южные легенды, — начал он, — повествующие о затерянном посреди пустыни городе. Обитают в нем демоны, наделенные сверхъестественными способностями. Помимо прочего, эти демоны могут становиться невидимыми и передвигаться быстро и бесшумно. Мало кто из людей мог обнаружить присутствие демона пустыни, если он не желал обнаружить себя.

Мы поежились.

— Никогда не слышал о подобных персонажах, — заметил Ланс.

— Неудивительно. В Бранвии ни в легендах, ни в сказаниях ничего не сказано о пустыне и о населяющих ее существах — слишком далеко. А вот у народов, живущих много южнее, до сих пор рассказывают страшные сказки о всемогущих демонах, что пьют человеческую кровь. Якобы в давние времена пропадали караваны, вырезались целые деревни и даже города, а перепуганные жители предпочитали сами откупаться от налетчиков, жертвуя тем самым красивых девушек — непременно девственниц. Еще ходят легенды о несметных сокровищах, сокрытых где-то в барханах — ни один искатель не вернулся домой.

— И вы полагаете, что нас посетил легендарный пустынный демон? — недоверчиво спросил Эрвин. — Что позабыл он здесь, в Бранвии, столь далеко от родных песков?

— Я и сам понимаю, что подобное кажется невозможным, — развел руками Говард. — Чтобы в Палерго внезапно оказалось существо из полузабытых легенд далеких южных земель — такого и я никак представить не мог. Однако же ничего больше мне в голову не пришло. Да и ваш рассказ, Эрвин, слишком уж походил на истории из южных сказок — там



появление демонов описывалось именно так. Ощущение недоброго взгляда, внезапно накатывающий ужас, пробирающая до костей дрожь, предчувствие беды — все именно так, как вы и говорили.

Вероятно, следует упомянуть, что мы с дядюшкой обращались к хозяевам поместья по именам. Это была идея Ланса. Он заверил нас, что в нынешних условиях излишние церемонии будут только мешать.

— Ну хорошо, — сказал Эрвин. — Допустим, мы поверим в ожившую легенду. Пусть я повстречался с этим самым пустынным демоном. Чего он хочет от меня? Вы упомянули, что эти создания питаются кровью, стало быть, он увидел во мне подходящую пищу?

Говард досадливо поморщился.

— Не питаются, а пьют кровь. Большая разница, между прочим. Чтобы вы знали, молодые люди, человеческая кровь издавна использовалась в различных ритуалах, позднее запрещенных. Да, Лесса, тебе я тоже пока еще не рассказывал об этой странице истории, полагал, что ты слишком мала для подобных откровений. Но раз уж так вышло, то больше скрывать не стану. Тем более, что сведения о подробностях этих ритуалов давно утрачены, и теперь ни один маг при всем желании не сможет их воспроизвести. Есть у меня, кстати, догадка, в правильности которой я отнюдь не уверен. Но все же может оказаться, что мифические демоны были просто сильными колдунами. Если так, то мы сможем побороться с незваными гостями.

— Дядюшка, — робко спросила я, — а вы уверены, что этот колдун — или демон — непременно заявится сюда, в поместье?

Слова о незваных гостях мне не просто не понравились — они привели меня в ужас. Что могли мы противопоставить столь страшной магии, если Говард давно утратил силу, а я еще мало что толком умела?

— Не уверен, но нам надо готовиться к худшему, — жестко ответил Говард. — Эрвин чем-то заинтересовал неизвестного. Так что вполне вероятно, что вскоре нам нанесут визит.

— Вот же... — проглотил ругательство Ланс. — Как будто без них нам проблем не хватает!

— Да, — мрачно добавил Эрвин, — сегодня прямо день неприятных известий. И все они связаны с нежеланными визитами.

Дядюшка бросил в его сторону вопросительный взгляд.

— Есть еще что-то, чего я не знаю?

— Сегодня мой кузен получил письмо от графа Лотарского, — невесело пояснил Эрвин. — Фердинанд собирается погостить у нас вместе со своей дочерью, которую усиленно сватает Лансу.

— Эрвин!

— Лучше сказать сразу и напрямик, — упрямо заявил Солейский. — Фердинанд обещает нам свою поддержку в обмен на выгодный брак для Бьянки.

У меня было такое ощущение, будто меня ударили куда-то в живот, отчего потемнело в глазах и на мгновение перехватило дыхание. За недолгое время, проведенное в поместье, я уже успела привыкнуть к тому, что Ланс всегда рядом, интересуется моими делами, восхищается мной. И вот теперь приедет его невеста. Другая, которой достанется все его внимание. Мне было не просто больно, но и сильно обидно. Я ведь всерьез поверила в интерес герцога ко мне, а он, оказывается, воспринимал меня просто как... Как кого? Как перспективного мага? Как временное увлечение?

— Меня вовсе не радует приезд Фердинанда, — сказал тем временем Ланс. — И я далеко не в восторге от его затеи. Ни разу не видел в глаза эту Бьянку и не горю желанием на ней жениться. Говард, возможно, вы сумеете придумать какой-нибудь выход?

— Не знаю, — честно ответил маг. — Лично я с графом Лотарским незнаком. Но вот наслышан о нем немало. И, исходя из услышанного, граф — человек упрямый. Так что я вовсе не уверен, что вам удастся его переубедить. Но наша задача теперь осложняется, ведь надо будет позаботиться еще и о безопасности ваших новых гостей.

— Мы можем запира́ть двери и выпускать собак пораньше, — уныло отозвался герцог. — Еще можно устроить патрулирование не только по ночам, но и днем. Вот и все, что приходит мне в голову.

— Я еще подумаю над этим вопросом, — пообещал Говард. — Авось и придумаю что-нибудь. А сейчас предлагаю разойтись. Засиделись мы за полночь, а хороший отдых способствует восстановлению сил, как физических, так и умственных.

С этим предложением все согласились. Но разошлись по спальням мы в самом мрачном расположении духа. И не знаю, как остальные, а я так и не смогла заснуть, проворочавшись в кровати почти до рассвета. В голову лезли глупые неприятные мысли. И лишь когда темнота за окном начала сереть, я провалилась в чуткий беспокойный сон.

Как он и предполагал, чутье его не подвело. Темноволосый незнакомец привел его прямо к разыскиваемой девушке. Саддам хорошенько осмотрел поместье, не заходя, впрочем, в дом. По вечерам ворота запирали и выпускали собак — огромных злобных волкодавов. Нелишняя мера предосторожности, но абсолютно бесполезная против Лунных Воинов.

Девушку Саддам пока видел только издали, но сомнений не было — это она, Алесса, та, что нужна Повелителю. Кроме девушки, в доме проживали еще трое мужчин и несколько слуг обоего пола. Слуг Саддам пока что даже не удосужился посчитать — им он уделял внимания еще меньше, нежели собакам, да и хлопот от последних явно будет больше. В самом же поместье явно что-то затевалось. Саддам уловил особую нервную атмосферу и решил обязательно доложить о том Повелителю.

На сей раз беседовать с Шером пришлось из негустой рощицы, растущей между городом и поместьем. Рассудив, что кроликом или курицей в таком деле не обойдешься, Саддам загодя прикупил на рынке ягненка и безо всяких сожалений перерезал тому горло. Мешая свою кровь с кровью жертвенного животного, Лунный Воин мысленно взывал к своему владыке.

И Шер ему ответил. Сумрак на небольшой поляне сгустился в расплывчатую фигуру, и знакомый голос нетерпеливо спросил:

— Ты нашел ее?

— Нашел, мой Повелитель, — ответил Саддам, не рискуя подняться с колен без позволения.

— Где?

— В Палерго, Повелитель. Это город на юге Бранвии, в полутора днях пути от побережья.

— Хорошо. Оставайся там, я приду на зов твоей крови.

Саддам замялся. Пожалуй, следовало рассказать владыке обо всех своих догадках, дабы потом не ощутить на себе вновь силу его гнева.

— Повелитель, — начал наконец он, склонив голову, — девушка с мужчиной, называющим себя ее дядей, гостит в поместье местного графа.

Шер слушал молча.

— Мне удалось выяснить, что в этом поместье также уже несколько лет проживает друг графа.

Саддам не мог видеть лица Повелителя, однако был уверен, что у того дернулся в усмешке уголок рта.

— Нет, между молодыми людьми нет никаких особых отношений, — поспешно сказал Лунный Воин. — Однако же мне показалось странным, что этот самый друг покидает поместье как правило только в обществе хозяина имения. Помимо того, дом усиленно охраняется. По ночам запираются все выходы, а из псарни выпускаются собаки. И несколько раз за ночь устраиваются обходы. Это насторожило меня, Повелитель. Жителей Палерго нельзя назвать легкомысленными, но они ограничиваются тем, что просто запирают на ночь двери своих домов. Чего — или кого — так боится хозяин поместья?

— Разумней, — отрывисто бросил владыка. — Если затеваются какие-то неприятности,

то я меньше всего хочу, чтобы при этом пострадала Алесса. Возможно, упомянутые тобой молодые люди имеют отношение к твоему делу в Бранвии. Если я не ошибаюсь, та особа, Ингрид, как раз желала найти своего пасынка, потому что боится переворота. В поместье вполне могут жить заговорщики. Впрочем, это всего лишь одна из версий. Я скоро буду, Садам. Постарайся выяснить как можно больше к моему прибытию.

Садам согнулся почти до земли, а когда вновь поднял голову, Повелитель уже исчез. Лишь несколько пожелтевших листьев кружились на том месте, где совсем недавно клубился плотный сумрак.

Чем меньше времени оставалось до приезда новых гостей, тем более нервной и раздражительной я становилась. Под разными предлогами я отказывалась от прогулок с Лансом, предпочитая проводить время в одиночестве. Эрвин вновь привез из города большую коробку сладостей, но даже они оставили меня равнодушной. Я сухо поблагодарила графа и с неким злорадным удовольствием уловила растерянность, на миг промелькнувшую на его лице. Впрочем, он быстро совладал с собой.

— Что-то произошло, Лесса? Вам нездоровиться? Или вы напуганы?

Я ухватилась за последнее предположение, которым легко можно было объяснить перемены в моем поведении.

— Да, рассказ дядюшки о пустынных демонах произвел на меня сильное впечатление. Я бы не желала, чтобы неожиданный визитер застал нас врасплох.

Эрвин поджал губы, но ничего не сказал, хотя у меня осталось впечатление, что не слишком-то он мне поверил.

Но куда хуже было то, что я никак не могла сосредоточиться на занятиях, что, само собой, не прошло мимо внимания Говарда.

— Лесса, девочка, что с тобой? — обеспокоенно спросил он. — Ты стала такой рассеянной.

Я попробовала и ему озвучить ту же версию, что и графу, но Говард перебил меня.

— Я слишком хорошо тебя знаю, Лесса, чтобы заметить — дело вовсе не в страхе. Так что случилось? Тебя кто-нибудь обидел? Ланс? Эрвин?

Я в ужасе помотала головой. Не приведи боги, дядюшка еще подумает, что я и граф... или герцог... Нет-нет, мысли о подобном я старательно гнала от себя.

**Больше книг на сайте - [Knigolub.net](http://Knigolub.net)**

— Скоро приезжает невеста Ланса, — призналась я Говарду в причине своего дурного настроения. — И я опасаюсь, что она будет смотреть на меня свысока — как же, дочь графа, а с ней за один стол посадят деревенскую девку!

Дядюшка поднялся со своего места, двумя шагами преодолел разделявшее нас расстояние и взял меня за руку.

— Что за дурные мысли, дорогая? Это ты-то — деревенская девка? Да твоим отцом был самый сильный маг Бранвии! Твое происхождение ничуть не хуже, чем у Бьянки.

— Но Фердинанду и его дочери меня представят вашей племянницей, — уныло возразила я.

Это была правда: Ланс не желал, по его словам, «заранее открывать все карты», потому о моем родстве с Литором решено было умолчать.

— А сейчас ты оскорбляешь меня, Лесса, — со смешком сказал Говард. — Я ведь тоже, представь себе, маг не из последних, хоть и бывший, а вовсе не простой деревенский мужик. Так что выше голову, девочка. Не тебе склоняться перед графской дочкой. К тому же Бьянка вовсе не обязательно окажется заносчивой девицей. Возможно, вы с ней еще поладите.

Я сильно в этом сомневалась, но все же кивнула, не желая расстраивать дядюшку.

А потом оказалось, что волноваться мне следовало и вовсе об ином. Потому как с легендарным демоном пустыни я познакомилась прежде, нежели с графской дочкой.

Посреди ночи я проснулась от странного ощущения, будто кто-то пристально смотрит

на меня. И тут же услышала тихое:

— Только не кричи, Лесса.

Разумеется, я тут же собралась заорать, но, к своему ужасу, не смогла издать ни звука. Сердце пропустило пару ударов, по спине потек противный липкий холодный пот и, кажется, даже волосы зашевелились — впрочем, за последнее я поручиться не могла.

— Я же попросил, Лесса, — в незнакомом голосе слышались одновременно насмешка и упрек.

Внезапно ярко вспыхнула масляная лампа под абажуром из золотистого стекла на прикроватном столике, и я, поморгав немного, смогла рассмотреть незваного гостя. Он был красив, очень красив: смуглая кожа, недлинный нос с небольшой горбинкой, четко очерченные губы, глаза того же странного янтарного цвета, что и у меня, и черные волосы почти до лопаток. Я уставилась на него самым неприличным образом, совершенно позабыв о той двусмысленной ситуации, в которую попала. Мысль о том, что я лежу перед незнакомцем в одной только ночной рубашке, пусть даже и скрытая одеялом, отчего-то даже не пришла мне в голову.

— Нравлюсь? — поинтересовался ночной визитер и прикоснулся к моим вискам кончиками пальцев.

Мне тут же захотелось ответить на его вопрос, причем ответить правдиво.

— Очень, — призналась я. — А вы мне снится, да?

И неожиданное появление незнакомца в моей спальне, и свое странное состояние я могла объяснить только сном.

— Не снюсь, — ответил мне гость. — Я — настоящий.

— Но кто вы такой?

Мне больше не было страшно. Позже, в который раз вспоминая все детали и подробности той ночи, я пришла к выводу, что незнакомец каким-то образом смог воздействовать на мой разум, заставив доверять ему.

— Я твой друг, Лесса. Я пришел, чтобы помочь тебе.

— Помочь? — удивилась я. — Но в чем? И как вас зовут?

— Меня зовут Шер, дорогая девочка. Посмотри мне в глаза, Лесса. Вот так, внимательнее, не отводи взгляд. Красивая девочка, очень красивая. И очень сильная, я чувствую это.

Крепкая теплая мужская ладонь погладила меня по щеке. Мне захотелось зажмуриться и потереться щекой о руку Шера. И я бы так и поступила, но меня остановил окрик:

— Открой глаза! Не отводи взгляд!

И я вновь тонула в потоке расплавленного золота, и мысли улетучивались из головы, и мне казалось, что стоит только раскинуть руки — и я взлечу, таким легким, невесомым вдруг почувствовалось собственное тело. Но горящий взгляд Шера крепко удерживал меня, приковывая к себе. А потом к моим губам прикоснулись горячие губы.

Поцелуй был коротким, миг — и Шер отстранился, все еще не отпуская мой взгляд. Очень хотелось потянуться к нему, прильнуть, но что-то удерживало меня от подобного поступка. Мужчина усмехнулся.

— Да, я не ошибся. В тебе есть сила. Это хорошо.

Я молча смотрела на него, а он вновь прикоснулся к моим вискам.

— Спи, Лесса. Завтра я опять приду. А ты никому обо мне не расскажешь.

Голова потяжелела, глаза закрылись сами собой. А когда я распахнула их вновь, было

уже утро.

Солнечный свет лился сквозь щель в тяжелых бархатных занавесях, высвечивая яркую дорожку на полу и оставляя углы комнаты в полумраке. Я попыталась встать, но голова закружилась столь сильно, что мне пришлось ухватиться за спинку кровати. Я внезапно вспомнила ночного визитера, взгляд его золотистых глаз, вкрадчивый шепот и прикосновение губ. Прижав ладонь к пылающему лбу, я попыталась разобраться, был ли то сон или меня в действительности посетил прекрасный незнакомец. Вспомнив слова, сказанные им на прощание, я упрямо решила рассказать все дядюшке, умолчав, само собой, о поцелуе — об этом Говарду знать было вовсе необязательно.

Я долго готовилась к разговору, так и эдак вертела фразы, тщательно продумывала, что бы и как сказать, дабы не выдать лишнего — и в результате ничего не получилось. Повторилась ночная ситуация в спальне, когда я хотела закричать, но горло словно сжало спазмом. Удивившись, я спросила у Говарда о какой-то ерунде — голос ко мне вернулся. Но стоило вновь попробовать заговорить о Шере — и снова я не смогла выдавить из себя ни звука. А где-то на краю сознания раздался короткий ехидный смешок.

Что же, я окончательно убедилась в том, что ночной гость мне не приснился, но вот толку с этого было мало — все равно поделиться произошедшим я ни с кем не могла. Оставалось только дожидаться следующего визита Шера в надежде выпросить побольше у него самого. Весь день я думала только о загадочном мужчине, лишь пару раз мельком вспомнив о скором приезде Бьянки, что так тревожил меня совсем недавно.

— С вами определенно что-то происходит, Лесса, — проницательно заметил Эрвин, когда мы столкнулись в библиотеке. — Сегодня вы еще более задумчивая, нежели в последние дни. Быть может, вам нужно развеяться? Не желаете съездить в Палерго? Мы могли бы погулять в парке, покататься на лодке по озеру, зайти в кондитерскую.

Я покачала головой.

— Благодарю вас за беспокойство, но нет, у меня нет желания покидать поместье.

Граф слегка нахмурился.

— Быть может, вы скучаете по... по нему? — несколько неловко выговорил он, понизив голос.

Я не сразу сообразила, кто такой «он», по ком я могла бы скучать. Первая мысль была о Лансе — но с ним мы виделись ежедневно, о Шере Эрвин ничего, к счастью, не знал. И лишь несколько мгновений спустя я поняла, что собеседник спрашивал меня о Тиме.

— Нет, вовсе нет, — сухо ответила я. — Мы расстались. Это было просто детское увлечение.

О том, что поцелуям здорово поспособствовала выпитая брага, я упоминать не стала, посчитав подробности излишними.

— Вот, значит, как, — задумчиво сказал Эрвин. — Тогда осмелюсь предположить, что вы скучаете по Теннанту? По подругам — у вас ведь были подруги?

— Были. И я действительно по ним скучаю, — призналась я. — А еще я переживаю из-за того, что могу не оправдать ваши ожидания. Да, мой отец был сильным магом, но я-то не живое воплощение Литора, а всего лишь его дочь. Вдруг я не справлюсь?

Эрвин взял мою руку и крепко сжал ее.

— Не стоит переживать, Лесса. Что бы ни наговорил вам Ланс, это его битва, а не ваша. И у него есть все средства для того, чтобы победить. Конечно, поддержка сильного мага никогда не будет лишней. Но я верю в своего кузена, он способен справиться и без вас.

Я едва не рассмеялась нервным смехом. Да, возможно, Ланс сможет вернуть себе Бранвию и без моей поддержки. Но вот против Шера он точно бессилён. Хотя... Шер ведь ни слова не сказал о том, что ему нужно что-либо от молодого герцога. Нет, он всячески давал мне понять, что появился в поместье только из-за меня. Определенно, у него были какие-то свои цели и планы, но вот какие?

Эрвин тем временем принялся поглаживать мою ладонь большим пальцем. Осознав его действия, я вспыхнула и вырвала руку.

— Благодарю вас, граф, — сказала я, опасаясь показаться невежливой или обидеть его своим поступком. — Ваши слова немного успокоили меня.

И уже оставшись в одиночестве, задумалась: могло ли быть так, чтобы я нравилась графу Солейскому? Или я просто надумала себе эту симпатию, как совсем недавно с Лансом?

Я была решительно настроена не спать и заметить, каким образом Шер проникнет в мою комнату. Переодеваться в ночную рубашку я не стала, оставшись в платье, но волосы заплела в простую косу. Уселась в кресло, укутав ноги пледом, и уставилась в окно в уверенности, что вскоре вчерашний гость появится вновь. Но Шера все не было и не было, и я наконец задремала.

Разбудил меня тихий смешок.

— Ты ждала меня, Лесса?

Шер устроился на подлокотнике моего кресла и уже держал меня за руку. За окном все еще было темно — до рассвета далеко.

— Зачем я вам нужна? — требовательно спросила я. — Вы приходите ко мне, не задаете вопросов о других обитателях дома, запрещаете рассказывать о наших встречах. Чего вы добиваетесь?

— Разве это не очевидно? — в голосе Шера звучало удивление. — Я хочу понравиться тебе.

И он поднес мою руку к губам, принялся целовать пальцы. Жар побежал от руки по всему телу, разлился в груди, голова затуманилась, мысли разбежались. Мне все труднее было сосредоточиться на разговоре, но отнимать руку я отчего-то не спешила. Днем с Эрвином я действовала куда решительнее. Воспоминание о графе немного отрезвило меня.

— Вы меня совсем не знаете, — сказала я. Хотела твердо, но вышло почти жалобно.

Горячие губы прильнули к запястью и задержались на несколько томительных мгновений, и лишь потом Шер ответил:

— Я знаю о тебе достаточно, Лесса, поверь мне. Достаточно, чтобы с уверенностью утверждать — ты нужна мне.

— Расскажи мне о себе, — попросила я.

— А что ты хочешь узнать?

Он оставил мои пальцы в покое и теперь прикасался почти невесомыми поцелуями к волосам, а я не находила в себе сил оттолкнуть его.

— Все, что ты захочешь мне сказать. Откуда ты? Где твой дом? Как ты меня нашел?

— Любопытная девочка, — Шер тихо засмеялся.

— Это плохо?

— Нет, что ты. Ты имеешь право на вопросы.

Разговор отвлек его от поцелуев, зато теперь он гладил кончиками пальцев мою ладонь, отчего охвативший меня жар только разгорался сильнее.



— Я родился в прекрасном величественном городе из белого мрамора посреди пустыни, Лесса. В городе столь древнем, что даже в легендах не сохранилось его название...

Он говорил, а перед моими глазами словно наяву возникали роскошные дворцы, звенящие фонтаны, шумные торговые площади, над которыми висит острый запах специй, сквозь него едва уловимо пробивается аромат растущих повсюду цветов — непривычно ярких либо кипенно-белых. Я словно вживую видела смуглокожих людей, закутанных с ног до головы в одежды, дабы спастись от нещадного солнца, крытые носилки на плечах полуобнаженных сильных рабов, пестрые гомонящие толпы на улицах. Перед моим внутренним взором возникали пышные сады, изящные статуи и поражающие своим величием храмы, в которых приносились жертвы Луне.

— Но я никогда не слышала о Галирфане. Что с ним случилось?

— Об этом я расскажу тебе в следующий раз, Лесса. Скоро рассвет, мне пора. Спи, моя девочка. И больше не нарушай мой наказ — обо мне никто не должен знать.

Снова легкое прикосновение пальцев к вискам — и вот глаза мои сами собой закрываются. А просыпаюсь я уже поздним утром от неприятных ощущений в затекшем из-за неудобной для сна позы теле.

Так быстро, как только позволили мне ноющие мышцы, я скинула платье, натянула ночную рубашку и разворошила постель — ни к чему Тимьяне знать, что я провела ночь в кресле. Распорядилась принести завтрак прямо в спальню, отметив про себя, сколь быстро ко мне пристали господские замашки, и задумалась. Итак, рассказать о визитах Шера я никому не могу. В голову пришла была мысль написать дядюшке письмо, раз уж говорить мне нельзя, но, обрадовавшись поначалу, я быстро поняла всю тщетность своих попыток. Шер предусмотрел и это. Вместо слов моя рука, абсолютно мне не повинуюсь, выводила какие-то маловразумительные каракули. Показавшаяся мне столь блестящей идея успехом не увенчалась. Стало быть, мне оставалось только ждать и стараться вытянуть из Шера побольше сведений. Похоже, он действительно не собирается причинять мне вред. А еще надо попробовать поискать в библиотеке хоть какие-нибудь сведения о неведомом Галирфане. Разумеется, дядюшка прочел все, что смог обнаружить о демонах пустыни — а я не сомневалась, что именно к ним мой новый знакомый и относится — но название затерянного города из его уст не прозвучало. Возможно, мне удастся найти что-нибудь, ускользнувшее от внимания Говарда.

С этой мыслью я и направилась в библиотеку, где и застала Ланса. Наследник Бранвии, похоже, не выспался: он был бледен, под глазами у него залегли темные круги, а на подбородке явственно была заметна щетина.

— Вас не было за завтраком, Лесса, — заметил он. — Вы плохо себя чувствуете?

Да что они все пристали ко мне, будто сговорились! С трудом подавив злобный порыв и старательно удерживая на лице милую улыбку, я ответила:

— Нет, со мной все в порядке. Просто я проспала и не захотела торопиться, собираясь к завтраку. А когда приедет граф Лотарский с дочерью?

При упоминании о приезде будущей невесты Ланс скривился, будто от сильной зубной боли.

— Завтра к ужину пожелают. Лесса, не желаете прогуляться? Стоят последние теплые дни, не следует их упускать.

Я собиралась, конечно, поискать книги, в которых мог бы упоминаться Галирфан, но внезапно мне стало жаль Ланса. Похоже, он действительно был далеко не в восторге от

условий графа Фердинанда. С некоторым злорадством я отметила, что разговаривать о Бьянке молодой герцог не захотел. И я ответила:

— Хорошо, давайте пройдемся.

Во время прогулки Ланс делился со мной воспоминаниями, описывая замок своего детства, причем пару раз ненавязчиво подчеркнул, что я тоже жила бы там, воспитывалась вместе с ним, если бы не его убийца-мачеха. Он описывал высокие стены, просторные покои, панели из темного дерева, картины, ковры и галереи, а я мимо воли вспоминала слова Эрвина о том, что это не моя битва. Странное дело, рассказы Ланса пробуждали воспоминания о детских мечтах, в которых отец находил меня и забирал в свой дом, но сердце сжималось от тоски не по незнакомому мне Литору, а по такой любимой матушке Сузи. По женщине, ставшей мне родной. По маленькому уютному домику с белеными стенами, пусть и не богатому, зато знакомому от трещинок на подоконнике до скрипучей ступеньки крыльца. По Дену и Тине — как они там? По такой простой, беззаботной жизни, в которой не было места герцогиням-убийцам, всемогущим магам и демонам пустыни.

Прогулку нашу прервал вернувшийся из Палерго Эрвин. Заметив нас Лансом, он отчего-то помрачнел, напомнил, что скоро обед и сообщил, что привез для герцога пару писем от его сторонников. Письма эти молодые люди решили обсудить после обеда, а пока Эрвин предложил составить нам компанию. Но в его присутствии разговор отчего-то не клеился. Ланс перестал предаваться воспоминаниям и упоминать о мести за смерть Генриха и Литора, а сам Эрвин большей частью молчал. Я попыталась разговорить своих спутников, но попытки мои не увенчались успехом. И когда настало время возвращаться в дом, я тайком вздохнула с облегчением.

Мне очень не хотелось вторую ночь подряд засыпать в кресле, но улечься в кровать я все же не рискнула. Сколь ни мало я понимала во взаимоотношениях мужчины и женщины, но Шер определенно пытался меня соблазнить — иного объяснения его поступкам у меня не было. Смущало и даже злило то, что я сама никак не могла определиться со своим к нему отношением. С одной стороны, я его боялась, но с другой — находила притягательным. И, правду сказать, его прикосновения не были мне неприятны. Пожалуй, позволить ему большее, чем невинное касание губами, я не была готова, но даже эти легкие поцелуи разжигали жар внутри. И я злилась на себя и недоумевала, почему мое тело реагировало на него подобным образом. Причем рассудком я понимала, что должна освободиться, оттолкнуть Шера, но вот подчиниться требованию разума у меня отчего-то никак не получалось. И еще меня сильно испугало брошенное вскользь упоминание о приносимых Луне жертвах. В чем они состояли, я не поинтересовалась, но что-то подсказывало мне, что от своих адептов Луна получала вовсе не корзины с фруктами и не букеты цветов.

Появление Шера я опять пропустила, прикрыв глаза лишь на мгновение.

— Это магия, да? — спросила я немного осуждающим тоном.

— Что именно, Лесса? — уточнил он, устраиваясь на ковре у моих ног.

— То, что ты появляешься и исчезаешь незаметно. Ты погружаешь меня в сон помимо моей воли?

Казалось, Шер вовсе не раскаивается.

— Хорошо, что ты заговорила об этом сама, Лесса. Мне многое нужно тебе рассказать.

— О себе?

— Нет, Алесса, о тебе.

Вот тут я изумилась.

— Но что ты мне можешь рассказать такого, чего я не знаю?

Шер хитро улыбнулся.

— Неужели ты не желаешь узнать побольше о своей матери?

Я была поражена. По словам Ланса, даже слуги покойного Литора почти ничего не знали о Каре. Откуда же у Шера сведения о ней?

— Вижу, ты заинтересовалась, — удовлетворенно заметил он. — Ты спрашивала меня о магии? Так вот, народ Галирфана, дети Луны, владеют особой магией, доступной лишь избранным. А наиболее сильно она проявляет себя в крови потомков древних правителей.

— Значит, моя мама была твоей соотечественницей? — догадалась я.

— Более того — родственницей. Мы с Каридой принадлежали к одному роду.

— Карида, — прошептала я. — Мне говорили, что отец звал ее Карой.

На мгновение лицо Шера переменялось, он крепко сжал зубы, будто я сказала ему нечто неприятное. Но он тут же улыбнулся мне, и я даже усомнилась: не почудилась ли мне эта зловещая перемена?

— Скажи, Лесса, какие из своих успехов в магии ты можешь назвать самыми выдающимися?

Да уж, новый знакомый умел удивлять и сбивать с толку.

— Я умею ставить стену огня, — похвасталась я недавним достижением.

— Замечательно, — просиял Шер. — А теперь смотри.

И руке его невесть откуда появился серебряный нож, которым он полоснул себя по ладони. Я испуганно вскрикнула.

— Дай свою руку, Лесса. Не бойся, тебе не будет больно. Мне нужна всего одна капля твоей крови.

Боли я действительно не ощутила, только легкий укол. Алая капля набухла, сорвалась с пальца вниз, упала на ладонь Шера и смешалась с его кровью. А потом вокруг нас закрутился огненный вихрь. Я готова была поклясться, что созданный Шером огонь был живым, почти разумным. Он носился по комнате, охватывал стены, потолок, кружился рядом с нами, но не тронул ни единого предмета. А когда языки пламени стали принимать причудливые формы, превращаясь то в драконов, то в невиданных птиц, то в гигантских ящериц, я не выдержала и издала восхищенный вздох. А потом испуганно охнула.

— Ночная стража! Та, что патрулирует поместье! Сейчас стражники заметят огонь и решат, что начался пожар!

— Ничего они не заметят, — успокоил меня Шер. — Они спят, как и их собаки. И проснутся только тогда, когда я им позволю.

— Но ведь тогда получает, что в дом может забраться посторонний?

— Посторонний — нет, а я — да. Но я ведь для тебя свой? — спросил мой гость вкрадчивым шепотом.

Ответа на его вопрос я не знала, потому задала в ответ свой:

— А зачем тебе нужна была моя кровь? Без нее бы ты так не смог?

— Смог бы. Но я хотел проверить, почувствую ли я более мощную силу, смешав твою кровь со своей.

— И как — почувствовал?

Мне действительно было любопытно. Похоже, магия Шера сильно отличалась от того, что знала и умела я. И Говард никогда не рассказывал мне ни о чем подобном.

— Почувствовал. Лесса, Лесса, вдвоем мы способны завоевать целый мир. Я брошу его к

твоим ногам. Все, все склонят головы перед новой Повелительницей!

Он махнул рукой, и пламя, бушевавшее вокруг нас, утихло. Глаза Шера сияли, мне же, напротив, стало не по себе. Я вовсе не желала становиться Повелительницей. Невольно вспомнились слова гадалки о том, что я смогу отомстить всем своим врагам, но придется дорого расплатиться. Тогда-то я сочла предсказание бредом, но теперь видела, что оно начинает сбываться.

Шер же поднялся на ноги и теперь в радостном возбуждении расхаживал по комнате.

— Твоя кровь не менее сильна, нежели у Карида, Лесса. И это удивительно, ведь ты принадлежишь к народу Луны только по материнской линии. А еще у тебя есть свой собственный дар! Девочка моя, как же я рад, что нашел тебя!

И он вытащил меня из кресла, подхватил на руки и закружил. А когда вновь опустил на пол, я увидела его шальной взгляд и поняла, что мне надо срочно отвлечь гостя каким-либо вопросом. Он уже склонил голову для поцелуя, когда я спросила:

— Шер, а почему моя мама никогда никому не рассказывала о своей семье? Я-то ее не помню, разумеется, но Ланс пересказал мне то, что узнал от слуг моего отца. Так вот, мама никогда не упоминала о своем происхождении. Что с ней произошло? Она сбежала из Галирфана? Или совершила какой-то проступок и ее изгнали?

Мужчина, нахмурившись, резко отстранился от меня, чем я и поспешила воспользоваться, опять устроившись в кресле, только на сей раз с ногами.

— Карида влюбилась, — наконец произнес Шер после нескольких мгновений тягостного молчания. — И ушла за своим избранником в его мир, навсегда покинув Галирфан.

Голос его был сух, спокоен и безэмоционален, но мне почудились в нем отголоски затаенной боли. И я задала следующий вопрос:

— Ты хорошо знал ее, да?

— Я думал, что хорошо ее знаю.

На сей раз я поняла, что не ошиблась: голос его слегка вздрогнул на втором слове. Значит, с моей мамой его связывали какие-то особые отношения.

— Расскажи мне о ней.

— Зачем? — вот теперь я явно услышала гнев. — Она давно умерла, Лесса. Почему ты расспрашиваешь о ней?

— Потому, что хочу побольше узнать о своей маме, — я изо всех сил старалась выглядеть наивной и безмятежной девочкой. — Я ведь совсем не помню ее. И Ланс ничего о ней не знает.

О могиле на погосте Бухты-за-Скалами и об оставшихся в доме Сузи драгоценностях мне хватило ума умолчать.

— Хорошо, Лесса, я расскажу тебе о Кариде. Но только не сегодня, хорошо? Сейчас мне пора, поэтому — спи, моя девочка.

Опять легкое прикосновение к вискам, опять головокружение и провал в памяти. А наутро я проснулась не в кресле, но в своей постели. Без платья, только лишь в нижней сорочке и панталонах.

А следующий день принес иной повод для переживаний. Приехал Фердинанд Лотарский с дочерью. Похоже, начали сбываться мои худшие опасения.

Сам граф был со мной безукоризненно вежлив. Ланс представил ему дядюшку как своего ближайшего соратника и советника, и Фердинанд церемонно с ним раскланялся. Обо

мне, как и было решено заранее, Ланс упомянул лишь то, что я родственница и ученица Говарда. Впрочем, граф Лотарский и меня приветствовал весь сердечно, уверив, что весьма рад знакомству.

А вот Бьянка вела себя иначе. Красавица с иссиня-черными волосами, белой кожей без намека на румянец и большими темными глазами, она на всех смотрела холодно и немного свысока. Бьянка поблагодарила Эрвина за гостеприимство и надолго замолчала, предоставив своему отцу описывать тяготы их путешествия. На меня девушка едва взглянула.

По ее поведению за ужином было понятно, что Бьянка привыкла быть в центре мужского внимания: она несколько снисходительно позволяла Лансу ухаживать за собой и развлекать беседой. А Эрвин, будто бы в пику ей, все свое внимание уделял мне.

Один лишь Говард вел себя так, будто ничего не происходит, и любезно беседовал с Фердинандом. Сам же граф то и дело бросал быстрые острые взгляды в сторону дочери и Ланса. Бьянка за все время ужина на отца ни разу не взглянула. Впрочем, мне показалось, что она вообще никого, кроме молодого герцога, не замечает.

Вечер закончился рано, поскольку Фердинанд и Бьянка устали с дороги. Вскоре после их ухода распрощался с нами и Ланс, а Говард давно уже отправился в свою любимую библиотеку. Мы с Эрвином остались вдвоем.

— Вам не понравились гости, Лесса, — проницательно заметил он. — Сожалею, но поделаться ничего нельзя: Лотарский очень важен для Ланса. Как вы знаете, приближается день, когда наш друг сможет официально претендовать на наследство, а Фердинанд обеспечит Лансу мощную поддержку. Потому-то я и прошу вас немного потерпеть.

— О чем вы? — искренне удивилась я. — Я такая же гостья в вашем имени, как и Бьянка. Никакими особыми привилегиями я не обладаю.

Эрвин поднялся из кресла и несколько раз пересек комнату из угла в угол. Наконец он остановился возле моего кресла, глубоко вздохнул, и, будто решившись, заговорил:

— Нет, Лесса, вы особенная. Особенная для меня. Погодите, не перебивайте. Я знаю, что сейчас не время и не место, что вы растеряны и выбиты из колеи, но я хочу, чтобы вы знали: я всегда буду на вашей стороне. Что бы ни случилось, я всегда поддержу вас.

— Спасибо, — пробормотала я, не отрывая взгляда от пола.

— Я не буду требовать от вас ответа, — продолжал Эрвин. — Надеюсь, мы с вами сможем вернуться к этому разговору позже, когда судьба Бранвии решится. И возможно, что...

Он не договорил, опустил на пол у моих ног и прижал к губам мою ладонь. А затем так же молча поднялся и вышел, оставив меня одну.

— Ну наконец-то! — в голосе белокурой красавицы отчетливо слышалось раздражение. — Я ждала вас много раньше.

Саддам нахмурился. Никто не смел выказывать Лунному Воину своего недовольства, тем более не собирался он спускать подобное поведение женщине. Над ним властен только повелитель да еще Луна, а простых смертных следовало ставить на место. Он смерил Ингрид презрительным взглядом с головы до ног и криво усмехнулся.

— Мне показалось, или ты повысила на меня голос, женщина?

Он не выказывал ей подобающего герцогине почтения и готов был поклясться, что подобное отношение ее раздражало, но одновременно и возбуждало. Вот и сейчас под его взглядом на скулах женщины вспыхнули алые пятна, она тяжело задышала. Саддаму в голову взбрела мысль, что сегодня он, пожалуй, не откажется от того, что ему так откровенно предлагают. Пусть Ингрид ни произнесла не слова о том, что хочет его, он, неплохо изучивший местных женщин, все понимал и так. Если она и будет сопротивляться, то совсем недолго и только для вида. А Саддам давно лишал себя телесных радостей подобного рода, что не одобрил бы его наставник. Тот полагал регулярную близость с женщиной полезной для здоровья. Но сначала — дело. Дождавшись, пока опустившая глаза Ингрид заверит его, что вовсе не желала выказать ему неуважение, Лунный Воин подал ей флягу.

— Пей.

Глаза женщины блеснули, она с жадностью глотнула напиток. Ингрид ни разу не поинтересовалась, из чего готовится зелье, возвращавшее ей красоту и молодость. Наверное, оно и к лучшему — смысла обманывать ее в этом вопросе Саддам не видел, а правдивый ответ герцогиню вряд ли бы обрадовал. Закончив пить, женщина протянула опустевшую флягу обратно.

— А теперь подойди к окну, повернись ко мне спиной и обопрись на подоконник, — скомандовал Саддам.

Она все поняла верно и даже не подумала сопротивляться. Напротив, удовлетворенно вздохнула и облизнула губы. А когда Лунный Воин задирает ей юбку, тихо прошептала:

— Наконец-то. А то я уж думала, что женщины тебя не интересуют.

И тут же получила за неуважение сильный удар по обнаженным молочно-белым ягодицам.

— Не смей разговаривать со мной в подобном тоне, — прошипел Саддам.

А потом им обоим надолго стало не до разговоров.

Когда же они, наконец отдышавшись, поправляли помятую одежду и растрепавшиеся волосы, Ингрид спросила:

— А как же мальчишки? Вы обнаружили их следы?

Тема была скользкой. Повелитель запретил Саддаму рассказывать герцогине о том, что они уже обнаружили убежище Ланса. О Лессе же и вовсе нельзя было упоминать. Но Ингрид ни в коем случае не должна была насторожиться или подумать, будто ее водят за нос.

— Мы над этим работаем, — уклончиво ответил Лунный Воин. — Но нам нужны дети. Что там с приютом?

— Почти все готово. Семь ребятишек якобы из-за легочных заболеваний переводят из приюта на севере в другой, на побережье. Если по дороге парочка из них умрет, это никого

не удивит. Честно говоря, — женщина поморщилась, — я не понимаю, какая нужда была моему покойному супругу открывать эти приюты. Вполне хватило бы тех, что существуют при храмах. Но нет же, он понастроил приюты, школы, госпитали для бедных, а мне теперь всем этим занимайся! Роланд ворчит, что на благотворительность уходит слишком много денег, и предлагает позакрывать все эти учреждения. Идиот! Народ и без того его не любит.

Слушать о супруге своей случайной любовницы Саддаму было неинтересно, но перебивать женщину он не стал. Давно, еще в самом начале обучения, наставник объяснил ему, что нужно запоминать все сведения — никогда не знаешь, что тебе однажды может пригодиться. Дождавшись, пока герцогиня успокоится и перестанет ругать Роланда, Лунный Воин сказал:

— На этом все. О следующей встрече я сообщу.

На прощание Ингрид прильнула к нему всем телом, что не вызвало у Саддама никакого отклика: он уже получил свое удовольствие и в большем пока не нуждался. А когда женщина ушла, привычно порезал ладонь для связи с повелителем, вытащив перед этим из стоящей в углу клетки загодя купленного козленка.

Фердинанд полагал, что у Ланса есть все шансы вернуть герцогство себе. Роланда недолюбливали не только простолюдины, но и знать. Он умудрился настроить против себя едва ли не всю Бранвию, за исключением горстки своих прихлебателей. Основная трудность, по общему мнению, заключалась в том, что просто так попасть на совет и не быть перехваченным преданными Ингрид людьми, Лансу было затруднительно. К счастью, он хорошо знал замок и был в курсе потайных ходов, но проблема со стражниками и гвардейцами все равно оставалась. И сейчас Ланс, Эрвин и Фердинанд ломали головы над тем, каким образом они и их союзники смогут либо подкупить и переманить на свою сторону людей герцогини, либо же провести на территорию замка большое количество своих воинов, не вызвав при этом подозрений.

Серьезные разногласия у молодого герцога с графом Лотарским вызвали предположения о дальнейшей судьбе Ингрид и Роланда. Ланс настаивал, что мачеха должна ответить за убийство его отца, на что Фердинанд резонно возражал, что никакими доказательствами вины герцогини они не располагают, следовательно, обвинять ее не могут. Однажды он даже предложил подсыпать Ингрид яд, но поддержки эта идея не встретила, и Фердинанд мигом перевел все в шутку. Предложение Эрвина отправить женщину в какую-нибудь отдаленную небогатую обитель тоже отклонили — на подобное требовалось согласие супруга. Выходило, что как ни крути, а нынешние правители Бранвии выберутся сухими из воды.

— Не переживай, — утешал Эрвин кузена. — Проведем проверку и сможем прижать Роланда за растраты. Как-никак, но официально он не герцог, а твой опекун, потому тратить казну на свои прихоти права не имел.

Но Роланд волновал Ланса мало. Куда больше он желал отомстить Ингрид, и я пребывала в уверенности, что затею свою он не оставил, просто с остальными своими планами не делится.

Фердинанд довольно быстро освоился в поместье и общался с нами, будто со старыми друзьями. Его же дочь по-прежнему оставалась высокомерной и молчаливой, на меня посматривала свысока. Шер, при котором я однажды упомянула о графской дочери, предложил насрать на нее порчу, но я отказалась. Если Ланс женится на Бьянке, то достанется Бранвии порченная герцогиня, и тогда меня совесть загрызет. Впрочем, Ланс вовсе не походил на счастливого влюбленного. Он был неизменно галантен с предполагаемой невестой, но их отношения не тянули даже на дружеские. Скорее уж я бы сказала, что они общаются, будто малознакомые люди. В обсуждениях планов по возвращению Лансу его титула Бьянка не участвовала, зато любила в одиночестве бродить по парку или сидеть на веранде с книгой.

Эрвин словно бы позабыл о тех словах, что сказал мне не столь давно. Лишь иногда смотрел на меня с какой-то затаенной грустью и пару раз задержал мою руку в своей. Я уже даже начинала злиться на его нерешительность, но подумав, осознала, что оно и к лучшему. Ведь неизвестно, что предпринял бы Шер, узнав, что меня связывают с кем-либо из молодых людей романтические отношения.

Шер навещал меня почти каждую ночь. И вот он-то как раз ясно обозначил свои намерения, но слишком уж давить на меня не стал. Он любил держать меня за руку, гладить



мои волосы, целовать пальцы. Несколько раз его губы прижимались к моим губам, но то были короткие, пусть и жаркие поцелуи. И все же я подсознательно ожидала того момента, когда ему захочется большего. Не стану отрицать, мысли о Шере волновали меня, но все же больше пугали. Его планы о возрожденном Галирфане отдавали безумием, но чем дольше я общалась с мужчиной, тем больше понимала, что их воплощение в жизнь вполне реально. О культе Луны Шер рассказывал неохотно, но даже обрывочных сведений хватило, чтобы ужаснуть меня. В Бранвии люди поклонялись разным богам, и жертвы приносились тоже разные. Например, Морской Бог, столь почитаемый в Бухте-за-Скалами, к каждому празднику осени получал корзину спелых яблок и груш даже в неурожайный год. В больших городах храмам, как я знала, жертвовали и деньги, и драгоценности. Но Луна получала кровавые подношения, и я подозревала, что на алтарях лилась не только кровь животных. Да, магическая сила адептов Луны была велика, но мысль о том, чтобы оплачивать свое могущество чужой кровью, приводила меня в ужас. Несмотря на это, я постоянно расспрашивала Шера и упрашивала его показать мне что-нибудь интересное в надежде, что я сумею сделать нечто подобное своими силами. Однажды мне удалось уловить принцип магического сна и я сумела усыпить сидящего на ветке нахохлившегося грача. Когда же я поделилась своей радостью с Шером, он только рассмеялся.

— Когда мы вернемся в Галирфан, я сам займусь твоим обучением. И ты с легкостью сможешь погрузить в сон хоть целую толпу.

В Галирфан мне вовсе не хотелось, но свои мысли я благоразумно держала при себе.

Еще я часто расспрашивала Шера о своей матери, Кариде. Тот с затаенной нежностью поведал мне о детских годах родственницы — как я поняла, сам он был на несколько лет старше. Сейчас Шер выглядел ровесником Эрвина, но я по Говарду знала, что маги способны сохранять молодость очень долго. И еще мне показалось, что отношение Шера к Кариде было особенным. Об этом он не обмолвился ни словом, да и вообще о тех годах, когда Карида вышла из детского возраста, говорил неохотно, но я догадалась. И подозревала, что именно этим чувством объясняется интерес Шера ко мне. Иной раз я даже сокрушалась, что мне так не везет с мужчинами. Останься я в Бухте-за-Скалами, давно бы вышла замуж, а теперь вот Шер видит во мне мою мать, Ланс — орудие мщения, а о чувствах Эрвина ничего сказать с уверенностью я не могу. Но, разумеется, это вовсе не значило, что я желала бы вернуться в северную деревеньку. Хотя иногда я вспоминала романы из сундука матушки Сузи, и испытывала сожаление, что в моей жизни не приключилось столь страстной любви, как в любимых книгах.

— Я бы хотела вернуться домой, отец.

— Что за блажь? — Фердинанд со стуком поставил на низкий столик кубок, из которого потягивал вино. — Бьянка, что за чушь взбрела тебе в голову? Ты собираешься оказать неуважение нашим гостеприимным хозяевам?

— Нет, я хочу прервать затянувшийся визит и избавить хозяев от незваной гостьи.

Граф поморщился.

— Опять ты за свое. Не начинай снова этот разговор. Мне-то казалось, что вы с Лансом неплохо поладили. Согласись, он весьма привлекательный молодой человек. Он умен, образован, галантен...

— И он меня не любит, — закончила фразу отца девушка. — Я ему не нужна.

— Нужна!

— Отец, ему нужна твоя поддержка, а не твоя дочь, — горько усмехнулась девушка. — Согласись, это все-таки разные вещи.

— Бьянка! — Фердинанд начал раздражаться. — Я забочусь исключительно о твоём будущем. Благодаря мне ты станешь герцогиней.

Девушке очень хотелось ехидно заметить, что сам отец в таком случае станет тестем герцога, но она не осмелилась на столь откровенную дерзость.

— Ланс никогда не забудет, что супружество со мной ему навязали. И не простит мне этого. Как скоро он начнет мне изменять? Даже сейчас он то и дело поглядывает на эту девчонку, племянницу мага.

— Не выдумывай, — скривил губы Фердинанд. — В эту девчонку — довольно хорошенькую, кстати — влюблен наш любезный хозяин, граф Солейский. И не очень-то похоже, чтобы она отвечала ему взаимностью. Она вообще какая-то странная, эта Лесса. Я как раз хотел попросить тебя присмотреться к ней повнимательнее. Попробуй с ней подружиться.

— Не думаю, что у меня получится, — возразила Бьянка. — Лесса меня недолюбливает. Правду сказать, ко мне все в этом поместье относятся с прохладцей. Отец, прошу тебя, давай уедем!

— Не блажи! — строго одернул ее граф. — Отставь свои женские капризы, все равно они на меня не действуют. Любовь — не любовь, какая разница. У вас с герцогом будет политический союз. Открыто изменять тебе он все равно не станет, а то, о чем ты не знаешь, и беспокоить тебя не должно. А теперь ступай к себе да надень платье поярче да пооткрытее. Ведешь себя, будто сестра из обители, и еще удивляешься, почему молодой человек тобой не интересуется.

Бьянка послушно склонила голову и молча выскользнула за дверь. Ничего удивительного, все, как обычно. Отец всегда считал ее своей маленькой глупышкой, которая сама не знает, в чем состоит ее счастье. И устраивал жизнь Бьянки по своему разумению.

Отец всегда знал, как лучше. Маленькая Бьянка неоднократно видела, как ее мать спрашивает у мужа, какие драгоценности ей лучше надеть к новому платью. И если вдруг граф указывал на изумрудный гарнитур к алтому атласу, графиня все равно слушалась безоговорочно. Старший брат водил компанию с теми мальчишками, которых одобрил отец. И невесту своему наследнику Фердинанд тоже подобрал сам. Правда, Бьянка отчего-то

наивно надеялась, что уж ей-то спутника жизни позволят выбрать самостоятельно. Она давно поняла, что замужество — единственный способ вырваться из-под навязчивой отцовской опеки. И старательно присматривалась к претендентам на свою руку, благо, что оных было предостаточно. Участие же графа в столь важном вопросе заключалось лишь в том, что он ограничил круг общения дочери теми молодыми людьми, коих счел достойными. А потом ему взбрело в голову сделать Бьянку герцогиней. Возражений он по своему обыкновению слушать не пожелал, и вот она здесь, в этом поместье, где никто ей не рад. Ланса она раздражает, Бьянка поняла это сразу. Даже не так она сама по себе, как тот факт, что вскоре она станет его женой. Эрвин тоже не испытывает к ней приязни — во всем поддерживает свою обожаемую Лессу. Лесса... Вот уж кто злил Бьянку безмерно, до того, что всякий раз при виде девчонки она накрепко сцепляла зубы, дабы не наговорить той гадостей. Вокруг ни чем не примечательной особы прямо-таки вились два самых завидных жениха Бранвии. Да-да, Бьянка не солгала отцу: она действительно не раз замечала, какие взгляды ее будущий супруг бросает украдкой на племянницу мага. А невыносимая девица как будто ничего и не замечала. Графская же дочь отчаянно завидовала той свободе, что Говард предоставлял племяннице. Глупая Алесса даже не знала, какое это счастье: делать то, что тебе нравится, одеваться в выбранную самой одежду, дружить с теми, кто по нраву тебе, а не твоему отцу, наконец, выйти замуж по собственному выбору.

Ну вот, стоило Бьянке вспомнить о второй гостье графа Солейского, как она тут же на нее наткнулась. Лесса с ногами сидела на широком подоконнике и листала какую-то книгу. Первым побуждением Бьянки было молча пройти мимо, но она вспомнила приказ отца подружиться с племянницей Говарда. Глубоко вздохнув, Бьянка сделала пару шагов и остановилась у окна.

Лесса на мгновение подняла на нее взгляд и вновь уткнулась в книгу. Бьянка мучительно перебирала в уме темы для разговора: о погоде, о книге, которую держит в руках Лесса, о вчерашнем ужине — все не то, все выглядит слишком искусственно и натянуто. Наконец она сообразила:

— Вы не подскажете, где я могу обнаружить графа Солейского? Я никак не могу его найти.

— Эрвин уехал в Палерго, — равнодушно отозвалась Лесса. — Пообещал привезти сладостей из кондитерской.

И даже не спросила, зачем он понадобился Бьянке. Похоже, отец прав и эта странная девица воспринимает ухаживания графа как должное, но взаимностью ему не отвечает. Однако же, сама того не желая, она подкинула Бьянке тему для дальнейшей беседы.

— Он привезет что-то особенное? — прощепетала она, тоже устраниваясь на подоконнике. — Признаться, его повар и без того готовит великолепные десерты.

— Обещал шоколадные конфеты, — коротко ответила племянница мага, даже не отрываясь от чтения.

И как прикажете с такой дружить? Но сдаваться так просто Бьянка приучена не была. Она расправила юбки и приготовилась к беседе. Очень долгой беседе, желала того сама Лесса или нет.

Пока что все шло так, как и было задумано. Саддам повидался с Ингрид и получил от нее обещанные жертвы, дав взамен женщине приготовленный на крови напиток. Приютские дети были как нельзя кстати — открыто похищать девушек или ребятишек для своих целей Лунные Воины пока не рисковали. Конечно, если попадались юные бродяжки, которых никто не станет искать, то здесь поклонников Луны сомнения не мучили, но подобное случалось не столь уж и часто. А с помощью герцогини они получили две замечательные жертвы к полнолунию.

Шера немного беспокоило то, что на время обряда придется оставить Лессу и не навещать ее довольно продолжительное время, но он успокаивал себя, повторяя, что девочка уже успела привязаться к нему. Она жадно выслушивала его рассказы о великом Галирфане и с неподдельным интересом расспрашивала о магических возможностях крови. Владыка был рад обучать ее, пусть ко многому Лесса и была пока еще не готова. Например, он старательно избегал любых упоминаний о человеческих жертвах. Ни к чему девочке знать об этом, еще испугается. Вот потом, когда ей исполнится восемнадцать...

На лице Шера появилась предвкушающая улыбка. Ждать осталось не так уж долго. Скоро, совсем скоро дочь Кариды будет полностью принадлежать ему. И разделит с ним власть над миром.

— Вот видишь, — сказал он, беседуя по привычке с портретом давно умершей возлюбленной, — все равно тебе не удалось сбежать от меня. Ничего у тебя не получилось. Я нашел твою дочь и скоро она станет моей.

Иной раз в его сознании образы матери и дочери сливались так, что он даже себе не мог бы ответить на вопрос: кого именно из них двоих он желает. Но с Каридой он всегда был более откровенным, нежели с Лессой.

В радужные мечты серым противным мазком иной раз вклинивалось воспоминание о сделке, заключенной с нынешней герцогиней Бранвии. Не то, чтобы Шер так уж сильно переживал по этому поводу — Лунные Воины считали, что слово, данное представителям иных народов, ничего не стоит — но все же договоренность была для него удобна. Ингрид получала долгую молодость, неувядающую красоту и безопасность, на которой она так настаивала, а Шер и его сподвижники — кровь новых жертв. В планах у Повелителя было воздвижение со временем храмов Кровавой Луны по всей Бранвии, а затем и возвращение былого могущества. Но тогда, на момент заключения сделки, он еще ничего не знал о Лессе. Каким образом Ингрид вышла на жрецов полузабытого храма Луны, Шер не знал, но на всякий случай послал Саддама в герцогство. И решение оказалось более чем удачным.

Теперь же планы придется менять. Вряд ли Лесса обрадуется, если ее друга выдадут герцогине. Шер поморщился. Сам он до встреч с Ингрид не снисходил, но по словам Саддама понял, что нормальной ее назвать никак нельзя. Опасения мести со стороны пасынка давно стали ее навязчивой идеей. Надо будет что-нибудь придумать, так, чтобы не отказываясь от первоначальных замыслов, не оттолкнуть от себя Лессу. И да, надо бы все же дать своей девочке новое имя. Имя, которое сразу будет показывать, к какому великому роду она принадлежит.

— Малика, — прошептал он. — Пожалуй, я назову тебя именно так. Достойное имя для новой Повелительницы.

Мысль о том, что Лесса может воспротивиться, даже не приходила ему в голову.

До дня совершеннолетия Ланса, когда и должна была решиться судьба не только заговорщиков, но и всей Бранвии, оставалось все меньше времени. Предварительные приготовления были закончены, скоро придет пора собираться в путь. На днях Эрвин получил очередное письмо от Мораг. Его подруга детства, она же фрейлина герцогини и тайная осведомительница Ланса, писала, что Роланд выглядит более озабоченным, нежели обыкновенно. Пьет он все больше, в замке ночует все реже, а молоденькие девушки, прежде рассчитывающие занять место его фаворитки, уже не стремятся как бы невзначай показаться ему на глаза. Все равно ни чем, кроме сальных взглядов да сомнительных комплиментов, лже-герцог их порадовать не мог.

Ингрид, напротив, выглядела спокойной и умиротворенной, и это не могло не внушать опасений.

— Эта змея определенно что-то затеяла, — в ярости повторял Ланс.

— И пусть ее, — успокаивал его Эрвин. — Для нас главное — попасть на совет. Там она уже ничего не сможет поделывать.

В том, чтобы незаметно пробраться в замок, как раз и состояла главная трудность. И здесь заговорщикам не оставалось ничего иного, как рассчитывать на Лессу и ее умения. Юная ученица мага обладала большими способностями, но, увы, малым опытом. Но иного выхода Ланс попросту не видел.

Эрвину затея не нравилась, но убедительных возражений он не нашел. Лесса же, когда ей рассказали о плане юного герцога, только пожалала плечами.

— Я попробую вам помочь, — сказала она. — Все-таки теперь я умею намного больше, чем в день приезда сюда. Но не уверена, что смогу справиться со всей стражей.

— Это и не потребуется, — заверил ее Ланс. — Да и потом, мы с кузеном еще не разучились махать мечами.

Лесса слабо улыбнулась, и Эрвин понял, что на ратное умение Ланса она не слишком-то полагается, пусть даже и не сомневается в оном.

— А я так и не знаю, когда мой день рождения, — со вздохом призналась она. — Матушка Сузи выбрала день, показавшийся ей подходящим — ведь не может же ребенок совсем остаться без праздника. Во всяком случае, не в ее представлении о жизни. Я долго не задумывалась о том, откуда ей известно, когда именно я родилась, а когда все-таки спросила — она ответила мне правду.

— Я могу узнать точно, Лесса, — тут же пообещал Эрвин. — Кое-кто из старых слуг вашего отца все еще живет в доме моих родителей в Теннанте. Я обязательно их расспрошу во время следующего визита.

— Правда? — Лесса просияла. — Это было бы замечательно.

— Обещаю вам.

И Эрвин крепко сжал ее ладонь. Он помнил о том, что предоставил Лессе время на размышления, но иногда ему так трудно было удерживать себя в руках. Как, например, вот сейчас, когда она благодарно смотрела на него сияющими глазами. Графу хотелось схватить ее в охапку, поцеловать отчего-то в кончик носа и закружить по комнате, слушая ее смех. Но нельзя. Он дал слово и не может его нарушить.

Сдерживаться становилось все труднее. Вдобавок Эрвин неоднократно замечал взгляды,

бросаемые кузеном на Лессу.

— Ты не находишь, что тебе пора определиться? — как-то довольно раздраженно спросил граф у Ланса.

— О чем ты? — удивился тот.

— О твоей невесте? Или она тебе не невеста? Видишь, даже я запутался. Ты дал Фердинанду слово жениться на его дочери, но сам держишься от Бьянки на расстоянии.

Ланс прищурился.

— И с каких это пор тебя так волнует Бьянка. Дай-ка угадаю: дело вовсе не в ней, так?

— Так, — вынужден был признать Эрвин. — Понимаешь, мне очень нравится Лесса.

— Понимаю, — серьезно ответил Ланс. — Мне она тоже нравится. Но не волнуйся, тебе я переходить дорогу не буду. Ты правильно сказал: я связан обязательствами. Лесса же заслуживает того, чтобы ее мужчина принадлежал только ей. Обманывать ее я не смогу.

Этот разговор успокоил Эрвина, но ненадолго. Довольно скоро он понял, что ему все равно придется обозначить свои намерения относительно Лессы яснее.

Просьба Ланса нимало не удивила меня. Признаться, чего-то подобного я и ожидала после всех разговоров о мести, которые он вел со мной осенью. Эрвин неодобрительно покачал головой и поджал губы, но промолчал. Позже он сказал, что переживает из-за меня, ведь если наша затея провалится, то всех нас казнят, как мятежников. Я не могла ему признаться, что за сохранность своей жизни была абсолютно спокойна. Я знала, что Шер вытащит меня из любых застенков, а герцогине останется только локти кусать — не ей тягаться с Повелителем Галирфана. Наверное, можно было попросить Шера и о помощи в возвращении Лансу герцогства, но я боялась, что цену он назначит непомерно великую. А быть в должниках у Шера я никак не хотела. Он был опасен, даже слишком опасен, но как избежать себя от его внимания, я пока не придумала.

Удивляла меня и Бьянка. Она перестала демонстрировать ледяное равнодушие в мой адрес, напротив, стала необычайно приветливой. Меня ее поведение настораживало — я не знала, каких каверз стоит ожидать от высокомерной красавицы, вдруг ставшей по непонятной причине любезной.

А ее отец и вовсе изумил меня. Дождавшись как-то, когда я останусь в гостиной одна, он подошел ко мне и завел ничего не значащую светскую беседу. Я отвечала на его вопросы о том, нравится ли мне в Палерго и насколько холоднее начало зимы в Теннанте, а сама гадала, что же именно понадобилось от меня графу Лотарскому. В том, что у этого хитрого лиса все ходы просчитаны наперед, я даже не сомневалась. Но никак не ожидала того, что он мне в конце концов предложил.

— Насколько я понял со слов Ланса, именно вы будете сопровождать его в день совета, — наконец перешел Фердинанд к цели разговора.

— Да, — спокойно ответила я.

Поскольку Фердинанд считался одним из ближайших союзников молодого герцога (более того — его будущим тестем), то свои планы Ланс от него в секрете не держал. Ну разве что кроме того, какую именно участь приготовил Ингрид.

— Полагаю, став герцогом, Ланс предложит вам место своего личного мага, — предположил граф Лотарский.

Я пожалала плечами — так далеко мои мысли не заходили. Пожалуй, что предложит: все равно другого мага у него на примете нет. Но мне бы к тому времени как-нибудь отделаться от Шера, иначе никакой свободы выбора у меня все равно не будет.

— Возможно, — ответила я, дабы не показаться невежливой.

— Личный маг герцога Бранвийского — должность, несомненно, почетная, — вкрадчиво продолжал Фердинанд, — но сопряженная с определенным риском. Достаточно вспомнить, что случилось с магом Генриха. Вы ведь знаете эту печальную историю?

Я кивнула.

— Да, Ланс рассказывал мне.

О том, что упомянутый маг являлся также моим отцом я уже привычно умолчала.

— У меня есть иное предложение, Алесса. Вы — девушка разумная и, несомненно, сразу же поймете, насколько оно вам выгодно.

Слова его меня заинтересовали. Не то, чтобы мне так уж хотелось с ним связываться — вот уж нет — но было крайне любопытно, что именно он собирается мне предложить.



— У меня трое детей, Алесса. Судьбу старшего сына, своего наследника, я уже устроил. Бьянка скоро тоже выйдет замуж. Остается Мариан. Да, титул графа отойдет к его старшему брату, как и большинство земель, но стать виконтессой тоже неплохо, не так ли?

Я в замешательстве смотрела на Фердинанда. Правильно ли я поняла, что он предлагает мне брак с его младшим сыном, человеком, которого я ни разу в жизни не видела? Впрочем, судьбу Бьянки он ведь устроил сходным образом. А Фердинанд между тем разливался соловьем, нахваливая мне своего сына, словно породистого скакуна покупателю:

— Мариан — весьма обаятельный молодой человек. Он непременно вам понравится, Алесса. Да и вы, я уверен, произведете на него впечатление. Состояние, унаследованное им от деда по материнской линии, довольно велико. Ему принадлежат земли и замок на северо-западе Бранвии. Подумайте хорошенько: вы получите титул, богатство и любящего мужа. Разве это не лучше, нежели пусть и почетная, но, несомненно, опасная служба у Ланса?

Любить меня предполагаемый муженек, надо думать, тоже будет по приказу строгого папочки. С трудом удерживая натянутую улыбку, я пообещала Фердинанду подумать над его предложением. А оставшись одна, горько рассмеялась: интересно, как бы отнесся Шер к такому сопернику?

— Вам нужно будет приехать заранее, — говорил Эрвин, — и обустроиться где-нибудь в окрестностях герцогского замка так, чтобы не вызвать подозрений. И я, и Фердинанд приедем в замок открыто как члены совета. Вам же с Лансом лучше всего будет выдать себя за семейную пару, а Говарда — за родственника.

Судя по выражению лица графа, затея ему вовсе не нравилась.

— В последнее время количество желающих заполучить меня в супруги резко увеличилось, — неловко пошутила я.

Эрвин резко повернул голову в мою сторону.

— О чем это вы?

Пришлось пояснять.

— Ваш гость сделал мне предложение от лица своего сына.

— Надеюсь, вы ему отказали? — ледяным тоном спросил Эрвин.

Похоже, он ни капельки не сомневался в моем ответе. Невесть отчего разозлившись, я продолжила поддразнивать его:

— Я пока еще думаю. Понимаете, предполагаемый жених молод, хорош собой — об этом я знаю лишь со слов его отца, но охотно верю, глядя на Фердинанда и Бьянку — и богат. К тому же я стану настоящей виконтессой, представляете?

И я приняла вид восторженной глупышки и захлопала ресницами. Эрвин улыбнулся, подхватывая мою игру.

— Всегда стремитесь к большему, Лесса. К чему вам титул всего лишь виконтессы, если вы можете стать настоящей графиней?

— Неужели у вас есть на примете подходящий граф? — продолжая дурачиться, спросила я.

— Есть, — неожиданно серьезно ответил Эрвин. — Он тоже молод, богат, смею надеяться, что хорош собой, а самое главное — он вас любит, Лесса.

Сердце замерло на бесконечно долгий миг, а затем заколотилось часто-часто, оглушая своим стуком, губы пересохли, пальцы похолодели. Неужели?

— Эрвин, я... вы...

— Просто найдите об этом, Лесса.

И он склонился ко мне. Ох, оказывается, весь мой опыт поцелуев никуда не годился. Потому что никогда ранее не кружилась так голова, не закрывались сами собою глаза, не разливалось внутри теплое пьянящее чувство. Я еще успела подумать, какой глупой я была, хихикая в Теннанте над словами Рины, потому как было вовсе не противно, а, напротив, горячо и сладко, и остро, и... и... и я просто позабыла о том, как это — связно мыслить, полностью отдавшись ощущениям. В себя я пришла, только когда Эрвин оторвался от моих губ, переместившись к шее. Оказалось, что я успела незаметно для себя обхватить его руками и прижаться тесно-тесно. Его ладони гладили мою спину и казались обжигающе-горячими, да и поцелуи на шее и плечах горели огненными метками. Наконец Эрвин поднял голову и взглянул мне в лицо.

— У меня есть шанс?

— А разве после такого нужны еще какие-либо слова? — вопросом на вопрос ответила я.

— И все же я предпочел бы услышать одно короткое слово, — шепнул он мне на ухо.

— Какое?

— Лесса!

Его зубы чуть прикусили мочку — странно, но это было вовсе не больно, а скорее даже приятно, а затем Эрвин лизнул место укуса.

— Да! — выдохнула я едва слышно, а затем повторила, повышая голос: — Да! Да!

А он подхватил меня на руки и закружил по комнате.

У нее появился секрет. Особый, важный. И раньше у Бьянки имелись от отца маленькие девичьи тайны, но теперь секрет был настоящим. Таким, от которого зависело многое.

Пожалуй, никто не заметил перемен в ее поведении. Впрочем, в этом не было ничего удивительного: в этом поместье никому до нее не было дела. Жених — если можно было так назвать Ланса — оставался неизменно вежливым, но не проявлял особого интереса к невесте. Нет, внешне все выглядело более чем пристойно, упрекнуть герцога было не в чем, но у Бьянки сложилось впечатление, что ее ответы на свои вопросы Ланс забывает, едва она успевает договорить. Парочка влюбленных голубков — Лесса и Эрвин — казалось, вообще видели только друг друга. Их счастье не были способны омрачить даже приготовления к отъезду. Отец ходил насупленный и хмурый, то и дело натягивая на лицо неискреннюю улыбку, которая вряд ли кого обманывала. Он все никак не мог смириться с тем, что его планы в отношении племянницы мага потерпели крушение. Бьянке он внимания не уделял, что ее только радовало.

Она открыла окно, пожившись от ворвавшегося в комнату морозного воздуха, и поплотнее закуталась в шаль. Прислушалась, не лают ли поблизости собаки. Ее новый знакомый заверял, что волкодавы не способны причинить ему вред, но Бьянка все равно боялась и вздыхала с облегчением, лишь когда на подоконнике появлялась темная фигура. Тогда она бросалась ему шею, и он обхватывал ее талию холодными ладонями, а она согревала его губы теплом своих. И лишь после этого действия, ставшего уже ритуалом, поспешно отстранялась и закрывала окно.

Тем временем мужчина усаживался в кресло у камина и, стоило Бьянке подойти к нему, как мигом притягивал к себе на колени. Крепко обнимал, вдыхал запах шелковистых темных волос, прижимался губами к бьющейся на виске жилке.

— Как прошел твой день? — непременно спрашивал он.

И Бьянка принималась рассказывать. Поначалу она отделялась короткими фразами, ведь с ней не происходило ничего действительно важного, ее даже для обсуждения планов заговорщиков не привлекали. Бьянке было досадно, ведь ту же Лессу всегда звали в кабинет, а на нее привычно не обращали внимания. Но ее возлюбленного интересовало все, вплоть до того, понравилась ли ей стряпня повара сегодня. И постепенно она привыкла перечислять все, даже самые мелкие, детали прошедшего дня. А обнимавший ее мужчина внимательно слушал и изредка задавал вопросы. О себе же он почти ничего не рассказывал, что Бьянку несколько смущало. Она вытянула из возлюбленного обещание, что он не имеет намерения вредить Лансу или же Фердинанду, и пока довольствовалась этим. Думать о будущем она боялась и, подобно наивному ребенку, гнала от себя невеселые мысли, словно бы отрицание грядущего замедляло его приближение.

Похоже, герцогиню Ингрид Повелитель списал со счетов окончательно. Разумеется, Саддаму он свое решение не озвучивал — не в характере Шера было советоваться с подданными или делиться с ними своими мыслями. Но он приказал Лунному Воину завести дружбу с невестой Ланса Бранвийского. Настолько тесную, насколько это возможно. И пусть сказано это было ледяным тоном и с бесстрастным лицом, в голове у Саддама впервые возник вопрос: а что может чувствовать Повелитель, отдавая подобный приказ? Но многолетнее воспитание не позволило дрогнуть ни единому мускулу на лице Воина. Он привычно склонил голову в поклоне и принялся за исполнение.

Познакомиться с Бьянкой было нетрудно. Якобы случайная встреча у ограды, недолгий разговор. Саддам быстро понял, что, несмотря на все свое высокомерие и кажущуюся отстраненность, дочь Фердинанда очень одинока. Вскоре он убедился в правильности своих выводов: даже многочисленных поклонников Бьянки интересовали ее красота, приданое, а еще связи ее отца. А вот Саддам интересовался только ею. Он спрашивал ее мнение почти по любому поводу, прислушивался к ее словам, восхищался разумностью ее суждений. И вскоре вошел к ней в доверие. Поначалу они виделись только днем. Бьянка ускользала за ограду поместья, и они прогуливались вдоль крохотной речушки, что текла неподалеку.

— Вас не хватает? — спросил как-то Саддам.

Бьянка горько скривила губы.

— Кто? Моего отсутствия даже не заметят.

Саддам сделал вид, будто не поверил ей, хотя твердо был уверен: именно так дело и обстояло. Бьянку начнут искать, если она, к примеру, не вернется к ужину. А то, чем она занимается целыми днями, обитателей поместья не интересует. Они были заняты подготовкой к триумфальному возвращению Ланса в родовой замок.

В тот день на прощание он впервые поцеловал Бьянку. Она ответила пылко, но неумело, из чего Саддам понял, что никому из своих многочисленных поклонников она вольностей не позволяла. Лунному Воину это понравилось. К опытным женщинам он относился с легкой брезгливостью, а теми, которых полагал своими, делиться и вовсе не любил. Он и сам не заметил, как Бьянка в мыслях тоже стала «его». Пожалуй, задумайся он над этим, то сам бы посмеялся. Или испугался. В душе Лунных Воинов не было места слабостям — а именно слабостью черноволосая грустная красавица могла для него и стать.

В жизни Саддама никогда не было места любви. Всегда были долг и почтение, временами появлялись страсть, презрение и даже ненависть, но вот любви он никогда не знал. Ни он не любил, ни его не любили. С самого детства он сталкивался только со строгостью наставников и чувством соперничества со стороны других послушников. До определенного возраста они даже делали друг другу различные гадости, на что наставники смотрели сквозь пальцы. Лишь когда мальчишки подросли, подобное поведение было пресечено раз и навсегда. Их лишили своей воли и своего разума, оставив до самого посвящения лишь возможность следовать чужим указаниям. Без позволения наставника Саддам и рта раскрыть права не имел.

Оттого-то так удивительны и новы были для него отношения с Бьянкой. Он привык к тому, что женщины его хотят — как в случае с Ингрид. Беседовать со своими случайными любовницами Саддам и вовсе полагал ниже своего достоинства. А Бьянка ему доверяла. В

ней еще толком не проснулось желание, она нуждалась в сочувствии и тепле. И вскоре Саддам уже сам запутался, когда он притворяется, а когда искренен. Ему доставляло удовольствие прижимать к себе льнущую к нему девушку, заглядывать ей в глаза и не видеть там привычной причудливой смеси возбуждения и откровенного страха. Нравилось не пользоваться уже проснувшейся чувственностью, а пробуждать ее. Он тоже, как и Бьянка, предпочитал не задумываться о будущем, но мотивы у него были иные. Саддам прекрасно знал, что жизни своей он не хозяин.

Домик был небольшим, во всяком случае в сравнении даже с домом Говарда в Теннанте, не говоря уж об особняке Эрвина. Хотя прежней Лессе из Бухты-за-Скалами он показался бы едва ли не дворцом. Да, я проделала большой путь от деревенской девчонки, собиравшейся некогда пугать пьяницу русалками. Иной раз я задумывалась, не лучше ли было бы остаться в деревне, с матушкой Сузи, Тинной и Деном, а потом упрямо встряхивала головой — нет, не лучше! Ланс был прав: то была не моя жизнь. А главное, тогда я не встретила бы Эрвина. При воспоминании о нем губы слегка закололо: вечером, прощаясь, мы нацеловались до одури, до радужных кругов перед глазами. Конечно, он будет изредка навещать нас, но выказать свои чувства мы больше права не имеем: для окружающих я — супруга Ланса, нет, Лорана. Мне и Говарду имена оставили прежними, рассудив, что нас в этих краях никто не знает.

Герцогский замок хорошо был виден даже издали: огромный, суровый, неприступный. При первом взгляде на него Ланс тяжело вздохнул и прикрыл на мгновение глаза, но не сказал ни слова.

— Госпожа, — раздался рядом голосок Дженни, моей новой горничной, — госпожа, я разложила ваши вещи.

Хотя, пожалуй, Дженни все же нельзя было назвать просто горничной. Она была единственной прислугой, проживавшей в домике, и на нее ложилась большая часть хлопот. Кухарка Ханна и Рик, ее сын, парнишка на подхвате, приходили утром и уходили вечером. Говарда они полагали чудаковатым ученым, меня — его дочерью, а Ланса-Лорана, соответственно, зятем. Спальни у нас с Лансом были смежными, что немало злило Эрвина, пусть он и старался это скрыть.

— На двери будет засов, — как-то сказал он мне. — Запирайся на ночь.

Я вздернула брови в притворном гневе.

— Ты не доверяешь своему кузену? Или мне?

Эрвин вымученно улыбнулся.

— Доверяю. Но вам придется жить вместе, изображать счастливую пару. Сама понимаешь, меня это радовать никак не может.

— Не беспокойся, — шепнула я и погладила его по щеке. — Кроме тебя мне никто не нужен.

Он поймал мою ладонь и поцеловал. Но глаза его все равно оставались грустными.

Нам действительно пришлось изображать счастливую семейную пару. Любопытные соседи то и дело заглядывали к нам под разными предлогами. При посторонних Ланс бросал на меня долгие взгляды, брал за руку, поправлял выскользнувший из прически локон. Меня его действия смущали, и я иной раз заливалась румянцем. Оставалось лишь надеяться, что гости воспримут подобное смущение мнимой новобрачной как должное.

К тому же мы ежедневно ходили на прогулки, осматривая окрестности. Разумеется, держась за руки. И с каждым днем все ближе и ближе подходили к замку. В действительности местные красоты нас интересовали мало. Ланс припоминал все подземные ходы, ведущие к реке или к лесу, и рассказывал мне о них. Нам нужно было решить, по какому из них мы проникнем на совет.

Замок, как я поняла из пояснений, был очень древним, пережил не одну осаду, и

потайные ходы в нем складывались в целую разветвленную систему.

— О ходе в библиотеке Ингрид скорее всего знает, — бормотал Ланс, плотнее закутываясь в теплый плащ. — И о том, что ведет в кабинет. Наиболее безопасным мне пока видится тот, что ведет из моей бывшей спальни.

— Ты сбежал по нему? — мне пришлось повысить голос, чтобы мой вопрос не заглушил внезапно поднявшийся ветер.

К счастью, никого из горожан поблизости не наблюдалось, и мы могли беседовать, не таясь. Руки мы давно уже расцепили и спрятали поглубже в карманы — день выдался морозным.

— Да. Думаешь, она его обнаружила?

— Даже если и не обнаружила, все равно в твоей спальне нас будут ждать. Раз уж ты смог когда-то оттуда выбраться незамеченным, значит, сможешь попасть и обратно.

— Пожалуй, ты права. Лесса, ветер крепчает, пора возвращаться.

Ветер действительно все усиливался. Еще недавно ясное небо затянуло тучами, повалил снег. Я натянула посылнее капюшон плаща, опустила лицо. От летящих в глаза колких снежинок выступили слезы, щеки защипало. Идти становилось все тяжелее, мне казалось, будто меня вот-вот сдует в реку.

— Лесса! Лесса! Пойдем быстрее, мы отошли слишком далеко от дома! Если буран усилится, нам придется туго.

Ланс вытащил руку из кармана, схватил меня за локоть и поволок за собой. Иногда я не оскальзывалась и едва не падала, но он крепко удерживал меня. И только когда сквозь белую пелену показались огни домов на окраине, я вздохнула с облегчением.

Тепло нашего дома меня обожгло. Загорелись уже успевшие онеметь щеки, заломило замерзшие даже в перчатках пальцы. А еще, войдя в гостиную, я едва не споткнулась, поскольку у окна стоял Эрвин и смотрел на нас столь мрачно, что в голову разом полезли самые невеселые мысли. Говард при взгляде на меня тут же велел Дженни принести горячего вина с медом и специями. Я опустилась в кресло, и Эрвин тут же сел у моих ног и принялся растирать мне руки.

— Перестань, — прошептала я и отняла у него ладони. — Скоро вернется Дженни, что она подумает?

— Ты замерзла, — упрямо проворчал Эрвин, однако же встал и отошел на пару шагов. — Ланс, чем ты думал, когда тащил ее гулять в такую погоду?

— Я никак не ожидал, что начнется буран, — огрызнулся Ланс.

— Ты же вырос в этих местах! Разве тебя не насторожило, что все городские жители попрятались по домам? Меня и то предупредили, чтобы я не разгуливал по городу.

— Знаешь ли, — сказал Ланс с неожиданной злостью, — в те годы, что я провел здесь, мне было как-то не до любования природой.

Я съежилась в своем кресле. Эрвин впервые приехал навестить нас, причем, скорее всего, ненадолго. И меньше всего я хотела, чтобы он тратил это драгоценное время на препирательства с кузеном.

— Полагаю, ваш спор лишен смысла, — вмешался Говард. — Ланс и Лесса ушли гулять, когда никаких признаков надвигающегося ненастья заметно еще не было. Сейчас же предлагаю выпить вина и немного подождать: скоро будет готов ужин.

Я взглянула на дядюшку с благодарностью. И Эрвин, и Ланс замолчали, лишь кидали друг на друга хмурые взгляды исподлобья. Дженни принесла мне горячее вино, а вскоре

объявила, что ужин подан. Во время трапезы Эрвин сидел рядом со мной и будто бы ненароком прикасался время от времени к моей руке. К счастью, напряжение между кузенами немного спало и после ужина они уже беседовали так, словно ничего не произошло.

К ночи непогода утихла. Эрвин отправился ночевать на постоянный двор, пообещав зайти утром. А ближе к полуночи появился Шер. Я уже отвыкла от его визитов, потому даже не сразу сообразила, отчего пробудилась. И лишь осознав, что Повелитель Галирфана неотрывно смотрит на меня, плотнее закуталась в одеяло. Комната освещалась лишь языками пламени, горящего в камине, и в этом неверном свете Шер показался мне мрачным и усталым. Он словно бы даже выглядел гораздо старше, нежели при нашей первой встрече.

— Почему ты не сообщила мне о своем отъезде, Лесса? — спросил он с упреком.

Я бросила быстрый взгляд на дверь, отделявшую мою комнату от спальни Ланса — засов на ней не был задвинут. Шер увидел, куда я смотрю, и слегка качнул головой.

— Не бойся, он нас не услышит, — успокоил он меня, верно истолковав мой испуг. — Так почему ты все же скрылась?

— Я не скрылась, — прошептала я, опуская глаза. — Я не имела возможности тебе сообщить. Как бы я это сделала?

Он приподнял мое лицо за подбородок, заставив посмотреть на себя.

— Хочешь сказать, ты ничего не знала о планах мальчишки, играющего в великого мстителя?

Я упрямо повторила:

— Когда я узнала об отъезде, ты уже был в Галирфане.

Не знаю, поверил ли мне Шер, но расспрашивать меня перестал. Мне пришлось вытерпеть его поцелуй, по счастью, недолгий и не слишком страстный. Пришлось приложить все усилия, чтобы не оттолкнуть Шера, а, напротив, прильнуть к нему. Чувствовала я себя при этом мерзкой предательницей.

— С тобой что-то не то, Лесса, — озабоченно произнес владыка пустыни и положил руку мне на лоб.

Я испугалась — неужели почувствовал? Понял? Для Шера ведь не составит никакого труда попросту уничтожить Эрвина, если он решит, что тот стоит на его пути. Но мне повезло. Шера беспокоило мое состояние после прогулки в буран.

— У тебя жар, — в его голосе слышалось беспокойство. — Ты заболела?

У меня действительно ближе к ночи начало царапать горло и заболела голова, но я никому не сказала, дабы не провоцировать новый виток скандала между Эрвином и Лансом. И теперь Шер с встревоженным лицом привычным жестом прижал пальцы к моим вискам.

— Засыпай, Лесса, — прошептал он. — Спи, а я попробую вытянуть из тебя болезнь. Спи, моя девочка. Моя Малика.

Я хотела поинтересоваться, отчего он называет меня чужим именем, но сил задать вопрос не ощутила. Глаза сами собой закрылись, и я провалилась в сон. А проснувшись, не почувствовала даже намека на вчерашнюю болезнь. Она покинула меня, как и Шер — незаметно.



Вернувшись в Палерго и не застав там Алессу, он впал в ярость. Саддам с почтительного расстояния молча наблюдал, как Повелитель ураганом вырывает с корнями деревья и срывает крыши с фермерских сараев, и лишь потом доложил, что знает, куда переехали беглецы. Наказав воину не спускать глаз с источника ценной информации, Шер бросился в погоню. Неоднократно его посещали мысли о том, что пора прекращать играть в доброго мудрого всепрощающего наставника. Девчонка провинилась и должна быть наказана. Он вспомнил, как ему некогда приходилось объяснять Кариде неправильность ее поведения. Она, его невеста, должна была видеть только его, говорить только с ним, быть неразрывно с ним связана. И всякий раз за наказанием следовали страстные поцелуи и бурные ласки. Вот только Кариде плохо поддавалась влиянию. Где-то ведь она повстречала этого Литора и сумела как-то договориться с ним. Допустить подобную ошибку с Лессой Шер права не имел.

Узнав, что его новая нареченная выдает себя за супругу другого, Повелитель почувствовал, как кровь превращается в его жилах в раскаленную лаву. Обманутый второй раз, он жаждал жестоко разделаться со своими обидчиками. И лишь пробравшись в небольшой домик на окраине, ощутил, что бушующий в нем огонь утихает. У Лессы не было никаких отношений с ее лже-супругом. Более того, она искренне заверяла, что ничего не знала об отъезде. Но Шер чутьем определил, что в его девочке что-то изменилось. Хотя, возможно, виноват в этом был поднявшийся у нее жар. Пришлось погрузить ее в сон, чтобы убрать болезнь, но Шер надеялся, что в следующий раз вновь увидит прежнюю Лессу.

Днем он, оставаясь незамеченным, наблюдал, как мальчишка, играющий в мстителя и его кузен долго о чем-то спорили на окраине леса. Ланс рисовал веточкой на снегу какие-то схемы, стирал их, чертил новые. А Шер раздумывал о том, насколько предстоящее им испытание важно для его избранницы. Возможно, она хотела отомстить за смерть отца? Это желание было Шеру понятно, пусть сам он, останься Литор в живых, и предал бы его самой мучительной казни. Ингрид ему жалко не было, как и Роланда. Нынешнего герцога Шер видел ранним утром, когда тот, пошатываясь, залазил в экипаж. Роланд возвращался в замок из веселого дома пьяным до такой степени, что с трудом держался на ногах и перебудил все окрестности грязными ругательствами, пару раз растянувшись на снегу. Повелитель брезгливо поморщился. У него даже возникло желание взглянуть на ту женщину, которую муж так сильно унижает подобным поведением. И он вызвал Ингрид на то место, где она обычно встречалась с Саддамом.

Женщина вызвала в нем ощущение еще большей брезгливости. Правду сказать, она оказалась умна: сразу поняла, что на сей раз на встречу пришел далеко не простой Лунный Воин. Она не осмеливалась не только требовать чего-либо, но даже просто просить. Заикнулась было про близящееся совершеннолетие племянника и тут же осеклась. Зато смотрела с таким призывом и так соблазнительно облизывала губы, что Шеру стало противно. Уж не решила ли эта шлюха, что он, Повелитель Галирфана и будущий владыка мира, захочет ее? Жалости к Ингрид у него не было и раньше, осталась только брезгливость. И глядя на ее жалкие ужимки, Шер решил, как именно он поступит.

— Скажи, для тебя важны планы этого мальчишки, что притворяется твоим супругом? — спросил он ночью, нежно перебирая густые волосы цвета меда.

Его девочка задумалась лишь на мгновение.

— Да, важны, иначе я не помогала бы ему.

— Тогда у меня есть к тебе предложение.

В ней снова поселилось беспокойство. Приближался роковой день совершеннолетия ненавистного пасынка, а мальчишка все еще не был пойман. Ну и все демоны бы с ним, да вот только по этому поводу предстояло устроить праздник и позвать на него всех членов совета, а что говорить этим напыщенным индюкам — Ингрид не представляла. Она знала, что многие из них точили на нее зуб из-за событий почти двадцатилетней давности, когда она, отвергнув все прочие кандидатуры, выбрала себе в мужа Роланда. Боги, разве не достаточно она уже наказана за эту ошибку? Оказаться женой вечно пьяного гулящего труса — что может быть унижительнее? Но все же Ингрид предприняла попытку в последний раз найти в супруге союзника.

— Нам надо подготовиться, — решительно заявила она, стараясь не морщиться слишком сильно от исходящего от мужа крепкого запаха застарелого перегара.

Он поднял на нее мутные налитые кровью глаза.

— К чему подготовиться?

— Ты что, забыл? — ужаснулась она. — Скоро день рождения Ланса.

— Ланс, — повторил Роланд, с трудом ворочая языком. — Какой Ланс?

— Настоящий герцог Бранвийский, — выплюнула Ингрид.

Роланд побледнел и даже, кажется, протрезвел.

— Да-да, настоящий герцог, — добивала его герцогиня с мстительным удовольствием. — И если уж он вернется, то не видать тебе ни вина, ни возбуждающего зелья, ни девок из веселого дома.

Роланда даже не удивило то, что жене, оказывается, было известно о его похождениях. Впрочем, в последнее время он вообще мало задумывался о своей супруге. Он и вспоминал-то о ней, только когда они встречались ненароком в огромном замке.

— И что же нам делать? — растерянно спросил он.

Ингрид разозлилась.

— Быть может, — ядовито процедила она, — на сей раз ты сам придумаешь, как решить нашу проблему, дорогой муженек? Только учти, что члены совета желают познакомиться с наследником.

Это было правдой. Герцогиня уже получила несколько писем, в которых в самых учтивых выражениях было написано о надежде вскоре увидеться с сыном покойного Генриха. А распечатав письмо дерзкого щенка Солейского, Ингрид и вовсе скрипнула зубами от злости. Граф прямо-таки издевательски передавал свое почтение дражайшему кузену, будущему правителю.

— Где же мы им возьмем наследника? — пробормотал Роланд. — Разве что выдадим за него какого-нибудь постороннего парня. Или же объявим, что Ланс скоропостижно скончался.

— Прямо перед тем, как вступить в права наследования? — ехидно спросила Ингрид. — И ты думаешь, что члены совета сплошь идиоты, не способные заподозрить неладное? А вот вторая твоя идея вовсе не лишена смысла.

— Значит, нам нужно найти парня подходящего возраста, и дело решено, — обрадованно забубнил Роланд.

Жена смерила его презрительным взглядом.

— Ты последние мозги пропил? Нам нужен юноша не просто подходящего возраста, но еще и обладающий аристократическими манерами, причем его никто из членов совета ранее видеть не должен, иначе наш обман тут же вскроется. Далее, внешность подставного Ланса тоже весьма важна.

— Не ищи проблему там, где ее нет, — отмахнулся самозванный герцог. — Никто не знает, как именно должен выглядеть наш пасынок. Друзья Генриха запомнили его сына ребенком.

— Да, но синеглазый темноволосый мальчик не может вырасти в зеленоглазого блондина. Кроме того, пышущий здоровьем парень нам тоже не нужен. Он должен производить впечатление болезненного дурачка, чтобы никому в голову даже мысль не закралась о том, что было бы неплохо сменить в Бранвии правителя.

Роланд, воодушевившийся было тем, что ему в голову пришла столь блестящая мысль, быстро сник.

— Ну и где мы такого отыщем? — уныло спросил он.

— Пожалуй, в тех местах, где ты обыкновенно проводишь время, такие уж точно не встречаются, — ехидно заметила Ингрид. — Впрочем, столь ответственную задачу я тебе и не доверю. Ты за столько лет не сподобился даже разыскать сынка Литора, хотя в твоём распоряжении была вся гвардия герцогства и вся казна Бранвии, чтобы заплатить осведомителям. Так что можешь не волноваться, дорогой муженек, этим вопросом я займусь сама. Все-таки теперь у меня есть союзники понадежнее.

И не успел Роланд открыть рот, чтобы разузнать об этих новых союзниках, как герцогиня вылетела из кабинета, едва не хлопнув дверью по лбу супруга.

Ингрид мерила в нетерпении шагами небольшое пыльное помещение, где была назначена встреча. Ее то и дело пробивала нервная дрожь. Герцогиня то сцепляла пальцы в замок, то проверяла, в порядке ли прическа, то разглаживала ладонями невидимые складки на платье. Даже привычное средство — несколько глотков вина — не помогло ей успокоиться. Кого она увидит сегодня? Того Лунного Воина, соблазнить которого ей некогда удалось, Саддама, или же пришедшего на последнюю встречу притягательно-мрачного незнакомца, что не назвал ей своего имени? Ингрид в волнении облизнула пересохшие губы. Она опасалась и Саддама, нутром чуя в нем опасного неприрученного зверя, от которого в любой момент можно было ждать удара в спину. Но незнакомец и вовсе пугал ее до дрожи в коленях. А еще она заметила в его взгляде ледяное презрение, от которого ей стало не по себе. И она, словно маленькая девочка, сама себя уговаривала, что она находится на своей земле, что сотрудничество с ней выгодно Воинам Луны и что страшиться ей нечего. Но пальцы все равно дрожали, а когда в углу сгустился сумрак, герцогиня в волнении закусила губу. Кто? И тут же издала вздох облегчения и некоторого разочарования — Саддам.

Она скользнула к нему и обвила руками его шею. Страх внезапно сменился диким возбуждением, и Ингрид, не сдержав стона, прильнула к горячему мужскому телу и слегка прикусила смуглую шею. Саддам напрягся, и на мгновение герцогине показалось, что сейчас он отшвырнет ее от себя. Но нет, он просто взял ее за плечи, разворачивая спиной к себе и заставляя упереться руками в стену. Отчего-то в такие моменты он не желал видеть ее лица, но Ингрид и не думала протестовать: в любом случае, подобного наслаждения ей не дарил никто. Даже воспоминания о давно покойном Оскаре померкли в ее памяти после первой же близости с Саддамом.

Потом она привалилась к стене, прижалась пылающей щекой к ледяному камню,

впилась в шероховатости пальцами и ногтями, чтобы не соскользнуть обессиленно на грязный пол прямо к ногам Лунного Воина. Ингрид прекрасно знала, что не должна выказывать слабости. Оступишься раз — и тут же окажешься растоптанной. Восстановив дыхание, она неспешно оправила одежду, подтянула корсаж платья, пригладила волосы и лишь затем повернулась к невозмутимому, как и прежде, Саддаму.

— Приближается день, когда мой пасынок должен вступить в права наследования, — она с удовлетворением отметила, что голос ее звучит ровно и холодно. — Полагаю, вам Ланс в качестве герцога нужен не более, нежели мне.

Лунный Воин ничего не ответил. Впрочем, Ингрид была уже уверена, что теперь-то она знает, кто в их союзе является главным — и это был не Саддам, но, увы, и не она.

— Состоится торжество, а еще соберется совет по этому поводу. И мне нужно будет кого-то предъявить бранвийской знати. Все должны быть уверены, что сын Генриха жив, но сам не испытывает желаний управлять герцогством.

— Нужен подходящий человек?

— Да. Сейчас я опишу, как примерно мог бы выглядеть Ланс.

— Не стоит. Мне нужен портрет его отца, чтобы создать личину.

— Это возможно? — изумилась Ингрид.

— Возможно все, вопрос лишь в цене. Парочкой сироток из приюта здесь не обойтись.

— Хорошо, — облегченно выдохнула герцогиня. — Скажите, что вам нужно. Я все устрою. Обещаю, я выполню все ваши условия в обмен на помощь.

Она поежилась от холода и резко захлопнула окно. Теплая шаль на плечах никак не могла согреть озябшее тело. Бьянка подошла к камину и вытянула руки. И вздрогнула, ощутив прикосновение чужих ладоней к талии.

— Вернулся?

Дыхание перехватило, на лице расцвела счастливая улыбка. Саддам легким поцелуем коснулся ее волос.

— Вернулся. И сразу поспешил к тебе.

Не оборачиваясь, Бьянка чуть откинулась назад в кольцо сильных рук, крепче прижалась спиной к мужской груди. Саддам потянул шаль вниз с ее плеч, но в его объятиях Бьянка уже согрелась.

— Хорошо. Все дела уладил?

— Да, — сухо ответил он.

Бьянка знала, что возлюбленный не желает рассказывать ей о своих таинственных делах, но совсем сдерживаться не могла — ей было интересно все, что имело хоть малейшее отношение к жизни Саддама.

Он подхватил ее на руки, устроился в кресле, усадив Бьянку себе на колени. Она прильнула к нему, прижалась щекой к плечу, слегка прикоснулась губами к обнаженной коже над воротом сорочки.

— Я скучала.

— И я, милая. Я тоже.

Он обхватил ладонью ее затылок, заставляя запрокинуть голову, и наконец-то прильнул поцелуем к ее губам: сначала нежно, осторожно, затем все более страстно, властно вторгаясь языком. Бьянка покорно раскрыла губы, прижалась сильнее, чувствуя, как разгорается в ней уже знакомый жар.

Шаль окончательно улетела куда-то на пол, пальцы левой руки ласкали шею и затылок, а правая скользнула под тонкую ткань домашнего платья, жадно сжала грудь. Бьянка выгнулась дугой и тихо застонала, а потом неохотно отстранилась.

— Нет, пожалуйста, не надо. Мы не должны, мне нельзя, — лепетала она.

— Не бойся, — шепнул Саддам в порозовевшее ушко. — Обещаю, мы не зайдем далеко. Просто позволь себе чувствовать. Вот так.

Большой палец погладил напрягшийся сосок, и Бьянка ахнула. С каждым разом она сдавала свои рубежи, позволяя Саддаму все больше и больше. И он все время заверял ее, что не будет ее заставлять, что он себя контролирует, что ей нечего бояться. А она со сжимающимся от сладкого ужаса сердцем думала, что боится вовсе не его, а себя. Ее тело предавало ее, лишало разума. Она не могла думать ни о чем ином, кроме этих уверенных пальцев, что сейчас гладили, сминали, пощипывали. Бьянка обессиленно откинулась на грудь возлюбленного и полностью отдалась в его власть, прикусив губу, чтобы не стонать от наслаждения. И разочарованно вздохнула, когда Саддам отстранился сам.

— Хватит, — хрипло сказал он. — Иначе я не выдержу.

Он прижался щекой к ее волосам и замер, переводя дыхание. Бьянка смотрела на огонь в камине широко распахнутыми, но ничего не видящими глазами, и чувствовала странную опустошенность. Лишенная тепла мужской ладони нежная кожа стремительно остывала, в

низу живота неприятно ныло.

— Я хочу выйти за тебя замуж, — внезапно произнесла она. — Стать твоей женой и навсегда принадлежать только тебе одному. Меня передергивает от отвращения, стоит мне представить, что Ланс тоже будет прикасаться ко мне вот так, как ты. Я хочу быть только твоей.

— Я тоже хочу, чтобы ты была только моей, — грустно ответил Саддам. — Но, увы, пожениться мы не можем.

— Почему? — Бьянка даже ощутила прилив сил и повернулась лицом к своему любимому, забрасывая одну руку ему на шею. — Мы ведь можем убежать. У меня есть кое-какие драгоценности, мы их продадим и купим себе дом. Да, я понимаю, что моя жизнь изменится, но я к этому готова, лишь бы быть с тобой. Я готова отказаться от богатства, от власти, от друзей и даже от семьи, лишь бы быть с тобой.

Но Саддам только горько усмехнулся.

— Ты не понимаешь, милая, — тихо сказал он и поцеловал ее. — Мой Повелитель везде меня найдет по зову крови.

— Разве это возможно?

Уже вторая женщина за последние дни задавала ему этот вопрос. И Саддам ответил столь же честно и почти теми же словами:

— Для Повелителя нет ничего невозможного.

Но Бьянка лишь недоверчиво качала головой, и тогда он добавил:

— Я слышал лишь об одном удачном побеге. Сбежавшая сумела прервать связь крови, но расплатилась за это жизнью. Ты хочешь для меня такой судьбы?

Глаза Бьянки округлились от испуга.

— Нет, нет, нет! — повторяла она, покрывая поцелуя смуглое лицо. — Ни за что! Но и расстаться с тобой я не смогу. Ничего, свадьба еще не скоро, мы что-нибудь обязательно придумаем.

Саддам крепче обнял доверчиво льнущую к нему девушку, слегка отклонил ее, чтобы удобнее было целовать изящную белоснежную шею. Расстегнутое домашнее платье сползло вниз, и Бьянка, всхлипнув, прикрыла рукой обнажившуюся грудь. Саддам прижался к тонким пальцам губами.

— Позволь мне, прошу. Тебе ведь понравилось, когда я гладил тебя? А сейчас ты убедишься, что поцелуи гораздо приятнее. Если тебе что-то не понравится, ты только скажи, и я сразу прекращу. Договорились?

Бьянка промолчала, но покорно позволила убрать свою ладонь. А потом только хрипло дышала и тихо вскрикивала, когда удовольствие становилось слишком уж острым. О свадьбе она больше в ту ночь не заговаривала, но ее решимость принадлежать только своему возлюбленному после испытанного лишь укрепилась.

Эрвин надолго задержаться не мог, но я была даже рада его отъезду. Вдали от меня — а значит, и от Шера — он будет в гораздо большей безопасности. Перед расставанием нам удалось немного побыть наедине, и мы нацеловались до воспаленных губ.

— Когда все закончится, мы обязательно поженимся, — пообещал мне Эрвин.

Я спрятала лицо у него на груди, чувствуя себя подлой лживой дрянью, ведь у меня не было ни малейшей уверенности в том, что мы сможем быть вместе. А отказаться пусть и от краткого счастья я не могла, потому-то никак не решалась оттолкнуть графа Солейского. Мне нужны были его влюбленные взгляды, осторожные прикосновения, жаркие поцелуи. Рядом с ним я чувствовала себя живой, любящей и любимой, в то время как присутствие Шера рядом превращало меня в бездушную куклу. И я понимала, что, если приму его предложение, именно на такое существование и буду обречена: жить, опутанная паутиной его болезненной страсти, задыхаясь от невозможности принять самостоятельно хоть какое-нибудь решение.

И я все тянула с ответом, понимая, что получив мое согласие однажды, больше Шер моим мнением не поинтересуется.

— Я могу сделать мальчишку герцогом, — сказал он мне тогда будничным тоном, будто речь шла о каком-то пустяке. — Если для тебя это так важно, то я устраню все препятствия с его пути. Но взамен ты отправишься со мной в Галирфан. В тот же день, Лесса.

— Это очень важное решение, — осторожно ответила я. — Могу ли я подумать?

Шер легко прикоснулся губами к моему виску.

— Разумеется, девочка моя. Я не буду тебя торопить.

От его обращения ко мне хотелось взвыть, что-нибудь разбить, заорать, что никакая я не «его девочка», но я терпела. Терпела и улыбалась.

Прикидывала так и эдак, сумеем ли мы справиться своими силами, ведь поражение для всех нас означало верную смерть. Понимала, что готова пойти на все не ради того, чтобы Ланс получил свое наследство, а ради будущего Говарда и Эрвина. И училась, училась, училась. Стиснув зубы, преодолевая почти животный ужас, слушала разъяснения Шера. Для себя решила, что чужой кровью покупать свой успех не буду, а вот своей закреплять заклинания согласна. Результаты впечатляли, но их я старалась держать в секрете от обоих учителей — и от дядюшки, и от Повелителя.

Однажды вечером мне довелось увидеть отчима Ланса, того самого ужасного герцога, перед которым все дрожали в страхе и в Бухте-за-Скалами, и в Теннанте. Зимой темнеет рано, но Роланд, выйдя из экипажа, прошел прямо под фонарем. Я отступила поглубже в тень, чтобы никто не заметил моего внимательного взгляда, устремленного на герцога. Высокий обрюзгший краснолицый мужчина, покачиваясь, поднялся на крыльцо выкрашенного в розовый цвет двухэтажного дома.

— Куда это он?

Ланс, которому был адресован мой вопрос, презрительно скривил губы и нехотя ответил:

— К шлюхам. Прости, Лесса, не должен я был тебя сюда приводить. Эрвин, если узнает, шею мне свернет. Но очень уж хотелось полюбоваться на муженька Ингрид. Совсем боровом стал.



— Я не скажу Эрвину, — пообещала я. — И Говарду не скажу.

Зато Шеру рассказала. Сначала он разъярился и заявил, что Ланс не доживет до своего совершеннолетия, поскольку потащил меня в квартал, где находился веселый дом. Но, увидев, как я расстроилась, успокоился. И сказал, чтобы я не обольщалась.

— Я видел герцогиню Ингрид. Не суди о ней по тому жалкому подобию мужчины, что называет себя ее мужем. Она — опасная змея, поверь.

Что же, примерно такое представление о герцогине у меня сложилось и со слов Ланса.

А вскоре после того разговора Шер сообщил мне, что вынужден опять на какое-то время оставить меня. О том, принимаю ли я его предложение, он не спросил, что меня только порадовало. Да и известие о его отъезде я встретила с облегчением.

Приближался день рождения Ланса, тот самый день, к которому мы готовились так долго. От Эрвина приходили теплые письма, которые я хранила в шкатулке с секретом, чтобы не обнаружила любопытная прислуга. У меня появилась привычка перечитывать их перед сном. И засыпая я представляла себе, что все уже благополучно закончилось, Ланс получил свое наследство, его мачеха и отчим наказаны, Шер так и не вернулся, а рядом со мной в постели лежит Эрвин, ласково перебирает мои волосы, прикасается губами к виску и шепчет: «Спокойной ночи, любимая.»

Первый день весны выдался по-зимнему хмурым и ненастным. С утра падал мокрый снег, превратившийся к обеду в дождь, а к вечеру опять ударил мороз. Я натянула на себя теплые шерстяные чулки, а голову закутала шарфом, подозревая, что капюшон плохо защитит меня от холода. Ланс только посмеивался, глядя на мои приготовления, но было заметно, что он тоже нервничает. Говард казался невозмутимым, но то и дело вытаскивал из ножен кинжал и прикасался пальцем к острию. Я незаметно нащупала собственный серебряный нож — подарок Шера. Все в порядке, не забыла.

— Пора, — сказал наконец Говард.

И, словно бы в ответ, в дверь постучали. Три раза, потом один, затем два и еще раз три. Люди Фердинанда. Мы дружно накинули плащи и отправились на выход. Дядюшка вышел первым. Я хотела было последовать за ним, но Ланс внезапно схватил меня за плечо, резко развернул к себе и коротко, но крепко поцеловал в губы.

— На удачу, — пояснил он с кривой ухмылкой.

Почему-то его действие не вызвало у меня ни злости, ни раздражения. Я стянула перчатку и провела пальцами по его щеке.

— У вас все получится, ваша светлость.

Он опять улыбнулся, на сей раз искренне. А я вновь надела перчатку и отворила захлопнувшуюся было дверь.

В замке готовились к прибытию огромного количества гостей. Служанки суетились, носились по гулким холодным коридорам, мыли, скоблили, чистили гостевые комнаты, натирали до блеска окна и каминные решетки, застилали кровати свежим бельем, кое-куда уже даже тащили вазы с крепкими краснобокими яблоками и графины с вином. Роланд за приготовлениями не следил, будучи справедливо уверен, что на Ингрид в этом вопросе вполне можно положиться. Его самого вся эта суета только раздражала, эхо от громких шагов и голосов отзывалось вспышками головной боли, и герцог предпочитал днем не покидать свои покои. Сквозь плотные шторы не пробивались солнечные лучи, и он лежал в темноте с закрытыми глазами, иногда лишь приподнимаясь на постели и протягивая руку за вином. Переливанием напитка в кубок он себя утруждать не желал, глотал прямо из графина. Иногда вино проливалось на его ночное одеяние. Пятен в темноте видно не было, но запах от рубахи исходил неприятный. Когда ближе к вечеру приходил слуга и помогал своему господину переоблачаться, то на лице лакея Роланду чудилась ехидная усмешка. Он вглядывался пристальнее — нет, вроде бы показалось. Хотя почти все они здесь куплены его законной мегерой, а своего хозяина ни в грош не ставят. Роланд думал о том, что он им всем еще покажет, наведет порядок, вот только немного придет в себя. Выздоровеет. Но и о выздоровлении и наведении должного порядка думалось вяло.

Иногда он вспоминал о поводе для предстоящего торжества, и ему на мгновение делалось дурно. Но ведь Ингрид пообещала решить эту проблему, стало быть, волноваться не о чем. Кажется, она говорила что-то о своих планах, но Роланд уже успел позабыть. Наверное, это и не столь важно. Злобная ведьма хитра, она всегда умела выкрутиться, значит, и на сей раз выйдет сухой из воды. И мужа вслед за собой вытащит.

Даже в веселый дом Роланд теперь ездил далеко не каждую ночь. Продажные девки порядком наскучили ему, и тогда хитро улыбающийся хозяин предложил ему новое развлечение: юных девиц. Герцог пожал плечами и согласился попробовать.

Неожиданно ему понравилось. Он думал, что неискушенная девочка не сможет возбудить его, но с этой задачей превосходно справилось зелье. А Роланд вновь ощутил себя молодым и полным сил, почти всемогущим. И даже дал зареванной девчонке золотую монету. Осознание собственной щедрости еще больше способствовало поднятию настроения, и на какое-то время он вновь по ночам зачастил в город.

Однажды по возвращению в замок он с удивлением обнаружил поджидавшую его Ингрид.

— Солнце давно уже встало, дорогой супруг, — брезгливо заметила она. — Ступай умойся и смени одежду, от тебя несет грязью.

Больше всего на свете Роланду хотелось упасть в кровать и уснуть, но не огрызнуться пусть даже и в столь усталом состоянии он не мог.

— Конечно, твои любовники, поди, благоухают куда как приятнее. Аромат навоза или лошадиного пота тебе, видать, больше по вкусу.

Удивительное дело, но продолжать словесную дуэль герцогиня не стала, хотя и появившуюся на ее лице презрительную гримасу скрыть не сочла нужным.

— Умойся и переоденься, — повторила она ледяным тоном. — Я хочу тебя кое с кем познакомить.

Неожиданно всколыхнувшееся любопытство прогнало сонливость. Роланд быстро выполнил распоряжение супруги и вскоре стоял перед ней относительно трезвый, с влажными волосами и в свежей одежде. Как оказалось, сюрпризы только начинались. Поднимаясь вслед за Ингрид по крутой лестнице, Роланд гадал, куда же она его приведет. В высокой башне располагались давно уж запертые покои пасынка, где Ланса якобы навещал три раза в день придворный маг, а выше — смотровая площадка. Комнаты юного Бранвийского запирались из предосторожности, чтобы никто из слуг не сунул туда свой любопытный нос. В связи с этим по замку гуляли самые разнообразные слухи, к счастью, в основном их главной темой была загадочная болезнь Ланса. Если же кто и догадывался о побеге юноши, то, зная крутой нрав герцогини, предпочитал держать язык за зубами. Уборку в комнатах доверяли только преданной Ингрид служанке, онемевшей пять лет назад после трагической гибели мужа и детей. Зная все это, Роланд полагал, что Ингрид желает ему что-то показать со смотровой площадки. Тем сильнее было его удивление, когда герцогиня толкнула обычно запертую дверь. А войдя следом за ней в комнату, герцог и вовсе утратил на мгновение дар речи. В кресле у горящего камина сидел темноволосый молодой человек с ярко-синими глазами. Увидев вошедших, он даже и не подумал встать, но ухмыльнулся и сказал:

— Рад наконец познакомиться с вами, дорогой папочка. С маменькой мы уже друг другу представлены. Не узнаете? Это же я, Ланс, ваш наконец-то вернувшийся сын. Я так счастлив вас видеть!

Отчего-то она не на шутку испугалась, когда приведенный Саддамом незнакомец скинул капюшон и посмотрел на нее насмешливыми синими глазами. Несмотря на царивший в заброшенном сарае холод, ей стало жарко, спина и шея покрылись противным липким потом, а перед глазами заплясали блестящие искры. Ингрид силилась сделать вдох, но горло перехватило спазмом, а ноги и руки внезапно стали каменно-тяжелыми. И еще этот взгляд, казалось, выжигает ее душу. Из глаз лже-пасынка на нее смотрела беспросветная тьма.

— Я должен называть вас мамой? — не без издевки спросил незнакомец.

От звука его голоса лопнул сдавивший виски незримый обруч, разжалась сжимавшая горло рука, и Ингрид, вдохнув, наконец, студеной воздух, мучительно закашлялась.

— Это будет, пожалуй, лишним, — наконец смогла произнести она. — Вы можете обращаться ко мне по имени.

— Хорошо... Ингрид.

Паузу он сделал намеренно, но герцогиня предпочла не задумываться о мотивах его поведения. Фальшивый пасынок внашл ей безотчетный страх. Наверное, это был первый за многие годы мужчина, которого она даже не попыталась оценить как предполагаемого партнера по постельным играм. Вероятно, если бы он не посмотрел ей при встрече в глаза, подобная глупость и могла бы прийти ей в голову. Наверняка пришла бы. Но теперь при виде незнакомца она была обречена всякий раз вспоминать свой ужас перед той тьмой, что владела им. И потому помертвела, когда дурак Роланд разгневанно прорычал:

— Кто вы, демоны вас задери, такой?

Вопреки ожиданиям, «пасынок» ничего не сделал герцогу. Похоже, что он даже не разозлился. Поддельный Ланс рассматривал отчима, словно ярмарочного скомороха, с легкой усмешкой.

— Ну что же вы, дорогой папенька? Неужто неумеренное потребление вина все-таки повлияло на ваш мозг? Или же поражен только ваш слух? Тогда могу повторить погромче: я — Ланс, утерянный, но чудом обретенный наследник Бранвии.

Побледневшее было оплывшее лицо Роланда пошло багровыми пятнами. Испуганная Ингрид ударила супруга локтем в бок и быстро-быстро заговорила:

— Пожалуйста, не стоит сердиться. Вы абсолютно правы, злоупотребление вином сказалось на моем муже самым плачевным образом. Вам ни в коем случае не придется с ним общаться. Роланд не будет докучать вам, я об этом позабочусь.

И, схватив недоумевающего мужа за руку, вытащила его за дверь. Они уже спустились на несколько ступеней, когда ошеломленный Роланд пришел наконец в себя. Он резко остановился и проревел:

— И что, во имя всех демонов, это было? Кто этот тип?

Ингрид испуганно огляделась. Нет, кажется, никто не услышал воплей ее недалекого муженька.

— Он изобразит Ланса перед советом, — тихо ответила она. — Неужели ты позабыл наш план?

— Изобразит Ланса и оттяпает себе герцогство? — возмутился Роланд. — Ты рехнулась, что ли?

— Следи за своими словами! — прошипела герцогиня. — Понабрался у своих девок вульгарных выражений, вот с ними и общайся в подобном тоне. А здесь, в замке, изволь помнить, что ты пока еще герцог Бранвийский.

— Вот именно — пока еще! Желаеть отдать мое место этому выскочке? Кто он — твой новый любовник?

— Совсем ум пропил? Роланд, — тут Ингрид неожиданно всхлипнула, — Роланд, неужели ты не заметил, что этот человек опасен? Прошу тебя, не зли его.

Роланд с удивлением смотрел на супругу. Похоже, незнакомец действительно сильно пугал ее. Ингрид побледнела, пальцы ее подрагивали, губа была закушена, а взгляд наводил на мысли о загнанном звере. К тому же она уже очень давно не обращалась к мужу по имени. Внезапно герцога охватила жалость к той, кого он уже долгие годы иначе как «ведьмой» или «мегерой» не именовал.

— Не буду, — пообещал он. — Надеюсь, этот тип не поселится с нами навсегда.

Герцогиня помотала головой.

— Нет, он покинет нас после празднования. Убедит совет в том, что бразды правления лучше оставить тебе, и исчезнет, выполнив свою задачу.

Тут в голову Роланду пришел еще один вопрос. Надо заметить, весьма важный вопрос. Удивительно даже, как это он не поинтересовался раньше. Впрочем, Роланд тут же привычно обвинил Ингрид: из-за нее он растерялся и утратил ясность мышления.

— А откуда ты вообще взяла этого лже-Ланса?

— Его ко мне привели, — со вздохом призналась Ингрид.

Роланду стало не по себе.

— Что значит — привели? Кто привел? Да ты вообще понимаешь, во что вляпалась? А если этот парень заявит перед всем советом, что он и есть Ланс, следовательно, герцогство принадлежит ему, что мы будем делать? Доказывать, что ошиблись, и он не наш пасынок? Да после такого члены совета тут же нас и низложат, объявив умалишенными.

— Он не будет претендовать на герцогство. У меня есть договор с его хозяевами. Договор, подписанный кровью. Им нужны только храмы для своего божества на нашей земле.

— А, орден какой-то? — тут же успокоился герцог.

Религиозные дела не слишком занимали его. В Бранвии и без того имелись культы как минимум десятка богов, так что одним меньше, одним больше — какая разница? Сам Роланд давно уже не посещал храм и даже не был уверен, что в нем осталась вера, воспитываемая с детства. В демонов и ведьм он верил куда охотнее, нежели в богов. Во всяком случае, был твердо уверен, что уж с этими-то представителями иного мира ему приходилось столкнуться.

Было темно, душно и холодно. Ланс раздал нам загодя заготовленные факелы, поджигать которые довелось уже мне. Мужчины держали оружие наизготовку, да и я на всякий случай вытаскала свой кинжал. Ланс шел первым, за ним я, а Говард прикрывал мне спину. Причудливые тени плясали на темных каменных стенах, низкий потолок, казалось, давил на голову. Как-то само собой выходило так, что ступать мы старались по возможности бесшумно, пусть нас никто и не должен был слышать. С трудом втягивая в себя сырой спертый воздух, я пыталась унять бешенное сердцебиение.

— Волнуешься? — обернувшись, едва слышно шепнул Ланс.

Я кивнула, не решившись ответить вслух. Мне было страшно, пусть я и понимала, что опасность не должна подстергать нас здесь. Вот когда мы попадем в замок, тогда придется быть начеку.

— Не бойся.

Он все-таки остановился, отставил тяжелый меч и ласково погладил меня по плечу. Я закрыла глаза, пытаясь прогнать липкий душный страх.

— Ничего, — пусть и с трудом шевеля губами, но все-таки смогла выговорить. — Сейчас пройдет.

— Пройдет, конечно, пройдет. Ты — самый сильный маг Бранвии на данный момент, Лесса. Ты со всем справишься.

Я опять кивнула. Несколько мгновений спустя мы продолжили наш путь.

Из всех доступных нам ходов Ланс выбрал тот, что вел в винный погреб.

— Заодно сможете принять для храбрости, — пошутил в свое время Эрвин.

Разумеется, выбор был сделан вовсе не по этой причине.

— Даже не знаю, кому из моих предков взбрело в голову устроить подземный ход в столь странном месте, — рассказывал Ланс. — Но нам, несомненно, это только на руку. В мои бывшие покои мы решили не идти, в кабинете покойного отца слишком велик шанс нарваться на Ингрид или ее муженька, в галерее тоже можно попасться кому-нибудь на глаза и переполошить весь замок. А других ходов наружу попросту нет, все прочие просто соединяют разные помещения замка между собой. Среди ночи вряд ли кто полезет за вином, нам придется просто подняться и тихо проскользнуть в потайную комнату, где мы и подождем до начала совета.

То, что погреб, скорее всего, будет заперт, мы предвидели. Но, во-первых, у нас были сообщники внутри замка, а во-вторых, я справилась бы с запором любой сложности шутя — лишь бы он не был усилен магией. Судя по рассказам о нынешнем маге Бранвии, на такое он способен точно не был.

Задачей Эрвина было спуститься в назначенный час к погребу и, если не открыть его, так хотя бы отвлечь тех, кому вдруг случится оказаться поблизости. И пусть вслух об этом никто не говорил, но все мы втайне надеялись, что захваченное мужчинами оружие не доведется пускать в ход.

Тесный коридор сделал очередной поворот, и Ланс внезапно остановился.

— Что случилось? — спросил Говард.

Голос его прозвучал пугающе гулко.

— Обвал, — горько ответил Ланс. — Я — идиот. Следовало проверить ход заранее.

Ладно, возвращаемся. Лесса отправится домой и соберет самые необходимые вещи. Если у нас ничего не выйдет, у нее будет время скрыться. А мы попробует проникнуть в замок через главные ворота под видом... ну не знаю, заезжих торговцев, бродячих артистов, да кого угодно!

План никуда не годился, и сам Ланс, похоже, прекрасно это понимал. Однако же Говард не стал возражать и послушно развернулся к выходу. Я лихорадочно соображала, что могу сделать в этой ситуации.

— Пойдите! — шепотом взмолилась я. — Дайте мне попробовать расчистить дорогу.

Говард только скептически хмыкнул.

— Пойдем, Лесса, не будем терять времени зря, — произнес он. — Возможно, сил у тебя и хватит, а вот умения — нет. Здесь надо не просто убрать землю и камни, а развеять их. Да еще и позаботиться о том, чтобы нас не засыпало.

Но я упрямо протиснулась мимо Ланса, вжавшись в стену. Сосредотачиваясь, закусив губу. Насыпь дрогнула, над нею поднялось облачко пыли — и все.

— Пойдем, Лесса, — обреченно произнес Ланс. — Говард прав, здесь ты бессильна.

Я не стала отвлекаться на разговоры, поскольку прекрасно понимала, что без меня мои спутники все равно не уйдут. Вместо возражений молча вытащила подарок Шера. Было страшно, потому что ни разу еще я не делала подобного. Зажмурилась и одним движением рассекла ладонь. Как там говорил Повелитель Галирфана — моя кровь усиливает любую магию? Вот и посмотрим.

За спиной тихо выругался Ланс и даже, кажется, рванулся ко мне. Но Говард остановил его. Бывший маг понимал, что вмешиваться нельзя. Кровавые капли медленно набухали и наконец начали срываться вниз и падать на холодные бурые камни. Одна, вторая, третья... Да! Воздух вокруг насыпи задрожал, замерцал, и спустя несколько мгновений об обвале ничего не напоминало. Ход выглядел нетронутым.

Пропуская Ланса вперед, я поймала задумчивый взгляд Говарда и мне стало не по себе. Если даже сейчас дядюшка и удержался от расспросов, полагая их неуместными в данной ситуации, то потом, сообразила я, он точно не отстанет от меня, пока все не выпросит. Залечив руку, я пошла вперед. Действительно, сейчас не время думать или говорить о Шере.

Дальнейший путь прошел без происшествий, и вскоре мы оказались в погребке. Ланс заботливо усадил меня на бочку.

— Тебе надо отдохнуть хотя бы недолго, все-таки ты потратила силы, — пояснил он. — Пожалуй, не помешал бы и глоток вина. Подожди, я пока выберу что-нибудь получше.

Я благодарно улыбнулась и бессильно прислонилась к стене. Я уже научилась правильно распределять свои силы, совершая какое-либо магическое действие, но все равно чувствовала слабость и усталость. Да и глоток вина действительно бы не повредил. При этой мысли я вспомнила подшучивания Эрвина и на сердце стало теплее.

Не то краткий отдых вернул мне силы, не то вино, но вскоре я почувствовала себя гораздо лучше. Дверь в погреб, как и ожидалось, была заперта снаружи, но с этой проблемой я справилась легко. Ланс первым выскользнул из подвала.

— Эрвина не видать, — разочарованно произнес он. — Наверное, не получилось вырваться.

И тут мы услышали голоса.

— ...немного на сон грядущий.

— Разве в вашей комнате нет графина? — осведомился знакомый голос.

Эрвин! Вот почему он не подждал нас у двери.

— Мой дорогой друг, а вы-то сами пробовали ту кислятину, которой наши любезные хозяева потчуют своих гостей? Ну уж нет, барон Норт Ротаонский привык к совсем иным напиткам!

— И даже готов исправить оплошность хозяев и взять их без спроса, — едва слышно процедил Ланс, бесшумно приотворяя дверь. — Быстро обратно в погреб, тушим факелы и прячемся за бочками. Если повезет, то барон нас не заметит.

Мы испуганными мышами бросились укрываться, и лишь когда дверь вновь распахнулась, и в проеме показалась темная фигура с масляной лампой в руках, я сообразила, что позабыла запереть дверь. Сжавшись в комочек, притянув колени к груди, я затаила дыхание в надежде, что барон окажется не слишком сообразительным.

— Граф! Здесь кто-то есть! — голос Норты прозвучал испуганно.

— Да кто здесь может быть? Разве что мыши, — насмешливо ответил Эрвин.

— Нет же, говорю вам: кто-то прячется здесь. Принюхайтесь, какой странный запах.

Раздался треск и резко запахло вином.

— Ничего удивительного, — холодно произнес Эрвин. — Видать, этот бочонок был плохо сработан, вот и треснул. А запах вы учуяли раньше, чем вино просочилось наружу.

— Полагаете? — похоже, барон засомневался. — Мне показалось, будто пахнет чем-то иным, очень знакомым. Не могу припомнить, а теперь уж и не разобрать. И вот еще странность — погреб был отперт!

— Перестаньте, Норт. Вы ведь сами отперли его, неужели позабыли?

— Я? — изумленно переспросил барон.

— Разумеется, вы. Это ведь вы тайком взяли ключ. Или вы намекаете, что у меня начались видения? — теперь голос графа Солейского звучал угрожающе.

— Ну что вы, Эрвин, дружище, — залебезил Норт. — Вероятно, я действительно запамятовал. Однако же у этого сквальги Роланда здесь такое изобилие! Согласитесь, просто рай для гурмана. Изысканный цветник!

Я зажала себе рот рукой, дабы не прыснуть со смеху. Сравнить бочонки с вином с изысканным цветником — для этого надо иметь особый склад ума. Однако же мое положение можно было с уверенностью назвать незавидным — шаги барона приближались к моему убежищу.

— Так выбирайте самую ароматную розу в этом цветнике и пойдем наконец отсюда, — раздраженно откликнулся Эрвин. — Здесь, знаете ли, как-то не слишком уж уютно. Мрачновато и прохладно.

— Да вы шутник, дружище, — захихикал барон. — И почему я раньше полагал вас высокомерным типом? Нам определенно стоит выпить вместе и побеседовать по душам.

— Да-да, согласен, только определяйтесь уже побыстрее. Как насчет вот этого?

— Нет, здесь есть кое-что получше. Вот, посмотрите.

Норт остановился совсем недалеко от меня, так что я даже смогла отчетливо разглядеть в тусклом свете его плохо начищенные туфли. Эрвин подошел, чтобы взглянуть на его находку, случайно бросил взгляд вниз и заметил меня. Лицо его на мгновение исказилось, а затем он слегка переместился, закрывая барону обзор.

— Отличный выбор, друг мой. Пойдемте же поскорее, мне не терпится испробовать этого нектара.

Когда на двери вновь щелкнул замок, из разных углов послышалось одновременно три



вздоха облегчения. А вслед за тем пришло осознание, что на помощь Эрвина рассчитывать пока не стоит: вряд ли ему удастся столь быстро вырваться из лап словоохотливого барона.

На сей раз мы выбрались из подвала без приключений.

— Нам надо подняться к портретной галерее, — шепотом напомнил Ланс. — За крайним портретом Дерека Бранвийского скрывается ход в потайную комнату. Надеюсь, Эрвин избавится от пьянчужки-барона и придет нас проведать. Подушки и одеяла он должен был принести загодя.

Фердинанду, несмотря на будущее родство, Ланс секретов своего замка не доверил. Мы беспрепятственно поднялись по лестнице, задержавшись только у входа в галерею, где пришло в голову миловаться какой-то влюбленной парочке.

— Устроили из моего родового замка рассадник порока, — сквозь зубы зло шептал Ланс.

Похоже, все эти мелочи только увеличивали его счет к ненавистной мачехе.

Перед портретом Дерека я задержалась на мгновение. Ни у кого при взгляде на Ланса не могло возникнуть сомнений, к какому роду он относится — слишком уж заметны были те фамильные черты, что он унаследовал: резкая линия скул, небольшая горбинка на носу, разрез синих глаз. Понадеявшись, что завтра нам не придется прикладывать лишних усилий для подтверждения личности юного герцога, я скользнула в открывшийся проем.

Ланс и сам толком не знал, кто именно из его предков устроил потайную комнату, но постарался неведомый герцог на славу. Это была даже не комната, а целые покои, состоящие из небольшой спальни и крохотной умывальни. Узкую койку мужчины отдали мне, а сами устроились на полу, благо подушек и одеял хватало. На небольшом столике стоял даже поднос с хлебом и холодным мясом на случай, если нам захочется перекусить.

Хоть мы и улеглись, но не спали — ожидали Эрвина. Он пришел спустя пару часов.

— Простите, но этот барон, чтоб его демоны уволокли, никак не хотел уходить. Значит, так. Совет начнется после обеда, тогда же должен быть представлен наследник Генриха. Не хотелось бы вас тревожить, но вид у Ингрид и Роланда чрезвычайно довольный, похоже, они задумали какую-то каверзу.

— А что они говорят обо мне? — тут же спросил Ланс.

— Да то, что и обычно: юный герцог неважно себя чувствует, он слишком слаб, чтобы выдерживать шумные застолья.

— Но на совете, по их словам, я буду?

Эрвин кивнул.

— Похоже, твои дражайшие родственники нашли подмену. Ни чем иным я объяснить их поведение не могу. Ты не подавал о себе вестей и в окрестностях замка не появлялся, члены совета помнят тебя ребенком. Они уверены, что разоблачение им не грозит.

— Ну и отлично. Тем сильнее будет неожиданность.

— И все же я не стал бы их недооценивать. В замке полно гвардейцев. Часть из них уже перекуплена Фердинандом, но кое-кто хранит верность нынешним хозяевам.

Ланс кивнул. Кузены еще немного посовещались, обсуждая детали завтрашней операции, а потом Эрвин удалился — он не мог отсутствовать в своей спальне слишком долго, дабы не вызвать подозрений.

— До встречи на совете, — сказал он на прощание.

— До встречи, — отрывисто бросил Ланс.

А мы с Говардом промолчали.

Во время обеда ему казалось, будто сиденье его стула утыкали острыми иглами. Спинку, пожалуй, тоже, поскольку расслабиться не удавалось ни на миг. С трудом удерживая любезную улыбку на лице, он делал вид, будто внимательно прислушивается к словам Ингрид. Желая выказать свое почтение графу Солейскому, герцогиня усадила его рядом с собой и теперь старательно развлекала светской беседой. Пару раз Эрвину даже почудился плотоядный огонек в ее глазах, но он тут же позабыл об этом, занятый мыслями о предстоящем совете. Вроде бы они с Фердинандом сделали все, что только в их силах, но окажется ли этого достаточно? И больше всего тревожила графа вовсе не судьба кузена. Дурное предчувствие не давало ему покоя со вчерашнего дня, и связано оно было с Лессой. Эрвин и сам не смог бы сказать, что именно его беспокоит, но с каждым мгновением ему становилось все тревожнее.

— Прошу, господа, — на правах хозяина произнес Роланд и первым встал из-за стола. — Не будем забывать о том, ради чего мы все здесь собрались.

Эрвин подал руку герцогине и проследовал за герцогом в зал совета, отметив по пути небывалое количество стражи в коридорах.

— Итак, господа, — объявила Ингрид после того, как все заняли свои места, — полагаю, что все вы помните моего сына, Ланса Бранвийского. К сожалению, слабое здоровье не позволило мальчику принять участие в торжествах по поводу его совершеннолетия. Однако же он нашел в себе силы явиться на совет и пообщаться с вами.

Незаметная дверца в углу распахнулась, и в комнату вошел черноволосый молодой человек с пронзительно-синими глазами.

Незнакомец вовсе не был похож на Ланса, но вот сходство с многочисленными предками Бранвийского определенно присутствовало. У Эрвина даже мелькнула мысль, что Ингрид разыскала где-то потомка одного из незаконнорожденных отпрысков деда либо прадеда его кузена.

— Прошу прощения, господа, — слабым голосом произнес самозванец, опускаясь в мягкое кресло. — Моя дорогая матушка права: я действительно неважно себя чувствую. Лишь благодаря ее заботам и стараниям нашего почтенного мага во мне еще теплится жизнь.

Из-за двери послышался странный шум, и Эрвин напрягся. По его подсчетам, заговорщики уже должны были войти в зал совета. Похоже, их задержала стража. Граф встретился взглядом с Фердинандом, и старый лис понимающе кивнул. Совет необходимо было затягивать до появления Ланса.

— Мы рады приветствовать вас, молодой человек, — пророкотал Фердинанд, вставая, — но как вы докажете, что вы и есть сын покойного Генриха?

— Что? — возмутилась Ингрид. — Я ведь только что сказала вам, что это мой пасынок! Или вы подвергаете сомнению мои слова?

— Я требую проверки на семейном артефакте, — упрямо произнес будущий тесть герцога.

— Ну что вы, дорогой граф? — вкрадчиво спросил незнакомец. — Неужели вы не узнаете меня?

На Эрвина вновь повеяло холодом и он ощутил странную тревогу, как некогда в Палерго при встрече с демоном пустыни. Глаза Фердинанда остекленели и он произнес странным

равнодушным голосом:

— Простите, ваша светлость. Я просто неудачно пошутил.

Граф Солейский вскочил с места, с удивлением рассматривая членов совета. Происходящее показалось ему дурным сном. Люди вокруг него кивали в такт словам Фердинанда с застывшими лицами. Самозванец взглянул на Эрвина и недобро усмехнулся. Граф еще успел осознать, что возникли непредвиденные сложности и надо готовиться к крупным неприятностям, как двери в зал с грохотом распахнулись.

Я его узнала сразу, несмотря на измененную внешность. Синие глаза на незнакомом лице смотрели с легкой насмешкой.

— Надо было сразу соглашаться на мою помощь, — произнес Шер.

Ланс, еще не оттерший кровь с меча, сделал шаг вперед.

— А ты кто такой?

Эрвин бросился к нам, но внезапно застыл в нелепой позе. А я ощутила, как начинают дрожать от усталости руки и ноги: все же схватка с гвардейцами Роланда здорово вымотала нас. Трех усыпила я, одного убил Говард, двоих — Ланс, и еще трое остались ранеными лежать в коридоре.

— Ну как, Лесса, — продолжил Шер, не обращая внимания ни на кого, кроме меня, — что ты теперь скажешь? Обычно я не повторяю своего предложения дважды, но для тебя сделаю исключение. Ты пойдешь со мной?

— Нет! — вырвалось у Эрвина. — Лесса, нет!

Повелитель Галирфана подошел к нему и с интересом заглянул в лицо.

— Так вот оно что! — воскликнул он весело. — Мальчишка-то, оказывается, влюблен. Надеюсь, безответно?

Мне стало страшно. Так страшно, как ни разу в жизни до этого момента. Если Шер догадается о том, что связывает нас с Эрвином, то жить моему жениху останется какие-то жалкие мгновения. Потому-то я поспешно выпалила:

— Влюблен? Меня это не интересует. Разве я могу посмотреть на другого мужчину, кроме тебя, Повелитель?

Лицо Эрвина исказилось от боли, а у меня словно что-то оборвалось внутри, образуя кровоточащую рану.

— Лесса, — позвал меня Говард. — Лесса, что происходит?

— Довольно! — разозлился Шер. — Малика, у тебя есть минута на принятие решения. Если ты уйдешь со мной, то с мальчишками и стариком ничего не случится, обещаю. Если же нет...

Он оборвал фразу, но я поняла, что сбывается мой самый страшный кошмар: Шер решил шантажировать меня жизнями близких людей. Я видела, как силится сбросить чары Эрвин, как порывается что-то сказать мне дядюшка, но и рта раскрыть не может, как судорожно подрагивают на рукояти меча пальцы Ланса. Прочие же собравшиеся в зале смотрели перед собой абсолютно пустыми глазами. Казалось, они вовсе не понимали, что сейчас происходит.

— Хорошо, — тихо произнесла я, глотая слезы. — Хорошо, я пойду с тобой, если никто не пострадает.

— Не могу поручиться, что именно здесь произойдет после нашего ухода, — криво ухмыльнулся Шер. — Но осмелюсь предположить, что твои друзья не дадут себя в обиду. Ах да! Чуть не позабыл. Все-таки обещания следует выполнять.

И он выхватил из кресла и швырнул передо мной на пол красивую блондинку с застывшим взглядом огромных голубых глаз.

— Молодость, красота и безопасность, — насмешливо процедил он. — Все пункты договора соблюдены. Дай руку, Малика.

Опять это странное, чужое имя. Видимо, придется мне к нему привыкать. Зажмурившись, я протянула Шеру ладонь и вскоре ощутила короткую вспышку боли от пореза. А затем у меня закружилась голова и я провалилась в темноту.

Дел свалилось столько, что к ночи начинала раскалываться голова, а в глаза словно насыпали песок. Совсем худо обстояло с казной герцогства: Роланд тратил огромные суммы на свои развлечения, а Ингрид и не думала окоротить супруга, более того, и сама время от времени запускала жадные ручонки в чужие деньги. Хорошо хоть, что произошедшее на совете за пределы зала не вышло и по Бранвии не пошли гулять слухи о двойнике герцога. Объяснялось все довольно просто: члены совета, придя в себя, совсем ничего не помнили. Даже Фердинанд в растерянности вертел головой, не понимая, что происходит. Семейный артефакт подтвердил, что Ланс — законный сын Генриха, Роланда арестовали за растрату, и теперь он дожидался своей участи в камере, а пропажа Ингрид никого особо не взволновала. Только Ланс злился, что не может отомстить мачехе как следует.

Фердинанд отправился за оставленной в Палерго Бьянкой, двор начал готовиться к свадьбе. А Эрвин не спал ночами, мерил шагами отведенные ему покои и порой бессильно бил кулаками по холодной каменной стене. Где и как искать Лессу — ответа на этот вопрос никто не знал.

Говард закопался в библиотеке замка в поисках старинных фолиантов. Старый маг корил себя за то, что так легкомысленно отнесся в свое время к их разговору о демоне пустыни. Ланс направил гвардейцев прочесывать все места последних паломничеств Ингрид — где-то она ведь нашла посредников, что свели ее с этими страшными созданиями. А Эрвин готов был выть от бессилия, осознавая, что сделать ничего не может и пользы от него никакой. Он помогал кузену, загружал себя работой, чтобы заглушить страшные мысли, но совсем не думать не получалось...

— Пойти, что ли, по стопам твоего отчима и начать пить? — полушутя спросил он как-то у Ланса.

— И как это поможет Лессе?

— А как я могу помочь ей сейчас? — взорвался Эрвин. — Я не знаю, где она, с кем, даже не знаю, жива ли!

— Жива, — уверенно заявил Ланс. — Кем бы ни был тот тип, что забрал ее, она нужна ему живой. И Лесса — девушка здравомыслящая, сводить счеты с жизнью она не станет. Рано или поздно мы обнаружим ее.

— Надеюсь только, что не слишком поздно, — горько сказал Эрвин.

Кузен обеспокоенно взглянул на него.

— Ты ведь не поверил ее словам о том, будто ей нет до тебя дела?

Эрвину почудилось, будто в незажившей ране проворачивают ржавый нож.

— Я не знаю, — признался он. — Я верю, что она любила меня. Но сейчас, когда она осталась без близких людей, а рядом с ней этот демон с такими способностями... Я правда не знаю, Ланс! Он ведь может внушить ей все, что угодно. Раз уж ему под силу справиться с толпой народа...

Ланс сжал его плечо.

— Но ему не под силу справиться с любовью. Вот увидишь, однажды мы все вместе посмеемся над твоими страхами. Только не опускай руки. Ты нужен Лессе.

Эрвин глубоко вздохнул.

— Спасибо, кузен, — наконец сказал он после продолжительного молчания. —

Спасибо за поддержку. Боюсь, в одиночестве я мог бы и сломаться.

— Вот уж нет, — с усмешкой возразил герцог. — Только не ты. Уж я-то тебя знаю...

Она очнулась в незнакомой комнате с весьма странной обстановкой. Пол был устлан дорогими шелковыми коврами, на которых были вытканы пышные цветы и чудные животные с горбатыми спинами и вытянутыми мордами. Вместо привычной ей кровати у стены располагался тюфяк, на котором она и лежала. Постельное белье, опять-таки, было дорогим, с изысканной вышивкой. Небольшой резной комод и низкий столик довершали обстановку. На столике стоял кувшин с водой. Ингрид жадно выпила несколько глотков и напрягла память в попытке вспомнить, как она очутилась в столь странном месте.

Был совет. Да, точно, был совет, и все шло как по маслу, пока мерзавцу Фердинанду не захотелось проверить подлинность наследника. Герцогиня тогда напряглась, не уверенная в том, что ее сообщнику удастся обмануть фамильный артефакт. Но подмигнул ей одними уголками губ и слабо кивнул, давая понять, что все обойдется. А дальше все будто заволочло туманом. Кажется, из коридора слышался какой-то шум. Да, точно, будто бы там шел бой. А потом появился настоящий Ланс. Или нет? Или ей примерещилось? Если Ланс все-таки умудрился проникнуть на совет, тогда понятно, почему она не в замке. Хотя... Захвати ее пасынок власть, она очнулась бы в темной сырой камере, а не в довольно уютной, пусть и диковинно обставленной комнате. Голова разболелась, и Ингрид сжала пальцами виски. Осознав, что эту загадку ей все равно не разрешить, она медленно опустилась обратно на тюфяк. Надо просто подождать, и тогда все откроется само собой — рано или поздно.

Ждала она недолго. Открылась незаметная дверь, и в комнату вошла сухопарая загорелая дочерна и сморщенная, будто печеное яблоко седовласая женщина с подносом в руках. Она опустила свою ношу на столик и жестом предложила Ингрид поесть.

— Кто ты такая? — властно спросила герцогиня. — Как тебя звать? И где я нахожусь?

Но женщина молча покачала головой — либо не поняла вопросов, либо ей запрещено было разговаривать с узницей, либо же она и вовсе была немой. Рассудив, что отказываться от еды просто глупо, Ингрид приблизилась к столику и уселась прямо на ковер. Ей принесли горячие лепешки с зеленью, мясо в остром соусе, соленый сыр, свежие овощи и прохладный сладковатый мятный напиток. Проголодавшейся Ингрид непривычная еда показалась необыкновенно вкусной. Когда она опустошила тарелки, незнакомка все так же жестами велела герцогине следовать за ней.

Пожалуй, Ингрид могла бы наброситься на старуху и даже справиться с ней, вот только она совсем не представляла, что же делать дальше. Для того, чтобы планировать побег, надо хотя бы представлять, в какую сторону бежать, а герцогиня понятия не имела о том, где она находится. С другой стороны, ничего дурного ей пока не сделали, поселили в вполне неплохую и даже по-своему роскошную комнату, накормили вкусным обедом. И она послушно пошла за незнакомкой. Та привела ее в огромную купальню, где две смуглые молчаливые девушки вымыли Ингрид душистой пеной, смазали ее волосы ароматной жидкостью и растерли все тело маслом с незнакомым томным запахом, от которого кружилась голова и тяжелело внизу живота. После всех этих процедур герцогиню обрядили в легкое белое платье и отвели обратно в комнату. И только когда дверь за ней захлопнулась, Ингрид обнаружила, что в помещении она не одна.

Темноволосый кареглазый незнакомец, стоявший у забранного изящной витой решеткой окна, чем-то неуловимо напомнил ей Саддама. Герцогиня не испугалась — не в ее



привычках было бояться молодых привлекательных мужчин. За окном уже стемнело, легкий ветерок покачивал тонкую штору, откуда-то едва слышно доносилась томная тягучая мелодия, а воздух наполнялся тяжелым сладким ароматом. Оглядевшись в поисках его источника, Ингрид заметила новый предмет — бронзовую курильницу, над которой поднимался дымок. Герцогиня могла бы поклясться, что прежде ее в комнате не было. Внезапно потяжелела голова, а тело, напротив, сделалось легким-легким, будто бы невесомым. Захотелось беспричинно смеяться, а еще Ингрид ощутила уже привычный жар внутри. Кем бы ни был этот незнакомец, что сейчас столь пристально рассматривал ее, она его хотела.

— Ты красивая, — сказал он, странно смягчая звуки. — Повелитель очень щедр к своим воинам. Он сделал нам чудесный подарок — женщину с белыми волосами. Давно таких не было в Галирфане. Подойди ко мне, женщина.

Ингрид покорно подошла к нему и только сладострастно застонала, когда его ладонь накрыла ее грудь. Она подалась к незнакомцу, чтобы обнять его, но ее остановил резкий окрик:

— Не прикасайся ко мне без позволения, женщина!

И она замерла, а мужчина повернул ее спиной к себе и расстегнул застёжки платья на плечах. Тонкая ткань соскользнула вниз, оставляя Ингрид обнаженной. Грубые руки гладили ее живот, сжимали грудь, а она только вздрагивала и постанывала. Наконец незнакомец толкнул ее в спину, вынуждая опуститься на колени, а затем — опереться на руки и опустить голову. Тяжелые светлые волосы герцогини он намотал себе на руку и иной раз довольно больно дергал. Но ни боль, ни унижительное осознание, что случайный любовник даже не подумал раздеться, не помешали Ингрид стонать от наслаждения. И она даже не услышала, как еще раз хлопнула дверь, пропуская еще одного Лунного Воина...

Меня окружили роскошью. Поселили в огромных комнатах, засыпали драгоценностями. Вокруг постоянно суетились молчаливые служанки, готовые предугадать малейшее мое желание. Но желание у меня было только одно: сбежать обратно, а в этом, увы, на помощь рассчитывать не приходилось. Первые дни я просто безучастно сидела на низкой постели под балдахин, смотря в одну точку на оббитой деревянными панелями и расписным шелком стене. Есть мне не хотелось, и я равнодушно отодвигала от себя подносы с неведомыми лакомствами. Когда меня звали в купальню, я поднималась и покорно следовала за служанками, но прикасаться к себе им не позволяла. Сама мылась, сама одевала непривычные светлые одежды, сама заплетала волосы в косы. На третий день моего нахождения в Галирфане пришел Шер.

— Ты грустишь, Малика, — он не спрашивал, а утверждал.

Я не видела смысла притворяться.

— Грущу? — закричала я и набросилась на него с кулаками. — А ты как думал? Ты забрал меня сюда! Лишил всех близких людей! Ты! Ты! Ты...

И я позорно разрыдалась. Шер обнял меня, прижал к груди, а у меня даже не было сил сопротивляться. Я только всхлипывала, а тонкая шелковая рубашка Повелителя пропитывалась слезами.

— Поплачь, Малика, — ласково проговорил он, поглаживая меня по волосам. — Поплачь, тебе станет легче. Видишь, ты уже оживаешь.

— Ты забрал у меня даже мое имя! — прорыдала я.

— Это не твое имя, Малика. Его дала тебе приемная мать. Уверен, что Карида назвала тебя иначе.

Разумеется, иначе. Ланс сказал, что при рождении мне дали имя Литория, в честь отца. Вот только Шеру этого я говорить не стала.

— Но и Маликой меня не звали.

— Это имя подходит тебе, — пояснил Шер, явно довольный, что я вновь почти нормально с ним разговариваю. — Подчеркивает твоё происхождение из правящего рода.

Ладно, пусть будет Малика. Я уже начала успокаиваться и осознавать, что не стоит сердить Шера из-за мелочей. Напротив, надо дать ему понять, что я смирилась, а самой тем временем искать выход.

— Посмотри, что я принес тебе, — сказал Повелитель, отстраняясь. — Они принадлежали твоей матери.

Я грустно рассматривала сверкающие камни. Бриллианты, изумруды, рубины, сапфиры, жемчуга. Серьги, кольца, ожерелья, браслеты, диадемы. Мама... Нет, отчего-то при взгляде на эти драгоценности я не желала думать о ней. Те украшения, что хранились в сундуке Сузи в далекой Бухте-за-Скалами, казались мне родными и грели сердце, а эти не вызывали никаких эмоций. Но я улыбнулась и поблагодарила Шера:

— Спасибо, они очень красивые.

— Примерь что-нибудь.

Наугад я вытащила кольцо из нескольких рядов жемчужных нитей.

— Хороший выбор. У тебя превосходный вкус, Малика. Позволь, я помогу тебе.

Я откинула косы вперед и слегка наклонила голову. Прохладные жемчужины легли у

основания шеи и на грудь. Шер застегнул колье, но отстраняться не стал. Он ласково провел ладонями по моим плечам, потом по рукам, затем обнял за талию, заставляя откинуться ему на грудь. Теплые губы прижались к моей шее.

— Моя Малика... Наконец-то моя!

Поцелуи становились все крепче, и я поморщилась, понимая, что завтра будут синяки. К счастью Шер не видел моего лица.

— Довольно, — прошептала я, делая попытку вырваться. — Прости, но я пока не готова.

Повелитель резко развернул меня к себе и впился в губы. Его руки сжимали меня, не позволяя освободиться. Язык скользнул в мой рот, и я задохнулась и забилась в его объятиях.

А потом все закончилось. Шер разомкнул руки и отступил на шаг.

— Ждать осталось недолго, — произнес он. — Ты станешь моей женой в день своего восемнадцатилетия.

Значит, время у меня еще оставалось, пусть и не столь уж много. И для начала мне следовало бы обзавестись союзниками. Я припомнила ту женщину, что Шер забрал с собой из замка. Быть может, она тоже захочет сбежать?

— Я не хочу, чтобы у тебя были другие женщины, — капризно протянула я.

Повелитель протянул руку и погладил меня по щеке.

— Зачем мне другие, если у меня будешь ты?

Я приняла недовольный вид.

— Но ты ведь притащил сюда ту блондинку из Бранвии. Кто она? Твоя любовница?

— Ах, эта, — на лице Шера появилось брезгливое выражение. — Нет, я не стал бы с ней спать, даже будь она единственной женщиной на свете.

— Тогда зачем она тебе?

— Я пообещал ей безопасность. Теперь, когда вся власть в герцогстве у ее пасынка, ей лучше находиться здесь.

Так вот кто она такая! Такой союзник мог оказаться опаснее явного врага, но мне захотелось узнать о судьбе Ингрид побольше.

— И где она сейчас?

— Здесь, во дворце. Я нашел для нее подходящее занятие. Не думаю, что она осталась слишком недовольна. Моим воинам она понравилась.

Я содрогнулась, сообразив, какую участь Шер уготовил Бранвийской герцогине.

— Я могу увидеть ее?

— Зачем она тебе?

Я пожала плечами.

— Мне просто любопытно увидеть униженного врага.

Это желание Шеру было понятно.

— Хорошо, Малика, я покажу ее тебе. А теперь ты должна поесть. Тебе нужно набраться сил перед дорогой.

Я было обрадовалась и даже впустила в сердце надежду, что Шер позволит мне повидаться с друзьями, но радость моя быстро угасла.

— В трех днях пути от Галирфана находится храм Луны, куда не ступала нога мужчины. Тех девушек, в ком сильна кровь первородных Владык, незадолго до восемнадцатилетия отвозят туда. В одиночестве входят они под своды храма и хранят молчание о том, что там с ними происходит. Но этих девушек отмечает Луна, и впоследствии от них рождаются Воины, наделенные могуществом.

— Моя мама тоже там была? — тихо спросила я.

Шер помрачнел.

— Нет, она исчезла накануне паломничества. В этот храм можно попасть только через пустыню, Малика. Переместиться туда нельзя. Так что береги силы, они тебе понадобятся. Через десять дней мы отправляемся.

Шер сдержал слово и отвел меня в небольшую комнату, обставленную весьма скудно. На ковре лежали подушки для сидения, между ними низкий столик — вот и все. В одной стене зачем-то было прорублено окно в соседнюю комнату.

— С той стороны зеркало, — сказал Шер. — Тебя никто не увидит.

Заинтересовавшись, я подошла поближе. Комната была побольше, чем та, в которой мы находились, и в ней точно кто-то жил. На столике стоял кувшин и блюдо с фруктами, тюфяк был застелен вышитым бельем. Открылась дверь, и вошла та самая блондинка, которую я видела в замке Ланса — Ингрид. Вид у нее был изможденный, под глазами залегли темные круги, щеки ввалились, в уголках рта залегли морщинки. Но меня поразило выражение ее лица. Никогда прежде я не видела такой обреченной покорности. Пока я разглядывала женщину, в комнату зашли двое мужчин. Один из них что-то сказал, и я с ужасом увидела, как Ингрид, видимо, повинувшись его приказу, расстегнула застёжки на плечах. Платье соскользнуло к ее ногам, обнажая безупречное белоснежное тело. Затем по распоряжению второго мужчины Ингрид принялась ласкать собственную грудь. Все себя от отвращения я повернулась к Шеру.

— Ты привел меня сюда, чтобы я посмотрела на этот разврат?

— Мы пришли в удачный момент, — равнодушно ответил Повелитель. — Ты увидела судьбу этой женщины, но твой взор не был оскорблен сценами соития.

— Я хочу уйти, — холодно произнесла я.

Шер поднес мою руку к губам и поцеловал ладонь.

— Разумеется, Малика. То, что сейчас произойдет, не для твоих глаз. Но ты довольна тем, как я обошелся с той, кого ты полагала врагом?

— Она убила моего отца, — старательно подбирая слова, ответила я. — Да, я довольна. Такая участь хуже, нежели смерть.

— Отец настаивает на скорейшем отъезде в герцогский замок.

— Ну и пусть. Нам-то что за беда? Я последую за тобой, вот и все.

Бьянка удобно устроила на коленях Саддама, прижавшись к нему спиной. Платье ее было расстегнуто и приспущено, и Лунный Воин пальцами выводил круги на высокой упругой груди. Подобная ласка давно уже не смущала Бьянку. Последней преградой между полной близостью все еще оставалась ее девственность, но и без того Саддаму было позволено очень многое. Формально оставаясь невинной, невеста молодого герцога за короткий срок стала весьма искушенной в любовных утехах особой. Она научилась не только без стыда принимать наслаждение, но и дарить его своему возлюбленному. Ланс бы немало удивился, узнав об умениях Бьянки. Вот только при мысли о будущем супруге у дочери Фердинанда начиналась паника.

— Что за беда? — вскипела она и резко выпрямилась, едва не задев при этом макушкой подбородок Саддама. — Ты действительно считаешь, что я должна покорно лечь в постель герцога, а потом рожать ему детей? Ему, а не тебе. Учти, что семейный артефакт мигом выдаст бастарда. И вот тогда мне останется только наложить на себя руки, поскольку публичная казнь — вовсе не то завершение жизни, которого бы мне хотелось.

Саддам молчал. Казнь за супружескую измену вызывала у него горячее одобрение — вот только дело на сей раз касалось его женщины. Женщины, к которой он успел привязаться и которую не желал отдавать другому. Вот только как избежать договорного брака Бьянки с Лансом, Лунный Воин не знал. И сейчас он просто успокаивающе поглаживал ее обнаженные плечи, то и дело прикасаясь поцелуями к нежной белой коже.

— Я что-нибудь придумаю, — наконец пообещал он. — Веди себя так, чтобы не вызвать подозрений, и положишься на меня. А теперь откинься назад и слегка прогнись, вот так. Нравится?

— Да-а-а, — простонала Бьянка, послушно выгибаясь в его руках.

— А теперь дай руку, моя хорошая. Вот так, дорогая, да, погладь еще. Можешь сжать сильнее, не бойся. Да, вот так! Вот та-а-ак...

Замок встретил Бьянку неприветливо. Ей даже казалось, будто хмурятся не только снующие туда-сюда с мрачными лицами гвардейцы и слуги, но и сами стены из серого камня. Жених уделил ей только один вечер по приезду.

— Простите меня, дорогая, — сказал он, целуя ей руку, — но на меня навалилось столько дел. После правления Роланда герцогство находится в крайне запущенном состоянии. Увы, но я сейчас даже обедаю и ужинаю в рабочем кабинете. И был бы весьма благодарен вам, если бы вы, на правах будущей хозяйки, занялись подбором новой прислуги.

Действительно, ужинала Бьянка, как правило, вдвоем с отцом. Сидя напротив Фердинанда за длинным столом в огромной столовой, она безрадостно думала, что вовсе не о такой жизни мечтала. Собравшиеся на празднование совершеннолетия Ланса дворяне уже разъехались, а с немногочисленными оставшимися гостями виделась Бьянка нечасто. Как-то зайдя в библиотеку она обнаружила там бывшего Теннантского мага, дядю Лессы. Тот сидел, обложившись пыльными толстыми томами с непонятными письменами и водил пальцем по строчкам, шевеля губами.

— Как поживает ваша племянница? — учтиво спросила Бьянка.

Не то, чтобы ей действительно было хоть какое-то дело до девчонки, но будущая герцогиня ведь обязана быть любезной со своими подданными.

Говард бросил на нее странный взгляд и ничего не ответил. И лишь вечером Фердинанд пояснил дочери, что Лесса бесследно пропала.

— Как пропала? — удивилась Бьянка. — Когда?

— Да прямо во время совета, — поморщился Фердинанд. — Видишь ли, дорогая, тогда вообще произошло нечто странное. Вроде бы Роланд объявил, что желает представить собравшимся своего пасынка. И Ингрид, кажется, сидела на своем месте, по левую руку от герцога. А потом мне показалось, будто я заснул и сквозь сон слышал чьи-то голоса. А когда проснулся, то Роланд был уже арестован, а в герцогском кресле сидел Ланс. Ингрид же и вовсе словно испарилась. Полагаю, она ухитрилась незаметно бежать. Но что-то в этом деле нечисто. Никто из присутствовавших на совете не признался мне прямо, но из бесед я сделал вывод, что многие страдают провалами в памяти, подобными моему.

— Быть может, нам стоит повременить со свадьбой? — обрадовалась Бьянка.

— Это еще почему?

— Полагаю, раз уж есть сомнения в законности правления Ланса, то это было бы разумно.

— Нет, никаких сомнений ни у кого не имеется, — возразил Фердинанд. — Родовой артефакт признал герцога, это точно. Но эти странные исчезновения мне категорически не нравятся. Неужели Ингрид прихватила с собой девчонку? Зачем?

— Быть может, они сбежали отдельно друг от друга? — предположила Бьянка.

— Но одновременно? — фыркнул граф. — Слишком уж необычное совпадение. Тем более, что эта Лесса вроде бы всерьез собиралась замуж за Эрвина Солейского. Скорее уж я поверю, что герцогиня прихватила с собой заложницу на всякий случай.

Бьянка припомнила, что мельком увидела утром Эрвина, и вид у него был будто у тяжелобольного. Похоже, версия отца была близка к истине.

Она сильно переживала, что Саддаму не удастся проникнуть в замок, однако же на следующей после приезда вечер застала его в своей спальне.

— Спрячься немедленно, — испугалась она. — Сейчас придет горничная.

— Она меня не заметит, — заверил Лунный Воин.

Действительно, горничная не обратила на застывшего в углу мужчину ни малейшего внимания, а Бьянка немного смущалась, переодеваясь ко сну под его взглядом. Подобный опыт был для нее внове.

Стоило им остаться наедине, как Саддам тут же заключил ее в объятия и страстно поцеловал.

— Мне понравилось, — шепнул он, когда их губы разомкнулись. — Надо приходиться каждый вечер и любоваться.

Бьянка поглаживала его спину, запустив руку под рубаху.

— Отец не соглашается отложить свадьбу, — пожаловалась она. — Но здесь, в замке, происходит нечто странное. Полагаю, нам нужно попробовать разобраться в этом. Вдруг удастся узнать какие-то секреты герцога? Тогда мы получим влияние на него.

Саддам подхватил ее на руки и отнес на кровать. Сам он устроился рядом и положил руку на ее бедро.

— Рассказывай, что показалось тебе необычным.

Бьянка, стараясь не отвлекаться на его ласки, рассказала обо всем: о неприветливости

Ланса, потерянности Эрвина, чудных книгах, что изучал в библиотеке Говард. Отдельно упомянула о происшествии на совете. Саддам слушал ее очень внимательно.

— Значит, они ищут пропавшую девушку? — спросил он, когда Бьянка завершила свой рассказ.

— Наверное, ищут. Вот только никому ничего не рассказывают. Но Ланс отослал куда-то гвардейцев, целых два отряда.

— Вот как. А маг изучает книгу со странными знаками. На что они похожи?

Бьянка нахмурилась, вспоминая.

— Не знаю, закорючки с петельками какие-то. А это важно, да?

— Пока тяжело сказать, — уклончиво ответил Саддам. — Мало ли, что нам может пригодиться. Я постараюсь разузнать побольше. А теперь предлагаю заняться более приятными вещами.

И он потянул вниз вырез сорочки Бьянки, обнажая ее плечо и левую грудь. Прикоснулся губами, провел языком по напрягшемуся соску, отчего Бьянка всхлипнула и вцепилась в его плечи.

— Я люблю тебя, — прошептала она. — Только тебя. И хочу быть только твоей. Не отдавай меня Лансу, пожалуйста.

— Не отдам, — пообещал Лунный Воин. — Верь мне, хорошая моя. Я непременно что-нибудь придумаю.

— Верю, — простонала Бьянка и закинула ногу ему на бедро. — Я верю только тебе. Я знаю, что ты меня не обманешь.

Призрачный образ Повелителя обернулся туманной дымкой и развеялся в воздухе. Саддам загасил жертвенный огонь, но уходить не спешил. Он прислонился к растрескавшейся стене и невидящим взглядом уставился на покосившуюся балку заброшенного дома. Впервые в жизни он не знал, как ему поступить. Раньше все было куда как проще: сначала законом являлось слово наставника, затем — жреца, а после — Повелителя. И никогда Лунному Воину даже в голову не приходило не подчиниться приказу. Он делал все, что ему говорили: грабил, пытал, убивал. И о том, что такое угрызения совести, даже не подозревал.

Теперь же, докладывая владыке Галирфана о происходящем в замке, Саддам все время видел перед собой огромные наивные глаза и слышал нежный голос: «Я знаю, что ты меня не обманешь». И чувствовал себя настолько редкостным подлецом, что хотелось взвыть и удариться изо всех сил лбом о твердый холодный пол, дабы вышибить из головы горькие мысли.

А еще его терзала ревность — тоже чувство, прежде неведомое. Стоило ему представить, как к его Бьянке прикоснется другой, да не просто прикоснется, а поцелует, снимет кружевную сорочку, сделает своей — и Саддам принимался крушить все, что только попадалось ему под руку. Иной раз желание убить Ланса становилось прямо-таки нестерпимым.

Повелитель велел втереться в доверие к будущей герцогине — и Саддам это сделал. Повелитель велел докладывать обо всем, что происходит в замке — Саддам выполнял и это распоряжение. Но с каждым разом чувствовал себя все гаже и гаже. Пусть Шер и не считал нужным сообщать своим Воинам о собственных поступках, Саддам догадывался, куда подевались дочь Карида и распутная баба, но до них ему не было дела. Что же до поисков — пусть себе ищут. Никому и никогда не удавалось найти Галирфан. Даже если Говард догадается, где именно находится его племянница, все равно ему ее не обнаружить.

Куда больше беспокоила Саддама неотвратимо приближающаяся свадьба Бьянки. Он еще не знал как, но твердо решил, что Ланс не получит его женщину. Свою девственность Бьянка отдаст ему, Саддаму, чего бы это ему не стоило. Он даже подумывал о том, чтобы бежать с возлюбленной, подобно Кариде. Останавливало его лишь то, что он прекрасно знал конец этой истории: они оба умерли, причем довольно скоро, Карида и ее муж. А Саддам желал бы жить со своей Бьянкой по возможности долго.



Пустыня пугала. Бескрайние пески бурого цвета отбрасывали блики нещадно палящего солнца. Сухой жаркий ветер не приносил облегчения, лишь обжигал открытую часть лица. По спине тек пот, волосы под покрывалом прилипли ко лбу и вискам, горячий воздух с каждым вдохом опалял гортань. Хорошо еще, что ей позволили пить столько, сколько она захочет. Сопровождавшие же ее воины за весь день лишь пару раз дружно приложились к флягам.

Ночь в пустыне наступала внезапно. Тьма опускалась очень быстро, и изнуряющая жара сменялась диким холодом. Лесса куталась в одеяло, но все равно мерзла. Ей казалось, что семь дней путешествия на дивных животных с горбатыми спинами растянулись на целую вечность. Призрачной картиной — миражом — казались ей теперь и Галирфан с оставшимся в нем Шером, и далекая холодная Бранвия, и Ланс, и Говард, и даже Эрвин. Будто бы все события ее прошлой жизни случились с кем-то другим либо же просто приснились. А реальным был только темный песок, то раскаленный так, что можно было обжечься от прикосновения к нему, то холодный, будто лед. Она не разговаривала с сопровождавшими ее воинами и даже не стыдилась их, воспринимая как неотъемлемую часть безжалостной пустыни. Пожалуй, выползающие по ночам ядовитые создания волновали ее гораздо больше. По утрам и вечером она покорно жевала лепешки с сушеным мясом, что протягивал ей начальник отряда, но ни разу не поблагодарила его. И когда впереди показалось зеленое пятно, восприняла его равнодушно, приняв за очередное видение.

Но окружавшие меня невозмутимые Воины оживились.

— Священная роща Луны, — пояснил мне начальник отряда. — Дальше мужчинам хода нет. Мы останемся здесь, а вам придется идти одной, госпожа. Не бойтесь, с вами не случится ничего дурного.

Разумеется, ведь все дурное, что только могло, со мной уже случилось.

К роще мы подъехали, когда солнце уже уходило с середины неба. Его закат в пустыне всегда был неожиданным и стремительным: вот только что было светло и жарко, а потом сразу же наступила ночь. Никаких мягких сумерек, что я так любила в родной деревне.

Мы спешили и ступили под широкие кроны деревьев. Я никак не ожидала увидеть подобные посреди песков, но, похоже, в этом месте уже начинала в полную силу действовать магия Луны. Под ногами слабо посверкивала дорожка из серебристого камня.

— Ступайте прямо по ней, госпожа, она выведет вас к храму. А мы будем здесь и встретим вас на обратном пути. Согласно летописям, где-то неподалеку есть родник и фруктовые деревья, там мы и расположимся.

Я уже не слушала Воина. Ноги сами несли меня вглубь рощи. Я шла и удивлялась тому, какой глупой я была, желая избежать этой поездки. Ведь совсем скоро я окажусь в том месте, где смогу узнать о своем предназначении, раскрыть свою суть. Стоило ли этого страшиться?

Когда уже стемнело, дорожка вывела меня к озеру в форме вытянутого полумесяца. Его спокойные воды манили прохладой, и я, не задумываясь, сбросила с себя запыленные одежды и медленно окунулась. Проплыв пару раз от одного берега до другого, я вышла из воды, встряхивая и выжимая мокрые волосы. Было тепло, полная луна ярко освещала

окрестности, и я почему-то даже не удивилась, что моя одежда пропала, а вместо нее на камне лежит короткое прозрачное белое платье без застежек. Безо всякого смущения я облачилась в него и продолжила свой путь простоволосая и босая.

Храм показался неожиданно. Просто расступились вдруг деревья, открывая залитое лунным светом строение из белого мрамора. Я поднялась по широким ступеням, прошла через колоннаду портика и с легким трепетом вступила внутрь.

В помещении, освещенном ярким огнем на алтаре, не было ни одного изображения. Только гирлянды душистых белых цветов лежали прямо на полу.

— Ты пришла, дочь моя, — произнес мелодичный низкий голос. — Повернись и взгляни на меня.

Я повернулась и увидела женщину в длинном белом одеянии. Сколько ей было лет, я не смогла бы ответить. Ни единой морщинки нельзя было обнаружить на безупречном лице, ни единой седой нити в черных волосах, но вот мудрые темные глаза никак не могли принадлежать юной особе. В них светилось понимание, и сострадание, и всепрощение. И я низко поклонилась этой женщине. Она протянула ко мне руку.

— Пойдем, Лесса.

— Лесса? — удивилась я. — Ты зовешь меня тем именем, которое мне не принадлежит.

Почему-то обращаться на «ты» к этой удивительной женщине мне казалось вполне естественным.

— Я зову твоим именем, — пояснила она. — Тем именем, которым ты называешь себя сама. Ты ведь так и не стала ни Литорией, ни Маликой, а осталась Алессой.

Я взяла ее за руку и прошла за ней через маленькую неприметную дверцу вглубь храма. Пройдя через анфиладу комнат, мы наконец оказались в небольшом помещении, где пол был устлан коврами, на низеньком столике исходил паром странный сосуд, а с ним соседствовали небольшие плоские тарелки, уставленные разнообразными угощениями.

— Располагайся, — предложила незнакомка.

Сама она опустилась на подушку и принялась разливать по пиалам горячий напиток из того самого сосуда с длинным носиком. Он немного смахивал на привычный мне кофейник, но был гораздо объемнее и имел шарообразную форму. По комнате поплыл терпкий свежий аромат.

— Благодарю, — я тоже устроилась за столиком. — Как мне обращаться к тебе?

— А как бы ты хотела меня называть?

— Луна? — неуверенно спросила я.

— Пусть будет так. Я вижу, что у тебя есть ко мне вопросы, Лесса. Задавай, я попробую ответить на них.

— Моя мама, — решительно произнесла я. — Она так и не попала сюда. Почему?

— Ты ведь знаешь, что она сбежала перед паломничеством, — спокойно ответила Луна. — Но и посещение храма скорее всего не изменило бы ее судьбу. Мятущаяся душа, она нашла свою тихую гавань. И якорь, что привязал ее.

— Это вы о моем отце? — шепотом спросила я.

— Да. Карида отличалась от прочих дочерей Галирфана. Все, кто долгие века посещали это место, мыслили одинаково. У них были схожие устремления. Они были воспитаны дочерьми и женами Воинов, и новых Воинов желали привести в мир. Они получали здесь то знание, к которому стремились. Давно, тысячелетия назад, были иные женщины. Но то давняя история, тебе она неинтересна.

— Дочери Галирфана получали то знание, к которому стремились, — задумчиво повторила я ее слова. — Значит ли это, что я узнаю нечто иное?

— Здесь каждый обретает то, что ищет. Тебе не нужен Путь для твоего Воина. Ты в поиске своей дороги.

Ответы Луны были чудны и, несомненно, нуждались в обдумывании. Я взяла стоящую передо мной пиалу и пригубила незнакомый напиток.

— И куда ведет моя дорога?

— Это решать только тебе. Ты уже делала выбор — и не единожды.

Я вспомнила слова гадалки на площади Теннанта. Она тогда сказала, что я отомщу убийце своего отца и предостерегала от чрезмерного увлечения мстью.

— Так и получилось, — без тени улыбки сказала будто бы читавшая мои мысли Луны. — Ты сделала свой выбор — и теперь убийцы наказаны.

— Но без моего участия, — возразила я.

— Разве?

Я задумалась. Наказание Ингрид определил Шер, но если бы не его желание, чтобы я ушла с ним по доброй воле, то... То затея Ланса провалилась бы, вот что. Я ведь сама видела погруженных в транс членов совета. Повелитель мог внушить им все, что угодно. Получается, обретение Лансом наследства — результат моего выбора.

— Гадалка говорила еще и о самой темной ночи, когда загорится пламя, — припомнила я. — Эта ночь уже настала?

— Эта ночь может никогда не настать, — загадочно ответила Луна.

А я наконец решилась задать мучавший меня все это время вопрос.

— Я боялась паломничества, потому что ожидала увидеть кровавую богиню, которой поклоняется Шер, а встретила тебя. Скажи, как так получилось? И почему женщин из правящей семьи Галирфана привозили сюда, если ты — вовсе не то жестокое божество, которое они чтут?

— Потому что Луна способна увеличить женскую силу. Ты обучалась магии, тебе ли не знать, сколь тесно женщина связана с Луной. А дочери Галирфана желали стать женами и матерями великих Воинов — и получали желаемое. Своей кровью они могли увеличить силу своего мужчины, но ни одной из них не было дано пользоваться магией самостоятельно. Этот дар ты получила от отца.

Я не смогла бы сказать, сколько времени я провела в храме. День и ночь сменяли друг друга незаметно. Еда и напитки на низеньком столике появлялись словно бы сами собой, поскольку никого, кроме Луны я так ни разу и не увидела. Спать мне не хотелось, а для омовений в храме был каменный бассейн, наполняющийся бьющими со дна горячими ключами.

Луне я задавала любые вопросы, что приходили мне в голову. И на все она терпеливо отвечала. Когда же пришла пора расставаться, я преклонила колени перед наставницей.

— Встань, дочь моя, — ласково сказала она. — Я не могу обещать тебе вечного счастья — счастливыми бывают лишь мгновения. Я не могу дать тебе легкую дорогу — ее выбирает только идущий. Но я вижу, что свой выбор ты уже сделала. И я могу наполнить душу твою спокойствием и уверенностью.

Она поцеловала меня в лоб на прощание и растаяла в воздухе. А я отправилась в обратный путь.

Воины Галирфана, увидев меня, тут же вскочили и низко поклонились.

— С возвращением, госпожа, — произнес начальник отряда. — Располагайтесь, сейчас вам принесут ужин. А с рассветом мы выступим обратно.

Лесса снилась ему и раньше. Иногда это были приятные спокойные сны, в которых они гуляли по Палерго или собирали цветы на весеннем лугу. Иногда — кошмары, в которых он видел окровавленную возлюбленную. Иногда сны были смущающими и откровенными — такие не снились ему уже давно. Но в ту ночь Эрвин увидел особый сон.

Ему приснилось, будто он находился в каком-то странном месте, на берегу озера в форме полумесяца. Полная луна отражалась в темной поверхности. Было тепло, даже, пожалуй, жарко, но желания искупаться отчего-то не возникло. Эрвин знал, чувствовал, что осквернение вод озера ему не простится.

Лесса появилась неожиданно. Босая, с распущенными волосами, в странном коротком белом одеянии, она выступила из темноты в круг света. Эрвин рванулся к ней, чтобы обнять — и внезапно замер, словно скованный чужой волей.

— Мы не можем прикасаться друг к другу, — пояснила Лесса. — Иначе сон сразу прервется.

— Тогда я хотя бы вдоволь насмотрюсь на тебя, — сказал Эрвин.

Его возлюбленная едва заметно улыбнулась.

— А я полагала, что мы поговорим. Разве ты не хочешь узнать, где я сейчас нахожусь?

— Конечно же хочу! Тебя забрал демон пустыни, да? Ты теперь в легендарном городе среди песков?

— Да, — ответила Лесса. — Я в Галирфане. И его Повелитель, Шер, твердо намерен сделать меня своей женой.

Душная черная волна злобы затопила Эрвина. Дыхание перехватило, руки сами собой сжались в кулаки.

— Ты моя невеста. И никакому Повелителю я тебя отдавать не намерен.

— И ты придешь за мной, Эрвин? Ты готов сражаться за меня?

— Готов, конечно же, готов. Вот только я не знаю, как мне попасть в этот демонов Галирфан. Говард перерыл уже всю библиотеку Ланса, но не нашел толком никаких сведений. Лесса, подскажи, как отыскать затерянный город?

— Не сейчас, — тихо ответила она. — Пока я не могу провести тебя через пустыню. Если бы только нашелся кто-то, в ком течет кровь Лунных Воинов... Но я обязательно что-нибудь придумаю. Главное — ты не забыл и все еще любишь меня.

Эрвин потянулся к невесте. Он хотел обнять ее, утешить, сказать, что будет любить ее вечно. Но стоило ему прикоснуться к ее руке, как Лесса исчезла. А сам Эрвин открыл глаза и резко приподнялся на кровати.

С Бьянкой происходило что-то неладное. Пусть молодой герцог, полностью погруженный в государственные заботы, и уделял невесте слишком мало времени, но не заметить перемены в ней не мог. В дочери Фердинанда словно зажегся огонь, и Ланс прекрасно понимал, что предназначено это пламя не ему. Предсвадебные хлопоты нисколько не волновали будущую герцогиню. Она не желала заниматься даже выбором наряда. И это только убеждало Ланса в правильности его догадок.

Ему пришлось немало потрудиться, чтобы застать Бьянку в таком месте, где он смог бы без помех поговорить с ней. Проще всего, конечно, было застать ее в покоях — но компрометировать невесту Ланс не желал. В библиотеке почти безвылазно поселился Говард, в прочих помещениях их разговор в любой момент могли прервать снующие туда-сюда слуги либо же сам будущий тесть. А беседа предстояла не из легких, потому Ланс и не желал, чтобы им мешали.

Наконец ему удалось улучшить момент, когда Бьянка в одиночестве находилась в оранжерее. Герцог опустился рядом с невестой на скамью и прямо спросил:

— Кто он?

— О ком вы, ваша светлость?

— Твой любовник, кто он?

Бьянка побледнела и судорожно стиснула пальцы.

— У меня нет любовника, — растерянно пролепетала она.

— Не ври мне, — жестко сказал Ланс. — Я многие годы прожил рядом со своей мачехой и прекрасно знаю, как выглядит женщина, регулярно получающая удовольствие с мужчиной.

Бьянка соскользнула со скамьи на холодный пол, опустилась на колени и взяла Ланса за руки.

— Ваша светлость, я ведь вижу, что не нужна вам. Молю вас, откажитесь от этой свадьбы. Я уже просила отца, но он остался глух к моим просьбам. Но если вы сами откажетесь от меня, то свадьбы не будет.

— Так значит, я был прав. Кто он, Бьянка? Кто-то из прислуги?

— Нет! — Бьянка вскочила, возмущенно сверкая глазами. — Нет, он точно знатный человек. Его поведение, его манеры — все говорит об этом. И вы ошибаетесь, ваша светлость. Мы не любовники, хотя и любим друг друга. Я все еще невинна.

Но Лансу не было до ее невинности никакого дела. А вот слова невесты о возлюбленном его озадачили.

— У него поведение и манеры знатного человека, но ты не знаешь его титула, так, что ли? Где ты познакомилась с этим человеком?

— В Палерго, — тихо призналась Бьянка, опустив глаза. — В имении вашего кузена.

Ее слова привели Ланса в изумление. Он прекрасно знал, что в имении Эрвина просто не могло быть загадочного молодого человека с манерами аристократа. И здесь внезапно его осенило. Картинка сложилась: непонятная тень, увиденная графом Солейским у кондитерской, странное знакомство Бьянки со своим возлюбленным, нервное поведение Лессы и ее исчезновение и наконец то, что любовник Бьянки продолжал каким-то образом встречаться с ней и здесь, в замке.

— Я хочу его увидеть, — решительно произнес Ланс.

Бьянка опять бросилась на колени и обхватила ноги герцога.

— Нет, пожалуйста, не надо! Прошу вас, не убивайте его!

— С чего ты взяла, что я собираюсь убить этого твоего... как его, кстати, зовут?

— Саддам, — всхлипнула Бьянка.

— Так вот, я вовсе не собираюсь убивать твоего Саддама. Да и занятие это бесперспективное — если судить по происшествию на совете. Я желаю только поговорить с ним.

— Правда? Вы можете дать мне слово чести?

Ланс едва не расхохотался. Все-таки Бьянка была слишком наивна для дочери своего отца. Фердинанд бы потребовал гарантий, не удовлетворившись словом. И герцог здесь никак не мог его упрекнуть.

— Хорошо, даю тебе слово. А теперь успокойся и подумай, как уговорить твоего Саддама встретиться со мной. И еще одно: твой отец не должен узнать ни слова из нашего разговора.

Впервые в жизни он чувствовал себя настолько растерянным. Раньше было проще: исполнил задание, получил заслуженное одобрение и свободен. Теперь же ни свободы, ни одобрения, да и задание он — позор! — похоже, провалил. Он должен был влиять через Бьянку на Ланса, а вместо того сам все больше запутывался в паутине безысходности. Он не мог отдать свою женщину другому и не мог забрать ее с собой. А когда Бьянка сказала, что Ланс желает встретиться с ним, Саддам отчетливо понял — это конец. Если не герцог, то Шер точно не оставит его в живых. Огорчать возлюбленную своими догадками он не стал, решив, что поволноваться Бьянка еще успеет. Зато целовал ее с отчаянной голодной страстью.

— Ланс не женится на мне, — тихо сказала Бьянка, выгибаясь в его руках. — Он меня не хочет, я ему не нужна. Быть может, он придумает, как нам с тобой остаться вместе.

Саддам сильно сомневался, что герцог горит желанием устроить судьбу своей неверной невесте. Про себя он твердо решил, что свое последнее желание на собственной крови истратит на то, чтобы у Бьянки все было благополучно. Он был уверен, что Луна ему не откажет.

К тому, что произошло потом, он готов не был. Бьянка решительно избавилась от остатков одежды и поманила его за собой к кровати.

— Но мы ведь не можем...

— Можем! — глаза девушки горели. — После этого я точно не стану женой Ланса.

И он сдался. В конце концов, он так давно ее хотел. Он был осторожен, очень осторожен и нежен, чтобы Бьянке не было больно. Он доводил ее своими ласками до иступления. И когда они наконец слились в одно целое, его любимая даже не вскрикнула. Лишь впиалась ногтями в его плечи и подалась навстречу.

На следующий день он стоял перед хмурым герцогом Бранвийским. Помимо Ланса в кабинете присутствовал также и его кузен, Эрвин Солейский. Тот и вовсе сверлил Саддама подозрительным взглядом. Но Лунный Воин для себя решил, что общаться будет только с герцогом.

— Как тебя зовут?

— Саддам.

— Странное имя. Нездешнее. Ты не из Бранвии?

— Нет, — Саддам усмехнулся: к чему спрашивать об очевидном.

— Где твоя родина?

— Далекко.

— А точнее? — Ланс начинал злиться, и это доставляло Саддаму удовольствие.

— Ты из Галирфана? Воин Луны? — внезапно спросил Эрвин.

Саддам резко повернул голову и уставился в бледное исхудавшее лицо графа Солейского.

— Откуда ты знаешь?

— Значит, я прав. Скажи, ты хорошо знаешь Шера?

Услыхав, как этот ничтожный человек без капли магической силы вот так запросто произносит имя Повелителя, Лунный Воин взбеленился.

— Ты не имеешь права произносить его имя!



— Имею, — голос Эрвина звучал устало. — Твой властелин — гнусный вор. Он украл мою невесту.

— Он вернул в Галирфан ту, в которой течет благородная кровь древних правителей, — взревел Саддам. — Он в своем праве.

— Успокойся, — холодно и властно произнес Ланс, и Саддам замер. — Мы хотим предложить тебе сделку.

— Какую?

— Тебе ведь дорога Бьянка? Можешь не отвечать. Одно то, что ты пришел на эту встречу, говорит о многом. Ты знаешь, что она — моя невеста?

— Знаю.

— Я могу жениться на ней. Могу отпустить ее с тобой. Но есть и третий вариант: я могу публично обвинить ее в измене. Пусть она еще не стала герцогиней Бранвийской, но она уже предала своего герцога. Или знахарки смогут подтвердить ее невинность?

Саддам опустил голову, проклиная себя за то, что не смог сдержаться ночью. Теперь из-за его похоти Бьянке грозила смертельная опасность. Он не обманывался: пусть законы Бранвии были и не столь строги, как в Галирфане, но за измену невесту герцога непременно казнят. Причем публично, с позором. А его просьба Луне... Он был готов в любой момент вскрыть себе вены и отдать за спасение Бьянки жизнь, но захочет ли Луна помогать предательнице? То, что вчера в угаре страсти казалось неоспоримым, сегодня вызывало серьезные сомнения.

— Ее судьба зависит от тебя, — продолжал Ланс. — Выбирай.

— Что я должен сделать? — обреченно спросил Лунный Воин.

Она взволнованно ходила по комнате, то сплетая пальцы, то расплетая их. Иногда принималась теревить темные локоны, да так, что прическа давно уже растрепалась. Пыталась отвлечься, подумать о чем-нибудь постороннем, но никак не получалось.

Саддам ушел на встречу с Лансом еще утром, а теперь уже наступали ранние сумерки. Бьянка подошла к окну, залепленному мокрым снегом, попыталась выглянуть наружу, но толком ничего не разглядела. Из комнаты выйти ей не давали гвардейцы, поставленные герцогом в коридоре перед ее дверью. Они же не пустили к дочери Фердинанда. Бьянка слышала, как он кричал и ругался. Вероятно, гвардейцы что-то поясняли ему, но крепкая дубовая дверь заглушала их голоса. Даже слов из возмущенных воплей отца Бьянка не разобрала, но вполне могла себе представить, что именно он мог обрушить на головы ни в чем не повинных стражей.

За себя она не переживала. Твердо решив, что женой Ланса не станет, она выбрала свой путь. Бьянка не обольщалась. Существовала вероятность, причем весьма высокая, что герцогу не удастся договориться с Саддамом. Что же, Бьянка была готова понести наказание за свое преступление. И лишь судьба возлюбленного волновала ее.

Наконец дверь распахнулась. Бьянка подалась навстречу вошедшему и тут же отступила. Это был не Саддам. Ланс.

Герцог прошел к креслу у камина, опустил в него и молча устремил взгляд в огонь. Бьянка не выдержала, заговорила первой:

— Где Саддам? Вы с ним договорились?

— Договорились. Вернее, пришли к решению, временно устраивающему обе стороны. Он сидит в замке под стражей, не пытается сбежать или связаться со своим Повелителем, а я не трогаю тебя.

— Но что же будет дальше? — взволнованно спросила Бьянка. — Отец настаивает на свадьбе. Что мне ему сказать?

— Свадьбы точно не будет. И я сам скажу об этом твоему отцу. Я распорядился, чтобы его привели сюда.

Словно в ответ на эти слова дверь распахнулась, и в комнату влетел разъяренный Фердинанд.

— Ланс, что происходит? Как прикажешь тебя понимать? Бьянка заперта, меня к ней не пускают! Ты что, лишился рассудка?

— Вы забываетесь, граф, — холодно процедил Ланс. — Вспомните, что разговариваете со своим правителем, и потрудитесь выбрать подходящий тон.

— Я разговариваю со своим будущим зятем!

— Нет, Фердинанд. Ваш будущий зять — если, конечно, он доживет до счастливого дня бракосочетания — сейчас содержится под стражей.

У Фердинанда был такой вид, будто его вот-вот хватит удар.

— Что? О ком это?

— О жителе пустыни, которому ваша дочь отдала свою невинность. Или вы ожидали, что я женюсь на девице, не сумевшей себя соблюсти?

Граф бросил на дочь неверящий взгляд.

— Нет! Бьянка, скажи, что это неправда!

Но Бьянка только опустила голову. И в следующий момент ее щеку будто обожгло огнем.

— Распутная дрянь! — прошипел Фердинанд, заноса руку для второго удара.

— Довольно! — остановил его окрик герцога. — Покиньте нас. Я желаю переговорить с Бьянкой без свидетелей.

Граф плюнул дочери под ноги, резко развернулся и вышел, напоследок с силой захлопнув за собой дверь.

Теперь Лесса снилась ему часто. Пусть и не каждую ночь, но у него появилась возможность смотреть на свою возлюбленную, разговаривать с ней. Вот только прикоснуться к ней он по-прежнему не имел права.

— Я так хочу тебя поцеловать, — признался Эрвин, жадно разглядывая невесту.

На сей раз она была облачена в расшитое цветами одеяние с широкими рукавами, а волосы ее собраны на затылке в замысловатый пучок, украшенный шпильками с жемчугом. Лесса печально улыбнулась.

— Я тоже, — сказала она. — Но я рада и просто возможности повидать тебя. Жаль, что я не могу перенестись в Бранвию даже во сне. Во всяком случае, не по своему желанию. Никогда не думала, что буду так скучать по холодам и снегам. Здесь только жара, пыль и песок, что забирается под одежду и скрипит на зубах. От зноя можно укрыться только во дворце, за толстыми каменными стенами. Даже в тени сада у бассейна мне нестерпимо жарко. Как же я хочу домой!

— Скажи, что еще мы должны сделать для твоего возвращения? — спросил Эрвин. — Саддам не предпринимает попытки к бегству, но и не желает ничего рассказывать о пути в пустыню. Быть может, нам стоит пригрозить ему чем-нибудь еще?

Но Лесса только покачала головой.

— Нет, не надо. Пусть чувствует себя в безопасности. Поверь, он вам еще пригодится. И откроет путь в Галирфан, даже если сам того не пожелает.

— Опять ты говоришь загадками, Лесса.

— Просто я сама еще не до конца все понимаю. Я научилась прислушиваться к предчувствиям, и они говорят мне, что Саддам еще сыграет свою роль.

— Расскажи еще что-нибудь. Помнишь сад в Палерго? Старую яблоню, под которой мы целовались?

И их разговор терял дальнейшую важность и смысл для всякого, кому взбрело бы в голову их подслушивать — только не для самих влюбленных.

От бессонных ночей глаза покраснели и слезились. Иной раз символы на бумаге сливались в одно темное неразборчивое пятно, но Говард никак не мог заставить себя оторваться от книг и пойти отдохнуть. Перерывы он делал лишь на то, чтобы помыться — тонкое обоняние бывшего мага не выносило запаха несвежего тела, пусть даже собственного — и перекусить. Иногда он впадал в короткую дрему, но для этого ему не было нужды покидать библиотеку. Он уже приучился засыпать в неудобной позе, положив голову на скрещенные на столе руки.

Иногда Говарду казалось, что он уже близок к разгадке, что еще чуть-чуть — и он узнает тайну Галирфана. Но нет, затерянный в песках город тщательно хранил свои секреты. Все сведения, что Лесса сообщила Эрвину во снах, Говард скрупулезно записал и теперь то и дело сверялся с записями. Таким образом ему уже удалось отбросить несколько легенд о пустынных демонах из-за сильных сомнений в их правдоподобности.

О том, что Лесса может не вернуться, Говард запрещал себе думать. Он и без того потерял сначала возлюбленную, а затем и дочь. Не имея возможности точно установить, кто именно являлся отцом Сузи, за последние годы Говард привык считать, что Сузи была его ребенком, следовательно, Лесса приходилась ему внучкой, пусть и неродной. Но сменить «дядюшку» на «дедушку» он не собирался. Как не собирался терять Алессу.

Он уже давно потерял счет прочитанным книгам, когда наконец наткнулся на нечто, подарившее ему призрачную надежду. К сожалению, в этом случае он сам никак не мог повлиять на исход ситуации. Да еще и требовалось заручиться согласием Эрвина и Лессы. И если в первом Говард не сомневался, но со вторым — он знал это заранее — возникнут определенные трудности. Но в любом случае сначала ему требовалось переговорить с Саддамом.

— Ты знаешь, кто я?

— Да, — равнодушно ответил Лунный Воин. — Бывший маг, дальний родственник Малики.

Маликой он упорно звал Лессу. Говорил, что это имя выбрал для дочери Кариды сам Повелитель. Эрвин поначалу пытался спорить, но вскоре даже он признал вопрос несущественным.

— Стало быть, ты знаешь, что я ученый?

Саддам пожал плечами. Похоже, Говард мало его интересовал. Но бывшему магу в данный момент это было только на руку.

— Я изучаю древние верования и традиции разных народов. Хочу написать книгу, — вдохновенно лгал он. — Ты не против ответить на кое-какие вопросы? Не волнуйся, ни о чем секретном я тебя спрашивать не буду.

— Отвечу, — сухо согласился Саддам.

— Это правда, что в вашей стране так жарко, что ее жители ходят полуобнаженными?

— Нет, конечно, — фыркнул Лунный Воин. — То есть у нас очень жарко, потому-то, наоборот, все носят одежды, закрывающие тело полностью. Иначе солнце попросту сожжет кожу.

Говард продолжал задавать ничего не значащие вопросы, постепенно подбираясь к главному, самому важному. Саддам, похоже, расслабился и не ожидал от него подвоха.

Он интересовался бытом и нравами Галирфана. Расспрашивал об убранстве домов, напитках и кушаньях. Узнавал, какие деревья растут в садах и имеются ли на площадях фонтаны. А потом спросил:

— Это правда, что ваш народ славится искусством своих воинов?

— И небезосновательно, — гордо ответил Саддам.

— Но ведь магия способна преломить ход любого поединка, не так ли?

— Во время ритуальных поединков запрещено пользоваться магией. Имеет значение лишь умение обращаться с оружием.

— Когда-то в Бранвии существовал обычай: завоевывать в поединке свою возлюбленную, — солгал Говард. — Жаль, что сейчас о нем никто не помнит.

Глаза Саддама загорелись — должно быть, он вспомнил о Бьянке.

— Да, жаль. У нас такой обычай существует до сих пор.

— И что, можно отвоевать себе любую женщину?

— Только если она еще не замужем. Жаль, что у вас об этой традиции позабыли. Иначе мне было бы достаточно появиться в храме на свадьбе Бьянки и заявить свои права на нее. А уж с мальчишкой-герцогом я бы и без магии справился.

Говард был доволен: он узнал то, что хотел. Но ему пришлось еще долго расспрашивать Саддама, чтобы скрыть истинную цель своего визита.

— Вы сошли с ума! — возмущалась я, гневно глядя на Эрвина. — Разве это план? И его предложил дядюшка? Эрвин, как вы не понимаете — это же самоубийство! Во-первых, магию нельзя применять только во время поединка. Если ты даже доберешься каким-то чудом до Галирфана, тебя тут же схватят и, скорее всего, казнят. Во-вторых, Шер не просто могущественный маг. Он — воин. И я уверена, что воин превосходный.

— Я тоже, между прочим, умею держать меч! — заявил Эрвин. — И ты удивишься, но и неплохо им владею!

Мы ссорились впервые за все время, что были знакомы. И ссорились — смешно сказать! — во сне. Благодаря полученным от Луны знаниям у меня появилась возможность видеть жениха едва ли не каждую ночь. Порой мне казалось, что лишь благодаря этим снам я не лишилась рассудка. Да еще мне повезло, что к посетившей храм Луны девушке мужчина не имеет права прикасаться до самой свадьбы. Считалось, что все это время между невестой и Луной крепнет связь, которую мужское прикосновение обрывает. Это поверье принесло мне некоторые трудности на обратном пути в Галирфан, ведь никто из сопровождавших меня Лунных Воинов не мог оказать мне помощь, если требовалось до меня дотронуться хоть кончиком пальца. Даже фляга с водой передавалась мне крайне осторожно, дабы избежать случайных касаний моей руки. Зато во дворце я вздохнула с облегчением. Шер хоть и посещал меня дважды в день, но всегда держался на почтительном расстоянии. Единственное, что меня беспокоило — день моего восемнадцатилетия неумолимо приближался. А значит, приближалась и ночь свадьбы.

Шер уже пояснил мне, что обряд бракосочетания в Галирфане проводят непременно ночью, чтобы союз благословила сама Луна. После того, как на руках супругов застегнутся брачные браслеты, жених и невеста направляются в храм, чтобы там в особом помещении уже стать окончательно мужем и женой. Мысль об этом меня страшила.

Эрвин доказывал мне, что вполне способен справиться с Шером, если только тот не будет применять магию. И если сначала я и слышать не желала ни о каком поединке, то со временем предложение Говарда даже стало казаться мне здравым.

— Ты должен попасть прямо на церемонию, — поясняла я Эрвину. — Если ты объявишься в Галирфане раньше, тебя сразу схватят. Хорошо, что у вас есть заложник. Я попробую протянуть нить крови между нами и призвать тебя в Галирфан вместо него.

— А вдруг ничего не выйдет? Все-таки разумнее предпринять попытку заранее. Если у нас ничего не получится, то я буду искать иной путь.

— Тебе никто не мешает искать его сейчас, — злилась я. — Но на меня не рассчитывай. Я рисковать твоей жизнью не желаю.

— Лесса, — сказал Эрвин тоскливо. — Лесса, я не представляю свою жизнь без тебя. Веришь?

— Верю, — тихо откликнулась я. — Потому что моя жизнь без тебя тоже лишена смысла.

Этот день наступил слишком быстро. Верно говорили в Бухте-за-Скалами: это хорошего долго ждать приходится, неприятности же налетают ураганом. Меня разбудили, когда солнце уже стояло высоко над горизонтом. Молчаливые служанки отвели меня в купальню, где вымыли меня и растерли ароматными маслами. Потом они долго расчесывали мои

волосы, но укладывать в прическу их не стали. Вместо привычных пряных острых кушаний мне принесли пресные лепешки и чуть солоноватый сыр, а еще немного фруктов. Но мне самой кусок в горло не лез. Меня била нервная дрожь. Одна из служанок протянула мне кубок с вином, и я одним глотком осушила его. Вероятно, к вину была подмешана какая-то настойка, потому что вскоре я успокоилась. Возможно, Шер и рассчитывал, что я смирюсь, но я, напротив, преисполнилась холодной решимости. Оставалось лишь надеяться, что Эрвин и Говард в точности выполнят мои указания.

Платье мне принесли простое, белое, безо всяких украшений — невесту должна украшать ее чистота. Предполагалось, что из храма я выйду, увешанная драгоценными подарками супруга. Подумав об этом, я поморщилась.

А когда солнце уже клонилось к закату, за мной наконец пришли. Этих Воинов я помнила, они сопровождали меня в поездке к оазису в пустыне.

— Пора, госпожа, — почтительно произнес начальник отряда. — Следуйте за нами.

Идти было недалеко. На площади перед храмом собралась огромная толпа.

— Дорогу невесте Повелителя! — кричал идущий передо мной Воин.

И люди расступались, склонялись в почтительном поклоне. А непосредственно у храма я увидела безлюдную площадку, окруженную по периметру горящими факелами. В центре ее лежал огромный плоский камень с выдолбленными в нем желобками. Он был тщательно вымыт, но все равно давно потемнел от крови бесчисленных жертв, приносимых Луне. По счастью, свадебные обряды нуждались только в крови жениха и невесты. Шера еще не было видно. Я знала, что он появится, как только на алтарь упадет первая капля моей крови. На дрожащих ногах я приблизилась к внушавшему мне безотчетный ужас камню.

— Сегодня дева Малика из древнего рода Повелителей Галирфана обретет супруга, — раздался над площадью громовой голос невидимого жреца. — Напои алтарь своей кровью, дева, и узнай, кто предназначен тебе Луной.

Искренне надеясь, что узнав волю Луны почтенный жрец немало изумится, я достала подаренный Шером кинжал и полоснула себя по ладони, зная, что в этот момент Эрвин делает такой же надрез на руке Садама. И я закрыла глаза, стараясь протянуть между нами нить, притянуть к себе жениха.

— Кровь к крови, — беззвучно шептала я слова древнего заклатья. — Услышь и приди.

Черная тень напозла на ночное светило, оставив от луны лишь тонкий зловеще светящийся багровым серп. Изумленный вздох прокатился по толпе.

— Это моя женщина, — раздался уверенный голос Шера. — Луна тому свидетельница.

— Это моя женщина, — возразил ему голос Эрвина. — Я требую поединка за право обладания ею.

Мне показалось, будто я услышала, как скрипнул зубами Шер. Но пойти против традиции на глазах у собравшейся толпы не осмелился. Факелы вспыхнули еще ярче, разгоняя сгустившуюся тьму. Я больно, почти до крови прикусила указательный палец, чтобы не зарыдать и не забиться в истерику — бой за обладание женщиной велся до смерти одного из противников. Впрочем, будь даже иначе, у Эрвина все равно оставался единственный шанс выжить — убить Шера.

Мечи появились на алтаре из ниоткуда. Эрвин осторожно взял свой, взмахнул, примеряясь. Шер смерил противника презрительным взглядом и атаковал без предупреждения. Я едва слышно ахнула, когда на левом плече Эрвина проступила кровь. Впрочем, мой жених действительно был хорошим воином и отлично держал оборону. Один



раз ему даже удалось дотянуться до Шера и зацепить его, но большей частью он пока просто уходил от атак, выматывая Повелителя Галирфана. Очевидно, Шер разгадал его замысел. А потом я с ужасом заметила, как беззвучно шевелятся его губы, как собирается вокруг него тьма — Шер собирался применить магию. Я хотела предупредить Эрвина об опасности, но крик застыл у меня в горле. Появившийся на кончиках пальцев левой руки Шера огонь не устремился к Эрвину. Нет, он объял самого Повелителя, вспыхнувшего, подобно живому факелу. Его противник растерянно отступил, не опуская меч. Но сражаться было уже не с кем — от Шера спустя мгновение не осталось даже пепла.

А потом я услышала странный шорох и, оглянувшись, с удивлением обнаружила, что толпа на площади опустилась на колени и склонила головы.

— Поединок чести не терпит обмана, — вновь прозвучал голос жреца. — Луна покарала своего сына, преступившего через древние законы. Ты получил свою женщину, воин. Иди и возьми ее.

Растерянный Эрвин подошел ко мне, все еще крепко сжимая в руке меч.

— Лесса, что я должен делать? — едва слышно прошептал он.

— Верни меч на алтарь и протяни мне руку.

Меч исчез в клубах тумана. А мне пришлось снова порезать ладонь, ведь предыдущая рана уже затянулась. Потом я сделала такой же надрез на руке Эрвина. Речитативом заговорил жрец, но слов разобрать я не могла. Руку словно обожгло, а потом на запястье проступили странные символы. Точно такие же появились и на руке у Эрвина. Черную тучу разогнало ветром, и полная луна вновь показалась на небе. Я взяла своего теперь уже мужа за руку и повела в храм. Страшно мне не было, пусть я и немного нервничала.

Сначала нам предстояло искупаться в ритуальном бассейне. Не глядя на Эрвина, я быстро стянула свое платье и скользнула в воду, прозрачную и ничего не скрывающую. Вскоре позади меня раздался плеск, а затем я ощутила легкое прикосновение к своему плечу.

— Лесса...

Я повернулась. По лбу Эрвина стекали капли пота, глаза потемнели. Его руки обняли меня за талию, рот накрыл мои губы. Я обхватила его руками и ногами, прильнула теснее, отвечая на поцелуй. Все еще держа меня на руках, Эрвин поднялся по мраморным ступеням бассейна и отнес меня на шкуру неизвестного мне животного, лежащую в другой части помещения.

— Моя жена, — выдохнул он и принялся поцелуями стирать капли воды с моей кожи. Я притянула его к себе. Пусть я представляла себе эту ночь иначе, пусть вместо застеленного шелковым бельем ложа у нас была шкура, немного коловшая влажную кожу, но я была счастлива. И не собиралась ни от чего отказываться...

Когда мы утром вышли из храма, то с удивлением обнаружили, что площадь все еще заполнена народом. Факелы уже не горели, алтарный камень под солнечными лучами казался почти безобидным. Сидящие прямо на земле люди при нашем появлении поднялись и склонили головы. От толпы отделился человек и медленно зашагал к нам. Я узнала сопровождавшего меня Воина, чьего имени, увы, ни разу не слыхала.

— Госпожа Малика, — почтительно заговорил он, остановившись от меня в трех шагах. — Народ Галирфана приветствует вас.

Раздались многочисленные выкрики, вскоре слившиеся в сплошной многоголосый гул. Эрвин крепче сжал мою руку. На стоявших в передних рядах Воинов он поглядывал недоверчиво.

— Повелитель Шер погиб. Теперь кровь великой династии течет только в ваших жилах. Но никогда женщина не правила Галирфаном. И ваш супруг тоже не сможет стать нашим повелителем. Но если ваш будущий сын когда-нибудь захочет вернуться на родину своих предков — его всегда здесь будут ждать.

Мысли Эрвина я угадывала сейчас без труда. Судя по его лицу, если боги пошлют нам сына, то он никогда не ступит на землю Галирфана. Но я поблагодарила Воина и попросила его выделить нам провожатых через пустыню. Приготовления к отъезду заняли немного времени: мне не хотелось брать с собой подарки Шера, а мой муж не желал задерживаться во дворце ни на одно лишнее мгновение. Вот только судьба Ингрид немного беспокоила меня. Несчастливая женщина, похоже, сходила с ума.

— Лучше ей остаться здесь, — жестко сказал Эрвин, когда я поделилась с ним своими сомнениями. — Ланс по-прежнему ненавидит ее. Вряд ли ее участь в Бранвии будет легче, нежели здесь.

Галирфан мы покинули еще до полудня. Обернувшись, я бросила последний взгляд на некогда величественный город и ощутила неожиданный укол в сердце.

— Я действительно свободен? — недоверчиво спросил он.

— Да, — сквозь зубы ответил, будто выплюнул, Ланс.

— Свободен, — более охотно подтвердил Эрвин. — И волен ступить, куда хочешь. Правда, на твоём месте я покинул бы Бранвию. Сам понимаешь, герцог вряд ли будет счастлив встретить тебя вновь.

Граф Солейский просто светился счастьем. Улыбался иной раз без причины, ходил по комнате, не в силах усидеть на месте. Стало быть, ему удалось-таки добиться своего и отстоять свою женщину. Саддам ощутил, что завидует ему — сам он давно уже не видел Бьянку и ничего не знал о судьбе возлюбленной, кроме того, что та жива и здорова.

— Бьянка готова уйти вместе с тобой, — будто угадав его мысли, сообщил Эрвин. — Если ты захочешь, конечно. Отец отрекся от нее, так что выбор у нее небогатый — либо в монастырь, либо в прислуги. Можно, конечно, было бы выбрать ей мужа из стражников, да только она не желает. А теперь уже поздно.

— Что значит — поздно? — не понял Саддам.

— Это значит, что её положение уже не скрыть. Так что, забираешь её с собой?

Лунный Воин только кивнул, не находя слов. Бьянка отправится с ним! У них будет ребенок! Наконец-то у Саддама появится то, о чем он даже и не мечтал никогда — настоящая семья! Он пока не знал, где именно они обоснуются, и чем он будет зарабатывать на жизнь, но не сомневался, что справится со всеми трудностями. Из Бранвии придется уйти, в Галирфан с женой-чужеземкой лучше не возвращаться, но в мире так много места — найдется и для них уголок.

Позже он узнал, что бедствовать им не придется даже первое время. Фердинанд, готовясь к свадьбе дочери, перевез в герцогский замок все её драгоценности, оставить которые отцу Бьянка и не подумала. Возможно, что ей, привыкшей к роскоши, и трудно было поначалу обходиться небольшим домиком и помощью всего одной приходящей служанки, но она ни разу не упрекнула своего супруга. А Саддам и вовсе не был склонен сожалеть о содеянном. Впервые в жизни он понял, что это значит — быть счастливым.

Бухта-за-Скалами, некогда бывшая для меня целым миром, показалась ныне совсем крошечной. Деревенька в одну улицу, в центре — пятачок перед небольшим храмом и общинным домом, где до сих пор учила грамоте детишек матушка Сузи. Дома небогатые, но крепкие, сработанные с любовью. Цветные ставни, беленые изгороди. И крики чаек, доносящиеся от моря. Пахло солью и водорослями, особой, морской свежестью. Эрвин оглядывался с любопытством, да и я жадно искала перемены — и не находила. Разве что высыпавшие поглазеть на приезжих детишки были мне незнакомы. Те, что постарше, родились еще в бытность мою деревенской жительницей, вот только я их не узнавала — дети растут так быстро.

Домик, в котором я провела детство, знакомый до малейшей трещинки и шероховатости на стенах. Деревянное крыльцо, на котором так уютно было сидеть летними вечерами. И женщина, выглянувшая на стук копыт.

— Матушка Сузи! — я торопливо спешила и бросилась к приемной матери.

Мой супруг замешкался, привязывая коней к ограде, а я уже тормозила слегка постаревшую Сузи, обнимала ее, целовала и плакала.

— Лесса, девочка моя! Ты ли это? Как выросла, какой красавицей стала! Ох, а у меня даже пироги-то не поставлены. Сейчас, сейчас, вы проходите, я быстренько...

— Не суетись, матушка, — остановила ее я. — Лучше давай я тебя познакомлю со своим мужем.

Сузи внимательно осмотрела Эрвина и сказала только:

— Береги мою девочку.

— Обязательно, — кивнул он.

Затем матушка втащила нас в дом и затеяла-таки пироги, а вскоре начали заглядывать старые знакомые. Сначала зашла якобы за мукой соседка. Долго охала и ахала, шупала ткань моего платья, бросала взгляды исподтишка на Эрвина и ушла, позабыв миску с мукой на столе. Затем появился староста. Он, напротив, беседовал в основном с моим мужем. Речь шла о Лансе, о податях и сборах, о восстановлении дорог и различных нововведениях. А потом заглянула Тина с годовалым младенцем на руках.

— Ден сейчас в море, — пояснила она. — Но он тоже будет рад тебя видеть. Вот, познакомься, ее тоже зовут Алесса.

Некоторое время я умиленно рассматривала маленькую тезку, а потом спросила о Савке. Тина помрачнела.

— О нем уж, почитай, больше двух лет известий нет. Мы тогда как из Заводня вернулись, так все он большим городом грезил. И браслет тот, что украл — помнишь? — мне подарить пытался, да только я не взяла. Он тогда сказал, что я пожалею. Бахвалился, что разбогатеет, мол, дело это несложное. А потом пропал. Поехал в очередной раз на ярмарку и не вернулся. Ден думает, что он в другой город подался, побольше Заводня. А я так считаю, что ввязался-таки Савка во что дурное. Не знаю даже, жив ли он.

А к вечеру вернулись рыбаки, и в маленьком домике стало не протолкнуться. Кто-то предложил перебраться в общинный дом, и все с радостью поддержали эту идею. Миготом составили столы, хозяйки притащили солений-копчений-пирогов, и началось празднование. Спать улеглись мы уже за полночь.

Утром Сузи достала из сундука украшения моей покойной матери.

— Забери их с собой, Лесса. Теперь ты графиня и можешь носить их спокойно.

— Ланс все еще пытается уговорить меня стать его личным магом, — откликнулась я, пропуская сквозь пальцы цепочку медальона. — Но Эрвин против, да и я не слишком этого хочу. Так что пока герцогу помогает Говард. Он, увы, не может вернуть себе магические силы, но советчик из него неплохой. Кстати, он будет рад тебя повидать. Поедешь с нами?

— Поеду, — немного поразмыслив, откликнулась матушка. — Но потом все равно вернусь. Здесь моя жизнь, Лесса. Прикипела я к этому месту, сроднилась с ним.

— Понимаю, — грустно ответила я. — Признаться, я мечтала, что ты будешь жить с нами. Мы с Эрвином подумываем перебраться обратно в Палерго, но Ланс надеется уговорить нас остаться.

Ланс настолько погрузился в дела герцогства, что больше ни на что ему времени попросту не оставалось. Говард помогал по мере сил, да и мы с Эрвином не оставались в стороне. Но в одном мой супруг был категоричен — мать его будущих детей не должна подвергать себя опасности. И я, вспоминая судьбу своих родителей, соглашалась с ним. В замок же потянулись всевозможные девицы на выданье в сопровождении родственников, но Ланс почти не замечал откровенно предлагаемых — разве что не навязываемых — ему невест. А Эрвину как-то сказал, что история с Бьянкой научила его не доверять женщинам. Припомнил он заодно и мачеху, скрывшуюся от его мести. Впрочем, я была уверена, что судьба Ингрид Ланса только порадовала. Мне тогда его слова внушили определенное беспокойство, но мой муж заявил, что Ланс еще слишком молод. И что однажды встретит ту, что сумеет растопить его сердце.

В Бухте-за-Скалами мы задержались на несколько дней. А провожать нас высypала вся деревенька. Я обняла на прощание Дена, Тину, поцеловала маленькую Алессу. Сузи устроилась на лошади за спиной у Эрвина.

Уже выехав на дорогу, я в последний раз оглянулась на то место, где прошло мое детство. С серого осеннего неба неожиданно ярко светило солнце, отражаясь бликами в морской глади. У берега стояли лодки — сегодня рыбаки не вышли в море. Они с женами и детьми стояли на окраине и дружно махали нам руками. Бухта-за-Скалами оставалась позади, но впереди меня ждал целый мир. Ночная тьма в моей жизни рассеялась, и наступил новый день. День, который — я была в этом уверена! — нес нам перемены только к лучшему.

Больше книг на сайте - [Knigolub.net](http://Knigolub.net)